

Татьяна РИЗДВЕНКО

Татьяна Риздвенко окончила худграф Московского педагогического университета. Была художником по росписи фарфора, преподавателем живописи, журналистом, копирайтером, руководила литературной студией для подростков в Доме Щепкина. В настоящее время работает в сфере рекламы. Живёт в Москве. Стихи, рассказы, рецензии печатались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», вестнике современного искусства «Цирк “Олимп”», поэтических антологиях. Автор трёх поэтических сборников. Предыдущая публикация в «Волге» – роман «Пан» (2020, № 1-2).

РОТОНДА-ТРИП

история одного проекта

*Всем ушедшим и здравствующим
исследователям жизни и творчества Н.А. Львова
посвящается*

*Хочется надеяться, что его история все же будет
написана, пусть не мной, кем-либо другим, но с большим
вдохновением и подлинным увлечением, с раскрытием всего
художественного и своеобразного богатства его
архитектурного дарования.*

Михаил Ильин. Пути и поиски историка искусства

На литературный конкурс брали два рассказа от одного автора. У меня было три рассказа. Три штуки, прекрасные, на мой взгляд.

Два объединялись в цикл, шли парой. Третий был сам по себе, на другие не похожий.

С признаками исторического детектива, с элементами байопика. С выходом в метафизику...

С участием в качестве одного из персонажей любимого героя эпохи Просвещения. Все это на почти на сорока тысячах знаков! Рассказ еле влез в конкурсные рамки...

Он мне и сейчас нравится.

А принимали – два.

Я и послала два. От своего имени, со своего адреса. Два первых, как маленький цикл.

А с третьим я не знала, как поступить. Очень хотелось послать его на конкурс. Но там строгие правила для участников, нужно ставить галочку «с правилами конкурса согласен».

И я смухлевала. Сколько можно быть хорошей девочкой...

Чтоб представить на конкурс третий рассказ, я придумала для него авторшу, Евгению Рождествину. Писательницу из Балашихи.

Фамилия Рождествина практически моя собственная, переведенная с украинского. У нас была родня с такой фамилией в (на) Украине, но все поумирали, не оставив веточек.

Евгения – хорошее двусмысленное имя, бесполое и насквозь литературное.

Этой Рождествиной Евгении я придумала краткую биографию. Девушка закончила химико-технологический, пишет прозу. Не печатается, пока.

...Хоть это и был(-а) чистейшей воды фантом, я почему-то очень хорошо представляла эту Евгению внешне. Худая брюнетка с гладкой оливковой кожей. Много родинок, как на куличе. Зеленоватые глаза, нос немного уточкой. Симпатичная. Волосы прямые средней длины, она их закладывает за уши. Высокая, ноги длинные, чрезвычайно удачные ноги. Немного широковат таз, но рост скрадывает этот условный недостаток. Высокая, по школьной привычке немного сутулится.

Балашиха в качестве места обитания сочиненной мной авторши взята была не случайно. Этого города много, даже слишком, в моей жизни. Мы часто проезжаем сквозь долгую, утыканную светофорами Балашиху, отправляясь на восток. Гусь-Хрустальный, Гороховец, Нижний, Казань, город-шапито Йошкар-Ола, все это через Балашиху.

В Балашихе, в Горенках, я провела последний безмятежный день своей прошлой жизни...

Дача у нас тоже в той стороне.

С этим подмосковным городом связана одна мерзкая история, расскажу как-нибудь потом.

Когда я говорю Балашиха, добавляю вслух или про себя – «Ерунда*а*шиха», в рифму. На автомате, условный рефлекс...

Хотя вообще-то она Балаши*и*ха, рифма Ершиха (рыболовецкая база в Ивановской области, тоже по этой дороге).

Короче, я поселила Евгению Рождествину в Балашихе.

...На месте жюри, в которое входили сплошь сановитые литературные люди, я бы немедленно догадалась, что Евгения Рождествина – мистификация.

Но догадываться не входило в задачи уважаемого жюри.

Прочитать бы туеву прорву рассказов, присланную на довольно-таки престижный конкурс. Только в лонг-листе было около ста человек!

И этот как бы мой, но как бы уже и не мой рассказ в результате вошел в лонг-лист.

А два других пролетели...

Интересно, что было бы, если б несуществующая Евгения из Балашихи вдруг победила?

(Никому не интересно, но можно в это поиграть.)

Кто получал бы нехилое «денежное содержание», кабы до этого дошло?

Кто полетел бы в другую страну на вручение?

А пришлось бы, в случае попадания текста в шорт-лист...

Но мне как-то слабо верилось в такую прям огромную удачу моего рассказа. Конкурс-то престижный. Там и в лонг-листе полно было известных имен... Когда его объявили, все в фейсбуке гордились вхождением в лонг, а я хмуро молчала.

Я даже похвастаться не могла своим скромным успехом.

В шорт-лист Евгения не попала, и ладно.

Проехали.

Прошло три месяца. Четверть года. В общем, ерунда. У забеременевшей женщины через три месяца даже не заметно еще живота... Но за мои три месяца удивительно много чего случилось, все ускорилося, взорвалось, понеслось. Это грустное, тяжелое время пришлось на самый яркий, праздничный период года. Наша частная трагедия, мука разворачивалась на фоне салютов, шуршания подарочных оберток, шипения шампанского, гор оливье. За каких-то девяносто дней я потеряла дорогого человека, совершенно разучилась спать, потом снова научилась, выработала себе шагреновую кожу, обнаружила, что пережить можно все, или почти все.

Сколько-то времени спустя захотелось получить от ужасного периода хоть что-то. Чтоб восстановить силы, взять реванш. Что-нибудь хорошее. Задним числом, как налоговые вычеты...

Например, вызволить свой рассказ, невольно присвоенный этой придуманной Евгенией из Балашихи.

Рассказ назовем для удобства «Ротонда».

(Ага, скривились? Повеяло мхом и плесенью?)

Я решила опубликовать «Ротонду». Что ей лежать без дела...

Никто, кроме жюри далекого литературного конкурса, не знал, что у рассказа другая автор, и вообще, всем по большому счету было по барабану.

Я предложила свой (мой) рассказ дружественному журналу. С редактором которого мы были в давних хороших отношениях и на «ты».

Как-то мне не хотелось сейчас долгих вымораживающих пауз, заканчивающихся суетливой радостью в случае удачи, раздражением и обидой в случае обратном.

Редактор отказывал и мне, бывало такое, но аргументы этого Семена меня убеждали. И, в результате, давали пищу для размышлений, и основание для перемен.

...Кстати, он мне нравился, этот редактор журнала, как мужчина. Моя к нему симпатия странным образом питала и совершенно не портила нашу дружбу. Не усложняла простых и естественных отношений.

...Хорошее топливо – интерес женщины к мужчине. С его помощью можно развести костер, запалить пожар, зажарить шашлыки, много чего устроить. Я же обошлась с ресурсом мудро и рачительно, лелея особое отношение на задворках сердечной мышцы. Крошечная лирическая грустинка недоволенности только украшала конструкцию.

Но я отвлеклась.

Перечитав рассказ, я убедилась, что он нравится мне по-прежнему. Более того, он вполне мог выстрелить.

(Хотелось именно выстрела, а не просто публикации).

Семен ответил примерно через неделю. «Я перезвоню? У тебя по-прежнему...?»

Да, телефон у меня не изменился. Много чего изменилось, а телефон остался тот же.

Телефонный звонок – тяжеловесная экзотика по нынешним временам, настолько легко все решается в ватсап или в мессенджере. Позвонить – как раньше явиться с визитом.

Но когда соскучился и хочешь услышать голос, просто отлично... Лучше этого только личная встреча, но мы живем на разных концах циклопического города.

– Привет, – сказал Семен, и все прекрасные изъяны, рыки, рокоты и водовороты его голоса, как всегда, угодили мне прямо в сердце. – Тут такое дело... Короче, мы уже поставили «Ротонду» в седьмой номер.

– О, ну вообще супер, – обрадовалась я скорой победе, – Сема, друг!

– Да погоди ты, не части! – взъерился, рассердился вдруг главный редактор, и его своеобразный голос немедленно дал льва. – Мне этот рассказ еще в конце декабря прислали...

– К-кто?..

– Кто-кто. Автор. Евгений Рождествин. Самотеком. Из... сейчас скажу тебе, – вот, Балашиха...

(Семен сказал правильно, «Балаши*х*а», я говорю – «Бала*ш*иха», проверочное слово «Ерунда*ш*иха».)

– Евгений?

– Да. Рождествин. Я еще удивился, довольно приличный рассказец, здорово сделан. А автор, получается, дебютант...

– Сема, Сема, постой. А что рассказ написан от лица девочки – ничего? Тебя не смутило?

– Абсолютно. Такое бывает, сплошь и рядом. Прием не нов. Женщины пишут от лица мужчин, и наоборот... Рубина постоянно этим занимается. ...Рассказец, главное, хороший. Я подумал, где ты раньше был, Евгений из Балашихи... А по возрасту не мальчик, типа нас с тобой.

У меня внезапно и резко заболела голова. Разбежались мысли, за ними слова. Я молчала. Абсолютно нечего было сказать...

– Я так и не понял, – сказала трубка суховато. Семен ждал объяснений. От меня!!! – Это вообще что? Какая-то шутка? Проект? Ми-ми-ми-мистификация. Или что-то вроде «Египетских ночей»? Когда все пишут на одну и ту же тему, на скорость...

Доместифицировалась.

– Сем, дай мне, пожалуйста, его координаты? Мейл, или телефон? Это же не государственная тайна? Продиктуешь? Или лучше сбрось мне в ватсап...

В фейбуке не оказалось никакого Евгения Рождествина.

1) Что для писателя нехарактерно, они все здесь торчат.

2) Что странно для довольно простого, не экзотического сочетания имени-фамилии...

...Главное, с-ка, это мой личный опыт, накручивала я себя.

Вот что обидно.

Не просто же рассказ. Целый, блин, интеллектуальный детектив... Сорок тысяч знаков!

Не на сдачу...

Мое, можно сказать, историко-архивное изыскание. Расследование.

Хорошо, не мое, наше. Общее.

Мы по крупницам материал собирали. По старым желтеньким книжечкам серии «Искусство», из папиной библиотеки.

Информацию добывали, рыскали в сети.

Экспедицию организовывали, и не одну.

Неделю окормлялись в Никольском.

Деньги тратили.

Но додумала и записала – я!

А какой-то призрак из Балашихи, сменив пол, рассылает его по журналам...

Елена Александровна долго отпирала тяжелый замок. Митя держал над ней зонт.

Погода была самая элегическая. Вода стояла в воздухе тончайшим меццо-тинто.

Ноябрь-преноябрь.

Ноябрьские праздники. Оксюморон.

Мы вошли в помещение летнего храма Воскресения. Было очень тихо, будто в каждое ухо сунули по пучку ваты. Никакие беруши не дают такой выразительной туманной тишины, звукового сфумато.

Шаги отредактировало, преувеличило эхо.

В центре помещения на каменном полу стояло и грубо сверкало большое цинковое корыто. При ближайшем рассмотрении оказавшееся купелью...

Нормально? Входишь в ротонду райской красоты, один из лучших образцов русского палладианства. Белую, стройную, непостижимую в этой глуши, практически в лесу.

А посередине – корыто. Нечто, выглядящее как корыто.

Из пробоины в куполе капает, с эхом.

Купель&капель под куполом...

Вода уже подбиралась к бортам. Библиотекарша пришла бы сюда так и так, и без нас. Судя по всему, это было входило в ее обязанности.

Елена Александровна привычно, ухватистым крестьянским движением взялась за ручки.

– Разрешите? – Митя галантно оттеснил библиотекаршу. Поднял купель, понес к выходу.

– За день, если дождь, раза три-четыре приходится выносить. Иногда и чаще, – глядя ему в спину, доложила Елена Александровна. – Мы пишем, пишем в центр бумаги... Тут даже не реставрация нужна, – просто закрыть прореху. Но требуются деньги на материалы, и все-таки специалист. Нельзя же просто заколотить доской, забить фанерой...

Мы задрали головы. Под куполом обитал таинственный разреженный свет, жили и смотрели на нас затуманенными глазами каменные розетки.

– Купол двойной, обратили внимание? Он использовал этот прием во многих своих постройках. Смотрите, как падает свет. Чувствуете?

Мы разбредлись, наставив вверх глаза и телефоны.

– А вон там, посмотрите. В прореху видно потайной ход. На купол можно было подняться по лестнице. Не потайной, а скорей, технологический, – гордилась ротондой Елена Александровна.

– Состояние неплохое в целом, – сказал Марк авторитетно. – Не разруха, а назовем это так, консервация. Довольно корректная. Росписи не сохранились, но это и не реально...

– Росписи, скорее всего, были сделаны Боровиковским. Собственно, именно Львов его и открыл, Володьку-богомаза, поручика в отставке, – во время таврического вояжа Екатерины, Львов был в свите. Привез его в Санкт-Петербург. Боровиковский долгое время жил у Николая Александровича дома, в его казенной квартире в Почтовом управлении. *«...Малейшее отличие в какой-либо способности привязывало г-на Львова к человеку, и заставляло любить его, служить ему и давать все способы к усовершенствованию его искусства»*, – продекламировала библиотечка с чувством. – У Львова было чутье на чужие таланты. Что совершенно особым образом его характеризует.

От росписей почти ничего не осталось, так, цветные туманности на штукатурке. Я засмотрелась под купол. Оттуда методично и кинематографично срывались тяжелые капли.

– Пойдемте, покажу нижний храм, – сказала Елена Александровна, – а потом, не обессудьте, я вас оставлю. Пойду к своим бумажкам. Горы писанины каждый день! Они просто издеваются над нами... И чем дальше, тем хуже. А вы осмотрите пока главный дом и другие строения. Валеру я предупредила.

Прощаясь, мы жадно изласкали, облизали взглядами пространство Ротонды.

Легендарная...

Поэзия, загадка, гармония.

Цинковое корыто купели, где уже стояла на дне новая вода, добавляло Ротонде странно жилой, обитаемый вид...

Ася, пятясь к выходу, снимала видео.

Галка фотографировала, взмахивая рукой со смартфоном. Как крылом. Странная манера съемки, но я заранее знала, что ее фото будут самые лучшие. Умеет, видит, схватывает. Ротонду заперли.

Что, при полнейшем безлюдье, казалось лишним.

После той поездки мы решили, что он наш. Не решили, почувствовали.

Что мы за него в ответе, типа того.

Хотя, понимаю, это смешно. У него и без нас армия поклонников, неистовых.

Но, с другой стороны, как – армия? В том-то и дело, что не армия... Армия – нечто структурированное, до известной степени упорядоченное. А тут: одиночки, выскочки. Отчаянные ученые. Блогер. Экскурсоводша. Искусствовед. Немолодая музейщица...

Все – точно... Ну, пара пересекающихся групп в FB. Какие-нибудь восторженные «львовцы».

Внезапно по «Культуре» документальный фильм про него покажут. То на «Эхе», слышишь, рассказывают вдруг вечером, страстно так.

Все, чувствуется, влюблены, авторы материалов. Голоса дрожат, горят румянцы. Интершумы: ветер, голуби на колокольне Борисоглебского монастыря.

Что и понятно. Гений вкуса. Любимец муз. Эстет. Красавец...

А ведь мужчина эпохи Просвещения не то же самое, что наш в меру подкачанный современник в ловких трусиках из Uniqlo.

Не будем ходить вокруг да около, возьмем раздевание.

Хорошо, что во второй половине VIII века уже вышли из обихода парики.

А то представим себе.

Парик из чужих волос. Во-первых, тяжесть, лишний вес. Голова под ними вспотела, чешется. Уши жадно дышат. Пар над волосами. Вообще, парики портят волосы... Сначала надеваешь, потому что надо, положено, после маскируешь редкие волосы и раннюю плешь...

К счастью, отменили.

Так.

Долой шлафрок (герой в домашнем). Под ним – атласная жилетка.

Ничего, обойдемся без камердинера... Благо нет застежек на спине, все под рукой, в зоне досягаемости. Мужчине камердинер нужен больше, чтоб подавать одежду, соблюдая очередность. Чистить, развешивать, ухаживать.

...Снять бархатные панталоны, кюлоты. Тесные петли, крошечные пуговицы, обтянутые сукном.

Под ними белые чулки.

Неудобные туфли. Но эффектные, ничего не скажешь. Но будто не на ту ногу.

Рубашка, тонкое сукно, батист. Сложная манишка, тонкое кружево.

Под ней еще одна, нижняя...

Такое не сорвешь, не скинешь...

Вот наконец герой обнажен. Полностью лишен одежд.

Наг. Гол.

Белое тело. Сложен прекрасно. Худощавый. Гармонично, естественно развитая мускулатура. Плечи хорошей ширины, что под одеждой совершенно не считывается.

Ни живота, ни избыточных ляжек. И безо всех этих глупых «кубиков».

Детство в деревне, резвый мальчик. Хорошая наследственность.

Выше – прекрасное, умное лицо, красивое, открытое, живое. Сразу видно: не сноб, не светский зазнайка.

Без гадких усмешечек... До них ли, до всей этой ерунды, суматохи? Полно идей, проектов, увлечений. Планов.

А жизнь одна!

И любовь одна.

Одно с другим крепко взаимосвязано.

Любит свою Марию Алексеевну, и никто другой не нужен.

...А для нас, мой друг, с тобою

Будет целый век весна.

Век это он, конечно, загнул. Прожил чуть больше пятидесяти, она пережила его ненамного...

Умер в декабре.

Известно, что скончался в Москве. Похоронен в своем имении. Как раз в ней, в Ротонде, церкви Воскресения, – в некрополе.

Которая с купелью.

Для себя, своей семьи и строил. Родовая усыпальница.

Долго болел. Умер, Господи, в пятьдесят...

Но вот почему умер в Москве? Больной, причем болел долго... В трехстах километрах от усадьбы, – а не здесь, в Никольском?

Это очень странно.

Написал Семен.

Дочитал «Ротонду».

Будешь смеяться, версия Рождествина заканчивается по-другому.

Вообще!

Даже не знаю, какая мне больше нравится)

Если соединить ваши варианты, выйдет двойной финал... Могло бы получиться интересно.

В любом случае, рассказ поставили в июльский номер. Уже анонс дали.

А ты присылай ч-н новенькое. Жду и предвкушаю.

Привет семье.

ЗЫ.

Вы там разобрались? Ты его идентифицировала?

С.

*Евгений,
добрый день.*

Ваш адрес любезно дал мне подсказал предоставил Семен Осадчий.

~~Я не знаю, в курсе ли Вы, сказал ли Вам Семен...~~

~~Дело в том, что рассказ «Ротонда»...~~

~~Мы с Вами написали совершенно идентичные тексты...~~

Хотела спросить.

Правильно я понимаю, что вы специалист по творчеству и наследию архитектора Н.А. Львова?

Если это так или вроде того, можем мы пообщаться?

Лучше оффлайн.

С уважением и надеждой на знакомство,

.....

Пользуясь отсутствием у Львова всероссийской и мировой славы и, как бы, статуса, каждый умник желал его усыновить. И стать единственным обладателем... продолжателем... хранителем.

Покровителем.

Каждый пытался его присвоить – чтобы открывать остальным.

Вообще, кумир умников, интеллектуалов. Индивидуалистов. Романтиков. Станных ребят типа черных копателей. С прибабахом фанатичных женщин. Страстных бородачей в очках.

Ребята покрепче создавали группы в соцсетях. Организовывали экскурсии.

Люди с музейным бэкграундом и доступом в фонды – издавали книжки, как правило за свой счет, иногда случались гранты.

Устраивали, даже, научные конференции...

Один из них помог организовать в усадьбе музей, и вообще очень много чего сделал. Именно он поддерживал связь с потомками.

Этот персонаж оказался занятный. Очень деятельный, активный.

Но, интересно, даже официальную группу он ведет под псевдонимом.

Что вносит некоторую путаницу и немного мешает процессу...

Мы тогда вернулись из усадьбы, приятно измученные тряской грунтовкой, дождем, вкусной тяжестью улегшейся на нас информации, элегическими красотоми.

Слегка ошалевшие.

Здорово было ворваться в нарядную хорошенькую гостиницу, расписную, как китайская шкатулочка. Очаровательную в своей избыточности.

Здесь имелся даже спа-центр! Даже с бассейном. Боулинг, в отдельном флигеле!

Здесь ресторан русской усадебной кухни славился изумительной едой и вдумчивым неторопливым обслуживанием.

Мы ввалились в номер. В протекторах моих ботинок застрял весь глинозем Тверской области. Я поскорей избавилась от обуви, чтоб не наследить на лавандовых коврах и опаловом ковролине.

Переодеваясь, засмотрелась на широченную кровать с красивым изголовьем, кипенно-белым постельным бельем, интимно выглядывающим из-под покрывала.

Не кровать, а нежная провокация.

Какое-то пирожное...

Моя сторона кровати узнавалась по густо заставленной тумбочке. Книга, две косметички, футляр для очков. Расческа, пара прихваченных внизу буклетов. Зарядка от мобильного, гигиеническая помада, пилка для ногтей.

Спазмалгон.

Вечером мы устроили традиционную вечеринку в гостиничном номере. Как всегда, в нашем.

В любом пространстве мы умеем соорудить фуршет и даже сделать его элегантным.

Мужчинам разрешается явиться чуть позже. Девушки накрывают на стол. Мы делаем это вдвоем-втроем-вчетвером: флешмоб взаимопонимания, балет сестер во эстетике, парад предвкушений.

Вот и сейчас.

Готово: мы полюбовались сервировкой.

Диссонанс вносил частичка в томате. Как его вообще сюда занесло? Кто впустил сюда эту рыбу?

Плебейскую закуску на бумажной тарелочке мы задвинули подальше, на задворки стола, но, конечно, не убрали, чтоб не обижать автора идеи.

Тем более что частичка был уже открыт и оранжевел истошно.

В центре экспозиции возлежали сыры нескольких видов, купленные на вампирской ферме, оттуда же хлеб с розмарином и красиво упакованная завитушка масла.

Овощи в ассортименте. Мясная нарезка.

Оливки, маслины, обязательно. Крошечные огурчики.

Пара очень хороших напитков и сколько-то напитков попроще.

Салфетки такие, салфетки сякие.

Неожиданно, сало.

Меня и то качало, когда мы провожали гостей. Митя, пять часов за рулем, рухнул на белоснежные одеяла, не раздеваясь.

Но у меня не забалуешь, я растрясла, отправила в душ.

Потом Митя долго, отупело щелкал пультом, дома у нас телевизора нет, и смотрел все подряд. Завис на «Жанне д'Арк» Бессона, и я тоже отрывалась периодически от книжки, косилась на ослепительную молодую Милу Йовович, особенно как ей устроили досмотр, дева или не дева.

Угомонились поздно. Я вырубилась, а Митя все ворочался, бедный, маялся, не мог уснуть. Бывает такая тяжелая, извращенная форма усталости.

В результате и у меня сон не схватился. Проснулась, протрезвела. И, опять же, жалко человека...

Белые породистые простыни, большая удобная кровать, вся эта комната-шкатулочка... Я решила прибегнуть к известному способу, помочь человеку. Отвлечь, успокоить, чисто товарищески, по-партнерски. Без телесного порыва. Лучше б поспала, чем все это, я тоже устала...

Но вышло просто отлично, не пожалела. И смена обстановки способствует... Раскочегарились, и все сгодилось в топку, Йовович в задранной рубаше, белые девственные простыни, саккумулированная в поездке поэтическая энергия. Никольское-Черенчицы в штриховке дождя.

Невыносимая мужская красота хозяина усадьбы...

Какая-то, откуда ни возмись, новизна.

Из пустяка, из «какого сора» два человека, знающие друг друга как облупленные, ухитряются иногда высечь такую вольтовую дугу, что...

Тайна.

После этого уже конечно уснули как убитые.

...А еще же тишина, провинция, полные уши воска и бархата, мха, опавшей листвы.

L-project, рабочее название. (Я настояла, что рабочее, я такое не выношу, но варианта лучше не родилось.)

...между пятой и шестой, на окраине старинного городка, в нашем 233 номере.
(Это была как бы официальная часть банкета.)

С каждого по способности.

Художник всегда ведь как-нибудь выкрутится... Нарисует, слепит, изобразит.

– ...а ты у нас будешь отвечать за литературную часть!

Дружите с художниками.

По дороге заехали на эту ферму, черт дернул. Мало им запасов, багажник ломится от еды и выпивки, так еще и сыр подавай.

Шло к вечеру, а еще ехать.

Вот-вот собиралось стемнеть.

Свернули с трассы, едем, едем. Опять поворот, едем в Повелково. Покатались по городку, никаких признаков фермы.

И народу никого...

Ни спросить, ни узнать.

Но повезло, два мужика вдруг выбрали из переулка. Мы на них чуть не наехали, боясь упустить. Я вылезла, для более плотной коммуникации.

– Сырная ферма? Это вы не туда поехали. Разворачивайтесь и прямо едьте, километров восемь.

Развернулись, поехали. Проехали насквозь городок, пригороды городка. Едем. Поля, лесок, какая-то пустошь. Автобазу заброшенную проехали, за бетонным забором. Поселок. Пионерский лагерь справа, тоже заброшенного вида. Снова лес. Еще поселок. Река, мост.

Чувствуем, слишком долго едем.

Тут, спасение, мужичок на велике.

Затормозили.

– Сырная ферма? Так вы проехали. Разворачивайтесь. Увидите справа. Нет, вывески, кажись, нет. Была, ураганом оторвало.

– Странно. Справа ничего не видели... Только автобазу.

– Так это оно и есть, – сказал мужичок и засмеялся.

«Автобаза» оказалась видимой с дороги частью большого, даже огромного хозяйства. Там и правда стояла пара автобусов и сколько-то единиц сельхозтехники брошенного, некондиционного вида.

Серый лабаз оказался при ближайшем рассмотрении новенькой гостиницей, бетон без отделки.

Хозяйственные постройки, навес, ангар.

Влево уходила дорожка, выложенная сосновыми спилами.

Мы вылезли, и нас обступили собачки. Это были самые интеллигентные, приветливые, дружелюбные собачки из всех, с кем мне когда-нибудь доводилось общаться. Странно встретить таких умниц в этой глуши.

Все собачки были светлого колера, желтоватые, бежевые, грязновато-белые. В сырных тонах.

Если они и выпрашивали еду, то никак это не показывали.

Собачки стояли, деликатно крутили хвостами, хотели дружить и общаться.

Самая маленькая, видимо, их лидер, выразила готовность повести нас по сосновой дорожке вглубь территории.

Мы пошли за нашим проводником. Слева показались неожиданно стильные для такого захолустья сооружения, похожие на оранжереи. Аккуратными рядами стояли плодовые деревья. Показался парник, за ним еще один.

Справа открылось низкорослое сооружение с крыльцом.

«Дегустационный зал», было выжжено на дощечке у двери.

Ниже значилось «Магазин фермерских продуктов».

Собачка с удовлетворенным видом вертела хвостом.

Мы вошли в просторное темноватое помещение: удивительно низкие потолки, стены, обделанные искусственным камнем, аллюзия к винным погребам. Вдали виднелся вход в магазин. Справа – пустующий гардероб. На стене висело руно, мелковатое для такой поверхности. Два фонаря освещали мертвые кудряшки.

В магазине мы поздоровались с продавщицей, она виднелась из-за витрины по грудь, большую фермерскую грудь в передничке. На бейджике значилось «сырная фея Инна». Стены снова изображали винный погреб.

Под низкими потолками широко раскинулись витрины. Они были самым освещенным местом в помещении, таком неприветливо темном, что никто не удивился бы пронесшейся под потолком летучей мыши.

Интересную атмосферу они тут нагнетают...

Мы, наконец, приникли к витринам и сырам, цели нашего визита.

Цены на сыры были удивительны для такой глуши. Они сбивали московскую спесь. Мы уважительно подняли брови, присвистнули, вот тебе и автобаза. Едешь-едешь, ни вывески, ничего, и вполне себе столичный ценник.

Без стерильной супермаркетовской подачи сыры выглядели странно и волнующе. В помещении пахло молоком, яркий, откровенный запах. Рот стал наполняться слюной. Вид сыров и особенно их названия кружили голову. От написанного от руки «проволоне» меня качнуло. Имелась в продаже целиковая баранья нога. В соседней витрине грудилась сладости. Объявление на стене обещало уникальную косметику на молочной сыворотке.

Мы набрали мягких сыров, проволоне, маскарпоне, хлеба, масла. С пятью пакетами и заметно полегчавшими кошельками покинули магазин.

Да, принимали здесь только кэш.

Мы зашли поглазеть на дегустационный зал, огромный, как стадион под низкой крышей. Справа виднелся винный отсек, стены которого изображали бочки. Имелись здесь даже росписи по бетону. Античные сцены винопития на бесхитростных акриловых фресках.

Пустые столы тянулись до горизонта. За самым дальним столиком сидели женщины, нам ними возвышался сомелье, тоже женщина. Или сырный гид, сыровед? Все они бурно жестикулировали, было видно, что гости фермы уже причастились вином из здешних запасов.

Громкий смех и выкрики разбивались о низкий потолок. Букет в вазе выдавал праздничный контекст, скорей всего, это был день рождения.

– Какой странный дизайн, – задумчиво выговорила Ася. – Будто старались сделать как можно более неудобно.

– Замок Дракулы... Сплюснутый. Горизонтальный... (безжалостная Галка).

– Добивались экзотичности, всеми средствами. Что ж, у них получилось, – Марк, миролюбиво.

– А туалет тут где? – это подала голос я. Честно говоря, хотелось свалить поскорее. И приехать в городок затемно.

Туалет был как в Третьяковке, просторный, на двадцать или больше кабинок. Видимо, не всегда здесь так пустынно и стыло.

Отягощенные покупками, мы вышли. У дверей ждали сырные собачки. Ну как, понравилось? – было написано на их добрых лицах.

– Таня, где у нас бутерброды? – заволновался Митя. Собачки проводили нас до самой машины и вежливо стояли в сторонке, пока мы утрамбовывали в багажник пакеты с сырами.

Мы поделились с псами запасами колбасы и хлеба и поскорей убрались из загадочного места.

Больше всего меня занимало, что он однолюб.

Это невероятно, влюбиться в молодости и любить до конца своих дней...

Такое, знаю, бывает у лебедей, но у людей?

История их любви, тайного венчания – почти Юнона и Авось, только на русском глиноземе.

И со счастливым концом, относительно. Жили-были-любили и умерли в один день. Практически.

Мария Алексеевна пережила мужа на без малого четыре года. Что в масштабе вечности почти одновременно.

Ушла бы и раньше, вслед, но нужно было завершить отделку усыпальницы, освятить храм, перенести туда останки супруга. Это произошло 21 августа 1806 года. Меньше чем через год, в июне 1807 ее не стало.

И второе (что меня занимало).

Что Львов делал в Москве в декабре 1803?

В последний год и месяц своей жизни.

Почему не уехал, вернувшись из Крыма в конце лета, больной, угасающий, – в Никольское?

Нужно сказать, что о самых последних месяцах и днях Львова известно очень мало. Тогда как о южном его путешествии-командировке, бывшем летом того же года, сведений и свидетельств изрядно.

Львова, как человека и поэта, здорово характеризует то, что в последние дни жизни он написал не элегию, не посвящение друзьям, а – басню. Чего он не делал со смерти друга-баснописца Хемницера в 1784 году...

«Басня о Дураке и Луже», нормально?

Короче, умирать не собирался.

И вторая ночь удалась...

Определенно, мы были возбуждены. Не только в узкоприкладном смысле, – взбудоражены, распалены поисками, личностью, нас на них вдохновившей.

Жаль, неудобно спросить у Марка и Аси, как они скоротали эти две ночи, со второго на третье и с третьего на четвертое, в их 314 номере.

(Гостиница на праздники была забита битком. С друзьями мы жили не в соседних номерах и даже на разных этажах.)

Но как-то неудобно (спросить). Мы все такие большие, взрослые, мы охотно расскажем о себе смешное, нелепое, глупое, самое дурацкое, но только не про секс.

Только не трожьте музыку руками, типа того.

С утра стеной шел дождь, и мы поехали в Гатчину на такси. Небольшого просвета хватило, чтоб добежать от машины через площадь-плац до Большого дворца. Как только мы купили билеты, дождь перестал.

По лабиринтам дворца шли, вежливо ахая в новеньких, только что отреставрированных залах. Из окон дразнило-отвлекало эмалево-голубыми просветами небо, упившаяся вдрызг зелень парка.

Но как только вышли, снова стало накрапывать. Что делать – привычно вскинули зонтики, отсалютовали Павлу, неплохое скульптурное изображение которого высилось на гравийном плацу.

Когда свернули с шоссе к Приоратскому дворцу, небеса разверзлись, оттуда выпал весь июньский запас воды, а было всего только второе число.

Пришлось сойти с маршрута и шмыгнуть в кафе, тем более что дело шло к обеду.

На крытую террасу нам вынесли мобильную печурку, жаровенку. Следом живыми печками вышли два кота и принялись нас любить. В этом кафе, допустим, «Отдых рыбака», мы съели неплохой обед – с видом на Приоратский дворец сквозь толстый полиэтилен дождя. Не отказали себе в графинчике водки. Коты и пледы грели нам ноги. Контраст тепла и дождевой свежести усыплял, мы осоловели, глаза затянуло пленкой.

Однако июньский день долог, но не бесконечен.

Мы решительно отодвинули мягких, изумленных котов, стрельнули в небо зонтиками, неохотно выбрались под дождь.

Миниатюрный, будто ненастоящий, призрачный Приоратский дворец не отражался в бурлящем пузырящемся озере.

...Я думала о строительстве.

Приоратский дворец был возведен в рекордно короткие сроки. В силу специфики землебитного дела работы велись только в летнее время. Строительство начато 15 июня 1789-

го. К середине сентября здание уже вчерне готово. В середине марта следующего года дворец готов совсем, только «печи никуда не годятся». Сдача объекта государю запланирована на июль. В конце июня Приорат меблируют.

...Я пыталась представить, как среди строителей-землебитцев, крепостных мужиков, облагороженных знанием уникального ремесла, ходит сам Николай Александрович.

Автор важного проекта – заказ самого государя императора! – самолично руководил и наблюдал за ходом строительства. Прорабом был крепостной мастер Ефим Петров, командированный в Гатчину из Москвы. Под его началом трудились около сорока работников, учеников из первого набора Училища земляного битого строения.

...Вот архитектор на стройплощадке, меж мужиков, толкущих землю, сбивающих дощатые опалубки.

Без сюртука, в рубашке. Не до церемоний, да еще жара...

Интересно, как Львов называл работников? К тому же – собственных учеников...

Братцы? Мужички?

Меж тем управитель Гатчины Оболянинов, довольно-таки гнилостный персонаж, чинит Львову неприятности на этом этапе и последующих. Под строительство дворца выделен наихудший участок, болото болотом. Но Львов делает высокий мощный фундамент, продумывает систему гидроизоляции, благодаря чему строение стоит по сей день. Подлец же Оболянинов, строивший Львову козни открыто и тайно, оказавшийся ко всему прочему его новоторжским соседом, – после убийства Павла попадает в опалу, теряет силу и влияние.

И поделом!

Хоть взят он из земли и в землю он пойдет,

Но в зданьях земляных он вечно проживет,

– все цитируют эти слова, сказанные про Львова Державиным, процитирую и я. Точней не скажешь. Гавриил Романович, Ганюшка, верный друг, родственник по второй жене, Дарье Алексеевне Дьяковой. После смерти родителей Державины удочерят девочек Львовых...

Строить из земли, материала могил... Набивая ею опалубки, проливая известковой водичкой. Не домик, не землянку, – дворец!

Понимаете себестоимость собственно сырья? Не-дворцовую...

Пояс между этажами в Приорате сделан несколько иначе, чем вся постройка, не набивкой, а сложен из земляных кирпичей. Красивые, корабельного стиля потолки в Приорате сооружены дощато-кессонным способом. Легкая изящная башня выстроена из пудосткого камня, его добывали здесь же под Гатчиной.

Во всем играет гибкая живая мысль, творческая, техническая, технологическая. Путь экспериментатора, подход мыслителя.

Между тем лаконичная архитектура Приората, миниатюрного и как бы слегка игрушечного, была продиктована свойствами материала.

Землебитный метод требовал особых форм, простых и строгих.

«Земляное битое строение как для удобства в постройке, так и для прочности своей требует почти особого рода архитектуры, хотя простой, но в простоте своей довольно красивой и прочной; почему опасаясь, чтобы господа губернские архитекторы, хотя в прочем искусные люди, не имея опыта в сем роде постройки, не прожектировали бы чего-нибудь такого, которое из сего грубого материала и выполнить не можно, а тем самым не подвергнули бы неизвестного начала сомнительному концу и не подали бы худого мнения желающим распространить сие художество о такой постройке, которая, будучи с точностью совершена, целые века безвредно в целости пребыть определяется. Почему покорнейше прошу предполагаемых вами на будущее лето казенных построек прислать ко

мне без потерянния времени проекты, хотя карандашом сделанные, дабы я мог оные, переправя, тотчас обратить к вашему превосходительству», – тщетно взывал Львов к предводителям губерний, на территории которых случились архитектурные казусы.

Болел за дело!

Землебитное строительство вошло в краткосрочную моду. Иные помещики, посылавшие крепостных в Черенчицы и в Москву для обучения редкому ремеслу, отваживались на эксперименты у себя в усадьбах. Забывая, правда, о том, что это не только материал, метод, технология, но и архитектура особого рода. Большинство построек, разочаровывая энтузиастов, шло трещинами уже на стадии строительства, и разрушалось.

«Мужики Львова без толку толкут землю», – с готовностью остряли скептики.

Совсем иначе повел себя Приорат, на который мы сейчас любовались сквозь дождевой расфокус. А также двухэтажные землебитные дома на Тюфилевой даче, они преспокойно простояли до 30-х годов прошлого века, пока не были снесены. Сейчас на этом месте разросся модный, широко разрекламированный ЖК ЗИЛ, до того – автозавод имени Лихачева.

...От любви и жалости у меня заняло сердце.

В качестве компенсации за неудобства (дождь) нам подвернулась экскурсия. Подождали всего-то минут пять в небольшой компании таких же дождливых скитальцев. Экскурсия, посвященная Мальтийскому ордену и госпитальерам, оказалась к тому же еще бесплатной, нас это тронуло. Мы слушали внимательно, старательно рассматривали картины и витрины, особенно объемный макет Мальтийского госпиталя с крошечными игрушечными коечками, хотя после обеда, водки и котиков отчаянно клонило в сон. С интересом – как что-то сокровенное, небывалое, как сросшихся младенцев из кунсткамеры – осмотрели в тускло подсвеченном окошке фрагмент здания в разрезе.

Так вот ты какое, землебитное строительство! Легенда...

Земляные блоки-кирпичи, пролитые известковой водичкой, вышли прочней самого твердого камня.

«Все строение сделано из чистой земли без всякой примеси и без всякой другой связи, кроме полов и потолков, особым образом для того устроенных».

Автор проекта давал Приоратскому дворцу пятьдесят лет гарантии, а тот стоит уже вон сколько... Пережил войну. Приорат цепко держался за болотистую землю, из которой был сделан. В отличие от других гатчинских построек, практически не пострадал во время бомбежек. Или его хранило могущество Мальтийского ордена?

Дождь закончился, небо расцвело синевой, разбежалось белыми упитанными облаками. Июньская зелень по берегам, полный пруд небесной лазури и сказочный Приоратский дворец впечатались в память раскрашенным дагерротипом.

Не поворачиваясь спиной, не отводя глаз от картинки, мы вызвали такси и всего через сорок минут были у себя на Гороховой.

Татьяна, добрый день.

Семен предупредил, что вы со мной свяжетесь.

Я до конца марта не в Москве, потом можем планировать встречу.

Назвать себя специалистом было бы наглостью)) но некоторое отношение имею.

Вообще по образованию я геолог, работаю журналистом в профильном издании.

Наследием Львова интересуюсь давно. Копаю (геолог))), нахожу кое-что.

Спишемся после 30.03?

*С уважением,
Е.Р.*

Тань, я все думаю, почему о нем забыли?
Почему все кануло, как не было? Идеи, начинания.
Будто ластиком стерто...

Ведь все здания, за редким исключением, пришлось заново атрибутировать!

Хотя если говорят о русском Леонардо, ясно, что о нем.

Почему так получилось?
Гений, умница, красавец, любимец муз.
Прекрасные друзья. Круг, кружок.
Любящ и любим.
Редкостно счастлив в семейной жизни. Дети, пять человек!
Удачлив, до поры.
Чувствуешь, да, куда клоню??

Зависть, не? Чья-то деятельная зависть. Он их бесил, отчаянно...
Как тебе такая гипотеза?
Или чушь собачья?

(Оля)

Спустились по широким замшевым ступеням: мох, листва. Вход в цокольный этаж прятался под лестницей. Здесь не капало, но было темно. Мы наставили на замок фонарики смартфонов, Елена Александровна ворочала ключом в замке. Чувствовалось, сюда она ходит значительно реже, чем наверх.

Вошли. Нижний храм святого Николая – именно – не казался низким, приземистым. Здесь было странно тепло, будто перед нашим приходом протопили, или это у меня глюк после дождя. Елена Александровна удержала нас у входа, указала на пол. На каменных плитах отчетливо выделялся световой крест, несмотря на скудость ноябрьского освещения. Благодаря продуманной системе разноуровневых и разноразмерных окон, объяснила библиотекарьша.

Елена Александровна рассказала о судьбе усыпальницы, семейного некрополя (мы стояли сейчас ровно над ним). Разорили лихие люди. Деревенские отморозки, искали сокровища. Когда вскрыли склеп, нашли только позолоченный кортик и рыжую косу. У Марии Алексеевны ведь были прекрасные волосы..., – добавила хранительница породственному. И, удовлетворенно: – А негодяи эти в тюрьме отсидели...

Из Никольского, движимые инерцией и путешественнической жадностью – еще, еще! – поехали в соседнее Арпачево, владение львовского дядюшки.

Даже без скидок на дождик и ноябрь, дорога-грунтовка оказалась в очень даже божеском состоянии.

Искать не пришлось. Мы ее увидели сразу, издалека, чему способствовала нагота, осенняя неодетость пространства.

Храм стоял прямо у дороги, похожий в общих чертах на Борисоглебский собор в Торжке, а рядом...

– Ах... ре... неть..., – выдохнул Марк с восхищением.

Мы словно попали, просочились на Байконур.

Да, она была похожа на маяк, колокольня-маяк, но гораздо больше на ракету. Страннейшая, какая-то совершенно футуристическая, колокольня винтом врезалась в низкое небо. Храм, церковь иконы Казанской Божьей матери, имел вид мирный и одновременно величавый, классический, с портиком и колоннами. При этом вместе с колокольней они выглядели слаженным ансамблем (что не новость для детищ Львова), непостижимым и странно торжественным в этом совершенно безлюдном на первый взгляд месте.

Жухлые поля, лес на горизонте, домики метрах в трехстах, дачки.

И – собор.

Наставив смартфоны и технику посерьезней, мы разбежались по полю, ловить высокую в кадр.

...Маяк в унылом ноябрьском поле. Что у автора было в голове, когда он сочинял свои архитектурные нарративы? Погреб-пирамида и все вот это... Начинял их образностью. Сочетал палладианскую строгость с мифологической избыточностью и этими своими загадочками...

(Жизнь, из него выплескивалась жизнь, идеи, фантазии. Начитанность, рассмотренность, бесчисленные таланты. Не-стиснутость догмами, свобода гениального самоучки.

И, похоже, отменное чувство юмора...

Жадность жизни. Как знал, что мало проживет.

Спешил, торопился.)

Мы бродили, снимали. Щекотался, лип к экранам, постепенно усиливался дождик.

Наконец закрома наши наполнились впечатлениями, телефоны и камеры – фотографиями, мы насытились. По контрасту, стало хотеться есть, заняло в животах.

Маленькая команда, летучий отряд, мы уже загружались в наш автобусик, грезя о теплой хорошенькой гостинице, горячем душе, махровых полотенцах и первой порции коньяка.

Но тут на дороге соткался человек.

На абсолютно безлюдной. Просто проходим он быть не мог. Человек шел к нам.

Кто застонав, а кто и чертыхнувшись, мы сняли ногу с подножки, а задницы с сидений.

Тем более что человек имел вид не деревенский. Мужчина к семидесяти, с хорошим питерским лицом. Такие лица на дороге не валяются...

Разговорились дежурно:

– Откуда?

– Москва.

– Вы местный?

– С недавних пор, – и, неожиданно: – Заметили, что она падает?

Мы торопливо закивали, да-да, конечно. Об этом к тому же везде написано. Нелегко было отогнать видение тарелки борща...

– Где бы не стояли, вам будет казаться, что она кренится («кренится», он так и сказал, точное милое слово). Дело в том, что каждый ярус здания винтообразно смещен относительно соседнего на шестьдесят сантиметров. (Я правильно догадалась про винт!) Конечно, она не выглядит винтообразной, но определенную динамику это сооружению придает... Как вы знаете, Львов был в Пизе, где видел, разумеется «висящую колокольню» – тамошнюю башню, оставил рисунки... Достоверно описал свои ощущения от подъема по лестнице... Сейчас (он посмотрел прямо перед собой, будто разбирая слова на невидимом мониторе, произнес с превосходной подачей профессионального диктора или чтеца): *«Ужасное дело видеть сию громаду, почти на воздухе висящую. А войти наверх оной по очень покойной, однако, лестнице из нашей шайки никто, кроме меня, не выбрался; но и я не мог бы более минуты глядеть вниз с ее навесу»*.

Мы окружили его, как экскурсанты, как куры – птичницу с решетом ячменя.

– Вы – архитектор?

Он помотал головой.

– Актер?

– Да, был. Когда-то.

– Специалист по его творчеству?

– Ой, да какой там специалист! – он отмахнулся, хохотнул, будто услышал ужасающую глупость. – Но перебрался сюда из-за нее (кивок на колокольню). Восемь лет назад.

В последний день, конечно, поехали проведать Мост. Кто-то из нас уже его видел. Погода была такая, что морось и туман предыдущего дня мы вспоминали с нежностью. Четвертого ноября лило прямолинейно, жестоковьяно. Ледяной дождь развесил полиэтиленовые полотна и скрывал от нас виды.

Скажите, это дали?

Быстро и монотонно чиркающие по лобовому стеклу дворники хотелось оторвать и выбросить, полчаса такого зрелища обеспечивали головную боль на весь оставшийся день.

В этом смысле идея съездить *посмотреть на Мост* была, конечно, не самой удачной.

Но мы не могли уехать, его не увидев. Самой логикой нашей экспедиции финальная точка должна быть поставлена на Мосту, хоть бы и в дождь.

На фотографиях валунный Мост был странно невелик. Скажу больше, невелик он оказался и по своим линейным размерам. По-хорошему, не Мост, а мост, даже мостик. Не очень высокий, не особо длинный. Мост через какую-то, в общем, переплюйку, запруженную до состояния небольшого озера.

В народе он звался «Чертов мост», название типовое, пошленькое, но народ зря не болтает.

Налетали, как мухи, киношники. Эти люди первыми разведывают эффектные, магические места и загущают ими свои жиденькие картины.

Бекмамбетов снял Мост в «Ночном дозоре», и это еще не худший случай.

Но одно дело кино, иллюзии.

Другое дело – вот он перед тобой. Глянцевые от дождя валуны проложены замшей мха, даже под потоками воды кажущегося сухим и теплым. Опасно невысокие зубья-бортики, отвесная высота под сводами моста.

Короче, не через пропасть. Но при желании можно навернуться...

И тут вопрос: как такое небольшое сооружение может выглядеть настолько величавым? Мрачновато-загадочным, монументальным. Интригующим. Почти грандиозным.

Романтический флер даже упоминать не стоит...

Может, дело в валунах? Можно досочинить, что Мост сработан бригадой великанов... Хотя это были обычные русские мужики.

Или – в пропорциях?

Нужно будет расспросить Марка, он разбирается... Наверняка у архитекторов есть своих три блатных аккорда для придания сооружениям величавости и стати.

Мы облазили Мост, рассмотрели, сняли со всех ракурсов. Потрогали его глянцевые и плюшевые места. Спустились под каменное брюхо, здесь было сухо и почти уютно, и пряталась от дождя чета корпулентных туристов.

Остались фотографии: в пелене дождя валуны Моста, шестеро промокших путешественников под разноцветными зонтами, яркие блики на сияющих хмурых лицах.

Отметились, так сказать.

В июле вышла «Ротонда». Рассказ был опубликован с благодушным предисловием главного редактора, Семена. Что вообще-то в журнале практиковалось крааайне редко.

И косвенно указывало на как бы событие.

Семен представлял публике неизвестного автора, удивляясь, как с таким потенциалом прозаику удалось так долго (это сколько же?) сохранять неизвестность.

Зрелый автор...

Собственный почерк...

Необычная оптика...

...У меня даже очки запотели от обиды! Ах ты, Сема, голос с рыком, провокатор хренов. Друг, называется...

Удар ниже пояса.

В конце изящного редакторского пассажа Семен написал:

«...Не из желания мистифицировать уважаемых читателей, но справедливости ради наметну, что у данной публикации не совсем обычная история. Возможно, “Ротонда” станет поводом для литературной вендетты, а может, и нет».

Уф.

Ладно, хоть так.

Очки прояснились, перестало стучать в висках.

Хрен с тобой, простила я Семена. Вендетта, куда загнул...

Совсем уже!

Похоже, мы все подцепили бациллу романтического бешенства.

Вот, например.

После Гатчины – в тот же самый вечер – мы чуть не сорвались со второго этажа.

Скорей, это была антресоль. Предприимчивый отельер, или как там они называются, определил сюда спальню.

Сам номер был вертикальный. Его реальная площадь на метры выходила смехотворной.

Нужно отдать должное, владелец отеля очень остроумно, с проницательным знанием целевой аудитории обыграл это в рекламном объявлении. Мы, во всяком случае, клюнули, как караси на опарыша.

Двухэтажный номер! С лестницей, ммм. Вертикальность номера срифмовали со шпилем Адмиралтейства. Гостиница была рядом, в начале Гороховой, так что в первую очередь мы польстились на локейшн.

Номер в гороховых тонах был мил, а его миниатюрность, даже крошечность ловко обращены в достоинство.

В душевой проем едва бы поместился гость крупней 50-го размера. Керамический фриз украшал узор из целующихся колибри, как тонко...

Романтик, кричало здесь все, точнее, пищало.

О, путешественник! Ты молод, строен, даже худ. Ты не обременен детьми. Или обременен, но сбегнул их куда-нибудь на время, и правильно сделал.

Со своей тоненькой подружкой, хорошо, женой, ты нагулялся по Питеру. На свежем воздухе (морском, в разы свежей, чем в Москве). Ты нагулял аппетит и многожды удовлетворил его в разнообразных и недорогих столовых, кафе, ресторанчиках стиля фри-фло, которыми славится наш город. Не отказал себе в бокале-другом, что мы только приветствуем. Блуждая по нашему романтическому городу, ты нагулял и сексуальный голод. Здесь, в номере с видом (без, но как бы) на Адмиралтейство, да сбудутся твои мечты.

Скидывай одежду (аккуратно, не задень бра и картинку). Положи снятые покровы сюда, на стульчик, или смело вешай вон на ту бронзовую загогулину. И (приняв душ) марш наверх, в спальню на втором этаже, в гороховых тонах, напоминающих гобелены XVIII века.

У тебя закружилась голова.

Дык, еще бы.

Вино + пятиметровые потолки...

Единственное, наш худощавый гость, и ты, прелестная. Не вздумайте встать здесь в полный рост! Спальня на это не рассчитана. За сотрясение мозга и подобные увечья гостиница ответственности не несет. Альковный этаж нашего вертикальнейшего из отелей предназначен только для горизонтальных утех (хе-хе три раза).

Наслаждайтесь!

Наверху, не поверите, тоже были картинки, репродукции разнузданного Ватто.

И, короче, мы чуть не рухнули из этого горохового гнезда. Загородка, частокол кокетливых балясин, держалась на соплях. Хороший удар ногой, и она повисла над пропастью, а мы чудом не свалились.

Господи, никакого секса, намотались, устали... Просто валялись, смотрели кино. Ржали, расслабились, Митя лягнул ногой загородку.

Но все живы, особенно ноутбук, который слетел с Митиного живота, вместе с гримасничающим Тайкой Вайтити на экране.

Уф.

Обошлось.

...И мы даже не были пьяными. Так, немного. Ударили в голову Гатчина и особенно Приоратский Дворец.

Тема романтических падений будет неполной без еще двух случаев. Произошли они один за другим в то самое гатчинское утро, завершившееся сокрушением балясины.

День выдался богатый на падения... День падений, па-де-день.

Первое получило название «Грохнувшийся на Гороховой».

Второе «Как низко я пала».

В то утро, перед Гатчиной, мы отправились завтракать в булочную Вольчека на Гороховой: недорого, вкусно, уютно. Было около восьми.

Мы набрали гору пирожков, кишей и пирожных, утром можно. Митя заказал чай, а я кружку капучино в молочной папахе. Уселись на высокие стулья, взяли ложки, придвинули чашки, открыли рты, и тут – тыц-бдыц-бабах! – дремлющий за соседним столиком крупный мужчина грохнулся на пол.

С довольно-таки высокого табурета – прямо с ним – на пол в уютной керамической плитке.

Когда ты нацелился отъесть шапку у своего первого утреннего капучино, такое приключение будто бы не очень вовремя...

Все до единого немногочисленные посетители булочной, а также хорошенькие мальчик и девочка за стойкой уставились на павшего. Грохнувшийся, высокий крупный мужчина, свернулся калачиком на квадратах пола и мирно заснул. При этом под правым ухом у него растекалось красное, нам всем это не понравилось.

Митя отставил нетронутый чай, слез, подошел. Склонился, принюхался. Потряс спящего за плечо, тот заворчал, загудел шмелем. Павший был пьян, жив, относительно здоров.

...Капучино остывал(о). Входящие в булочную утренние любители булочек столбенели при виде спящего на полу человека, разворачивались, уходили. Парочка веселых французов, наоборот, перебралась через пьяницу, как через ручей, и осталась дожидаться кофе и представления.

Парень-бариста одной рукой делал французам двойной эспрессо, другой вызывал скорую.

Мы вернулись за свой столик. Стараясь не смотреть на спящего и красную лужицу, принялись за еду. Капучино уже остыло, молочная папаха плохо сохраняла тепло.

Скорая прибыла совсем скоро. Спящему измерили пульс, давление, сахар, заглянули под веко. Показатели фельдшеров устроили, они с трудом подняли тяжелого, мягкого, мычащего – аккуратно, сударь, здесь ступенька – и увели.

Все, кто был в булочной, переглянулись. С облегчением вернулись к своим булочкам. Бариста протер керамику пола влажной тряпкой, он заблестел мирной терракотой. Остывшие булочки нам завернули с собой. Пора было выдвигаться в Гатчину. Пижоны, москвичи, ленивцы, мы решили ехать на такси.

А что такого?

Случай номер два произошел в том крошечном промежутке, когда мы ждали яндекс-такси на углу Гороховой и канала Грибоедова и стояли на крутолобом мостике. На Гороховую откуда-то вывернули двое, в обнимку. Они были великолепны: красивые, элегантные и невообразимо пьяные. То, что мы считали утром, у них было продолжением вечера, исходом ночи. Парень – красавчик в отлично сидящем льняном костюме, какой-то кинофранцуз, правда, слишком высокий и длинноногий. Девушка, крепкая и тоже высокая – бог мой – в коралловом платье-футляре и на каблуках, я запомнила асимметричный высокий хвост русских волос. Они шли, комично вихляясь, подпирая и ловя друг друга. Когда парочка стала всходить на округлость моста, девушке приспичило позировать, и друг принялся снимать ее с пьяной готовностью (здоровенная камера свисала ниже пупа). Цепляясь за витой чугун ограды, его дама принимала красивые позы, но части тела не слушались, ее гнуло, мотало и завивало. Восхищенный фотограф в поиске кадров выбежал на мостовую. Ловя великолепную в объектив, встал на колени, а затем и улегся. Его изумленно, с каким-то даже уважением объезжали малочисленные субботние машины. Девушка оседала, как сделанная из мягкого пластилина. Мы испугались, что она свалится в канал, но красавица всех перехитрила, запуталась в собственных ногах и рухнула на мост, а с него скатилась на мостовую.

Бог мой, как они хохотали, раскинувшись на проезжей части и суча ногами! Какая дикая, невероятная свобода... Даже без скидок на опьянение. Я восхищалась и немного завидовала, тоже хохоча. Мы вторили им, ржали в полный голос, покатывались, хватаясь за живот. Яндекс-таксисту пришлось несколько раз сердито просигналить, прежде чем мы обратили на него внимание...

Договорились встретиться в «Гринвиче». Идея была Евгения, я согласилась. Для меня всегда мука выбирать место локации, из года в год предлагала всем «Сестер Гримм», хотя они закрылись лет пять назад, – по инерции, и Джелатерию на Старой площади, там вкусное мороженое и близко от метро.

Евгений предложил «Гринвич», отлично. Видимо, недалеко от его работы. Гастропаб плюс пивная.

Я внушала себе, что совершенно не важно, как я буду выглядеть, наплевать, однако постаралась выжать из имеющегося по максимуму. Особенно много усилий потребовалось, чтоб изобразить небрежный шик.

Я шла на встречу с человеком, который писал как я, то же, что и я. При этом совершенно не знала, как он выглядит. Невероятно, сейчас все и каждый перед встречей полезут в соцсети, изучат юзерпик, получают как минимум внешнее впечатление.

По тщательно отобранным удачным фото все про человека поймут, хотя бы попытаются.

Но Евгений Рождествин в соцсетях не обнаружился. Скорей всего, скрывается под каким-нибудь ником. Балашихинский стрелок, или что-нибудь в этом духе...

Я была почти уверена, что он окажется мужской версией придуманной мной Евгении. Высокий сутулый оливковый брюнет. То, что я увидела, скорей напоминало друга моей

юности Болшева, краснолицего рыжевато-го крепыша. Хорошо хоть без бороды, я уже устала от этих бород.

По осторожной оценке, моложе меня лет на пять.

- Евгений?
- Татьяна.
- Что пьете?
- Огуречный лимонад.
- А я возьму пива.

Мы уставились друг на дружку через черный квадрат стола.

Он смотрел с веселым любопытством, предоставляя мне право начать разговор. Поскольку именно я была инициатором встречи.

Черт! Этот Евгений был совершенно чужой мне посторонний человек. Вполне конкретный. Уже готовый. Неузнаваемый.

Но почему тогда?..

- Евгений. Вы живете в Балашихе?

1:0. Он удивился такому началу разговора. И даже слегка поперхнулся. Я рада была сбить с него бутылочную, навязанную, веселость.

– В Балашихе я родился, – непринужденно начал мой визави. Голос, кстати, довольно приятный, и симпатично не выговаривает л. – Там живут мои родители. Сам-то я давно перебрался внутрь кольца. А почему вы интересуетесь? Мы – земляки?

Я поводила головой в горизонтальной плоскости.

– ...Дело в том, что есть балашихинское землячество..., – продолжил Евгений. – Эти ребята, они как-то угадывают друг друга. Узнают. Земляк земляка чует издали. Я – нет. Я как уехал в семнадцать, так и... Но Балашиху люблю (твердо, непреклонно). Все-таки детство, отрочество... Знаете, Балашиха не худшее место на земле. Неплохой город. Много красивых мест. Например, Пехра-Никольское. Горенки...

- Хороший парк, – сказала я, вздрогнув. Что он так завелся со своей Балашихой?

- В Горенках я учился ходить на беговых лыжах... – продолжил он мечтательно.

Лыжник. Ага!

– А на горных учились – на Лисьей горе? – спросила я резко и внезапно, как следователь из фильма.

Евгений отпил из своего высокого стакана.

– Я не-на-вижу горные лыжи! И связанную с ними атрибутику, эстетику, субкультуру и все это, – отчеканил он. – Боюсь высоты...

Ага. Ага.

– А я ненавижу Лисью гору.

Получи фашист гранату.

Евгений выкатил свои бутылочные глаза, и я рассказала ему историю про Лисью гору. Помните, в Балашихе с нами случилась мерзкая история?

Так вот она, ниже.

Совершенно не планировала рассказывать ее с соавтору «Ротонды», но дурацкое вдохновение вело меня.

Это случилось лет семь назад. Черт нас дернул поехать на Лисью гору. Но морозным февральским воскресеньем, после рабочей недели, душа просила праздника, а гора была заявлена как горнолыжный курорт. И находилась меньше чем в часе езды от нашего дома...

Курорт!

Горнолыжный!

Лыжи у нас были беговые, но посмотреть-то мы имеем право? К тому же у любой горы есть пологие окрестности, и на них беговые трассы.

Разве нет?

Почему-то нам изменила интуиция и завсегдашняя перестраховочная осторожность...

Навести справки, почитать отзывы и все такое...

Ведь заранее было известно, что Лисья гора – мусорный террикон, превращенный муниципалитетом в спортивно-развлекательное место и центр притяжения бла-бла-бла. Из говна сделали конфетку, буквально.

Лыжи в количестве, а также ватрушка для катания с горок, рюкзаки с бутербродами и термосами распирали машину.

Катание на Лисьей горе было фиговое, совершенно нам не понравилось, но мы ухитрились, бегая туда-сюда по жиденьким трассам, побыть здесь до темноты. Гора зажгла свои мощные прожекторы плюс какую-то бравурную иллюминацию. Ларьки торговали кофе и пончиками. Подъемники продолжали поднимать горных лыжников на незначительную мусорную высоту. Оттуда даже вида толком никакого не было...

Но хорошенького понемножку. Плохонького тем более.

Пора было возвращаться. Домой, но сначала к термосу и бутербродам.

Машина, благодаря направленным в сторону Горы прожекторам, стояла мало того что в вечерней темноте, так еще и в густой тени.

Поэтому мы не сразу заметили черные, драные, в хрустящей крошке пробоины вместо заднего стекла. Рюкзаки с термосами, бутербродами и теплыми носками исчезли.

Стоило рисковать из-за такой ерунды?

И да, конечно, мы сами виноваты, не поставили машину на платную стоянку. Пожались, или просто не могли предположить на Лисьей горе охотников за термосами и сухими носками, ценою стекол нашей бедной Мицубиси...

Убитые, голодные, холодные, мы усьелись в опоганенную, ледяную машину.

Дырку закрыли, как могли, большой синей ватрушкой. Вот она и пригодилась...

Опозоренные, ехали с мусорной горы. Медленно и печально, чтобы не выдуло февральским ветром из машины, и так до половины наполненной обидой и отвращением.

На починку понадобилось сколько-то дней и денег, плюс выручила страховка. Гаишникам мы сказали, что машину нам разбили недалеко от дома, вызвав их на мнимое место преступления, тогда еще так можно было.

Теперь, когда мы едем из Москвы по М7, я отворачиваюсь от мошеннической горы, мусорного псевдокурорта.

До сих пор тошно.

– М-дааа, – протянул Евгений. Наверное, он думал, что история окажется побогаче, подраматичней. Возможно, ждал не жиденького криминала, а густой мистики. – Лисью гору соорудили лет десять назад. А уехал я в середине девяностых. Но одноклассники, кажется, ценят это место... В прошлом году Верка Туманова, подруга детства, праздновала там день рождения. Мне понравилось.

Евгений немного расслабился. Настороженность ушла из зеленоватых глаз. Кстати о бутылках, он совершенно не был похож на выпивоху. Соавтор «Ротонды» откинулся на спинку стула, выставив незначительный живот в хорошей клетчатой рубашке. Отхлебнул лимонад.

– Так как случилось, Евгений, – решила я взять его тепленьким, – что мы с вами написали одинаковый... идентичный... один и тот же текст?!

Он ответил почти сразу, с крошечной заминкой, но я успела запомнить этот промежуток. За соседним столиком сидели две дамочки лет сорока, оживленные, симпатичные, было видно давних подруг. От подружек веяло теплом, радостью, мне захотелось пересесть к ним от мутного Евгения, я уже немного от него устала. Ммм, и одеты хорошо, у меня на чужой стиль выставлены радары, а вот на свой не очень... Я скользнула взглядом под стол: рассмотреть обувь. Весьма! эстетическая радость! – я не ошиблась. Пьют светлое нефilterованное... едят... гм, ясно, какие-то салатные листья, которые перманентно худеющие дамы заказывают, чтоб оттенить пиво чем-то полезным.

Соседки захохотали, и я поспешно отвела взгляд.

– Знаете, я много лет занимался... интересовался наследием Львова. Меня подсадила бывшая жена. Львов был ее страстью! Вообще, Женя все, абсолютно все делала со страстью, кроме... ну, вы поняли. – Он опять приложился к бокалу. – Да, вы правильно заметили, мы тезки. Учились – кстати о Балашихе – в одной школе. Только она моложе на три года... Еще моя мать – а уж как она мечтала меня женить, ей так было спокойнее, – сказала, что не ждет ничего хорошего от этого фонетического прикола. Женя женится на Жене.

Я повторила, прожужжала эту фразу, про себя.

– Познакомились в... разумеется, конечно – о, улыбайтесь, иронизируйте, не стесняйтесь! – в литературной студии. Женя была талантливая девочка (он сказал это очень нежно). Гораздо талантливей, чем я. Писала короткую прозу.

– Она взяла вашу фамилию?

– Взяла не то слово. Она ее схватила! Выхватила... Ее собственная была исключительно дурацкая... Лабунец. Хотя, Господи, это же так просто... Есть литературные псевдонимы. И вообще, чем страннее... страньше фамилия, тем лучше.

– Женья Рождествина?

– Женья Рождествина.

– Слушайте. Можете не отвечать, к делу это совершенно не относится. Или относится. Вы были счастливы?

– Да. Да! Где-то год. Полтора, если быть точным. Пока не родилась дочка. Думаю, это второе, для чего я ей понадобился. Ребенок. Фамилия и ребенок.

– Пойдите, – я допила остатки пива. – Неужели такая проблема для красивой женщины выйти замуж, сменить фамилию, родить ребенка? К тому же для талантливой...

Евгений покраснел, просто мгновенно стал багровым, я даже немного испугалась.

– Слушайте, Татьяна, – сказал он тонким голосом, – зачем вы говорите хуйню? Вот зачем?

Мне стало ужасно, чудовищно стыдно.

– Простите, пожалуйста, – пролепетала я. – Вы правы. Занесло...

Он почти сразу стал нормального цвета.

Отходчивый.

Изумительная черта.

– Ладно. Проехали. Взять тебе еще пива? – Евгений помахал официанту.

Так мы перешли на ты.

– Вы... Ты был в Никольском-Черенчицах?

– Один раз. Плохо кончилось. Сломал ногу, возле Кузни. Спускался с Петровой горки, ну и. Помнишь это место?

– Конечно.

– ...Нарочно не придумаешь. Ходил, снимал, никому не мешал... Да там и нет никого, ты же помнишь... Оступился, лодыжка хрясь. Знаешь, будто он меня там не хотел. Очень недружелюбно ломать гостям ноги. Неинтеллигентно. Не буду рассказывать, как меня тащили по полю до машины, там ведь не проедешь дальше здания клуба... Мы были вдвоем. Хорошо, помог их охранник, здоровенный дядя, если б не он, я бы не дополз... А жену саму надо было тащить. У нее чуть что не по плану, сразу стоны, истерика...

– Ясно. Сочувствую... В Ротонде были?

– Нет. Тогда еще не пускали. Но я был в Знаменском-Райке. И в другой ротонде, на Васильевой горе. А в Райке мы, считай, поженились.

У меня в голове моментально сложился рекламный клип: свадьба в усадьбе! Снежной зимой, Райку идет зима. Свадебные санки, тройка лошадей, официанты в ливреях. Невеста, списанная с портрета Елизаветы Глебовой-Стрешневой. Жених в синем бархатном камзоле.

Гости чернеют посреди огромного овального двора, как уголь, оброненный на снег кухаркой...

– Романтичненько. Это вы что, специально? Усадьба в виде кольца... Свадебный подарок. Символика...

Я опять включила суку, просто по инерции. Евгений заиграл желваками.

– Зря иронизируете... иронизируешь. Это правда было романтично. По-настоящему. Без уменьшительных суффиксов. Зима. Снег выше колена. Белое на белом.

Снег. У меня чутье!

– Верю, верю... – захопотала я. – Совершенно потрясающее место. Много было гостей?

– Четверо. Всего четверо, мы и свидетели.

Не угадала я с ливреями...

– Мы назвали дочку в его честь.

– В честь... кого?

– В честь Знаменского.

Я задумалась.

– Ра-ек. Рая?

– Мы звали ее Раек. Ее так все и зовут.

– Ей сейчас...?

– Семнадцать.

– Все это круто. Я очарована, правда. Красивая история. Закольцованная... Все как мы любим. Но – рассказ?

– Да, вы... ты все правильно поняла. «Ротонду» написала Женя. Она была помешана на Черенчицах.

– Но... почему?

– Что – почему? Почему я значусь автором? Все очень просто. Мы тезки. Женя ушла. Так какая разница? Какой именно из Жень... Женей Рождествовых автор.

– Ушла... в каком смысле?

– Совсем. Три года назад.

– Господи... Прости... те.

–

–

– Кто все эти люди? Персонажи? Митя, Марк, Ася? Которые фигурируют в рассказе.

– Персонажи и есть. Может, подсмотрела, списала с кого-то, но скорее всего просто сочинила. Синтезировала. Уши от Ивана Петровича...

– Хорошо, хорошо. У нее был... друг... возлюбленный? Там же у героини имеется... Рассказ от первого лица...

– Я правда не в курсе. Не следил за ее жизнью. Замуж не выходила, я бы знал. Мужчины были, наверняка... Скорее всего. Она яркая. Привлекательная. Нравилась мужикам. Горела огнем, ей все было нужно, важно, интересно. Горячая, живая, – он осекся, хмыкнул. – Была. ...Знаешь, – (я вздрогнула, я уже и забыла, что мы на ты). – У нее было очень красивое место – вот тут. Стык плеч и шеи, ключицы, начала рук, – он показал на себе, нарисовал пальцем на клетчатой рубашке, – У нее все красивое, но это... Мне достаточно было просто вспомнить эту... часть, чтоб завестись. Сейчас, конечно, уже нет, но раньше... Хотелось змеей обвиться вокруг шеи. Разлечься по плечам, положить лицо в ямку одной ключицы, конец... кончик хвоста в другую. И прям враспи, не расставаться. Таким...

– ...боа? – догадалась я.

– А ты умная, – хмыкнул Евгений.

Все с головой ринулись в этот L-project. Им только поставь творческую задачу, они погружаются в нее как в иордань, с головой.

Я запрягаю годами. Надо ж подумать, прикинуть, почитать. Собраться с духом.

А там уж как пойдет.

Сказали, литературная часть – на тебе (то есть на мне).

Можно было бы отделаться эссе. Не знаешь что писать – пиши эссе. Оно не обязано быть длинным, и в любом, даже самом плохоньком, паршивеньком из них всегда что-то есть. Брезжат смыслы, пульсируют догадки, мерцают идеи.

Его можно прочитать публике, подав в виде лекции. Чтоб не придирались, следует обязательно уточнить, предупредить, что поток слов, этот сиреневый туман, дым, который ты собираешься выпустить в лица терпеливых слушателей, – не научные изыскания, а эссе.

И тогда они все схавают.

«Эссе», были такие тоненькие сигареты...

Я начинала двадцать раз, и каждым из этих двадцати эссе можно было смело подт... морочить голову аудитории.

А удовлетворения не было. Удовлетворение же вещь вполне конкретная. Даже мифический, невидимый глазу женский оргазм – это шесть-десять мышечных сокращений.

Мне не хотелось имитировать удовлетворение.

Пока не начала писать «Ротонду». Вот просто, однажды, заискрило, засверкало в голове, оформились, начали твердеть слова, стала расти личинка сюжета, я села за свой Lenovo с отсутствующей буквой Ё и пошла строчить.

Как Анка-пулеметчица.

Как швея-мотористка.

Как когда-то давно, в восьмом классе, когда я шила свои первые джинсы на швейной машинке Подольского завода с черным расписным корпусом и ножным приводом. Белые, с карманами, простроченные красными нитками, настоящие джинсы четырнадцатилетней девственницы. Эти джинсы, гордость моя и учительницы по труду Зинаиды Ивановны, просуществовали целую неделю. Они даже успели прославиться на районе. Джинсы изумительно сидели. Они обтягивали задницу, но не слишком, нигде не жали и были правильной длины и ширины. Белые, за неделю интенсивной, хотя и аккуратной носки они почти не посерели. Но я все-таки решила их постирать. Хотя можно было потерпеть еще неделю, а то и две. Месяц! Страсть к чистоте, эти енотовы рефлексy сгубили мои джинсы... Но они в любом случае были обречены, качество красных ниток не оставляло им шансов. Если только не стирать джинсы совсем. А, например, отдать в химчистку.

Другой вопрос, что постирай я их не вручную, а в стиральной машине, они могли бы сгубить еще кучу вещей...

Красные нитки полиняли, окрасили белую бортовку безобразными розовыми разводами. Как ни убеждала меня подруга Элка, что получилось даже интересно, интригующе и как в Европе, я, повыв, разлюбила джинсы и не предпринимала больше попыток их спасти, перекрасить анилиновыми красками в булькающем чану. Тогда многие так делали, многократно продлевая жизнь одежды, вечная жизнь вещей.

Моего размера, Элла перехватила джинсы практически у помойки, упростила отдать, я так и сделала и больше никогда не интересовалась их судьбой. Уверена, Элка их спасла, но, видимо, из деликатности ни разу не надела ничего даже отдаленно напоминающего (при мне). Я бы узнала их синими, зелеными, алыми, расшитыми бисером, расписанными акрилом.

От тех джинсов в памяти осталось, как ровным сердечным стуком ходит педаль ножного привода, как уверенно, победно вытекает из-под лапки долгая белая штанина с алым швом.

Шов был двойной, твердый, аккуратный, как лыжня мастера спорта по лыжам на устойчивом январском снегу.

Похожим образом, лихо, восторженно и скороспело вытекала «Ротонда». Вопрос, не полиняют ли ее свежие алые швы после первой стирки, не приходил мне в голову.

Еще одну находку, странную и непонятно зачем нужную, привезли мы из Никольского-Черенчиц.

Нос Кваренги.

Произнесите: Кваренги. Чем отзовется в вас красивое слово? Великолепными дворцами, особняками. Рассказом Нагибина «Срочно требуются седые человеческие волосы». Герои которого носились по улицам тогда еще Ленинграда и любовались постройками итальянского архитектора.

Даже первый слог, ква, не отдает майским болотом, настолько это красивое благозвучное слово: Кваренги.

Пока я не увидела, как он выглядит...

В музее Львова в Никольском-Черенчицах (комната на втором этаже местного ДК с печным отоплением) со стенда, где был представлен круг друзей архитектора, на меня глянуло лицо с огромным сизым носом. Толстые щеки, крошечные недобрые глазки, черные волосы и непостижимого размера бесформенный нос.

Так выглядел Джакомо Кваренги. И дело не в карикатурности одного отдельно взятого изображения: великий архитектор и, кстати, прекрасный музыкант, выходец из грациозной Италии, имел такую вот странную внешность.

В приложениях к изданным недавно дневникам Львова находим материалы об итальянском периоде жизни Кваренги. (В России он прожил дольше, сорок с лишним лет.) В переписке резидента английских иезуитов Джона Торпа с лордом Арунделлом – Торп пишет об архитекторе следующее. *«Его зовут Кваренги, но он больше известен как Тень Палладио»*. Ать! А кто у нас в России первый палладианец?

Переписка относится к 1774 году, Джакомо Кваренги тридцать лет. В Петербург он приедет зимой 1779-1780 года... Ниже находим такую характеристику: *«...ваш Палладио является одним из самых неуклюжих парней, которых вашей Светлости приходилось видеть. Он страстный любитель музыки, ради нее готов бросить все. Он работает, когда одежда его отдана в залог, и порой не имеет ни гроша, чтобы заплатить за свой обед, в то время как английские художники ловят момент, чтобы выхватить что-то из-под его пера. Он столь гениален и полон творческого горения, что не может даже прикоснуться к вину, и не пьет ничего, кроме простой воды...»*

Интересная деталь, учитывая, что сизый нос Кваренги первым бросался в глаза и моментально наводил на мысли о пьянстве...

«Старик Гваренги часто ходил пешком, и всяк знал его, ибо он был замечателен по огромной синеватой луковице, которую природа вместо носа приклеила к его лицу», – писал о нем известный бытописатель и мемуарист Ф.Ф. Вигель, член арзамасского кружка.

Но с лица воды не пить. Созданные Кваренги постройки изящны, стройны, легки, певучи.

А нос?

Вот такой нос.

С эффектом селфи, когда телефон держат недостаточно далеко от лица (это была скрытая реклама палок для селфи).

*Я возьму это фото для публикации?
Не надо, здесь ты чистый Кваренги.*

Писатель пишет где его посадишь. Нужны, по существу, две горизонтالي: стол, стул.
Художнику подавай натуру.

Наши снова засобирались в Тверскую область: писать.

И я с ними, писать.

На сей раз не шиковали по отелям, сняли на всю команду домик в Никольском-Черенчицах. Сделать это было непросто, здесь не практикуют такое, сдавать дома на несколько дней. Не курорт и даже совершенно (пока еще) не туристическое место. Учитывая, что рядом Торжок и гостиницы на любой вкус...

Елена Александровна, первопроходица туристического направления, договорилась с двоюродным братом, и нам сдали дом на то время, пока хозяева уехали в Питер к сыну. Просто повезло.

Три комнаты, кухня, веранда, отлично. Нормальные душ и туалет.

В окно моей комнаты скреблась груша с уже оформившимися плодами, протягивала их мне, зеленые, каменные. Как у Бродского:

*в густой листве налившиеся груши
как мужеские признаки висят...*

Скорей бы уже Митя развязался с работой и приехал, подумала я.

В первый вечер отмечали приезд, легли поздно.

Ночью груша выстукивала морзянку. Странные запахи чужого жилья довольно скоро перестали замечаться и восприниматься.

Встать я собиралась со всеми, в восемь.

Они пойдут писать, я тоже пойду, мой ноут с аккумулятором и сидущка позволяют в любой точке на любой кочке устроить кабинет.

(В Москве никакого кабинета у меня не было.)

*Плакущие березы воют,
На черну наклоняся тень;
Унылы ветры воздух роют;
Встает туман во всякий день –
Над кем? – Кого сия могила,
Обросши повиликой вокруг,
Под медною доской сокрыла?
Кто тут? Не муз ли, вкуса друг?..
Уж нет тебя! Уж нет! – Придите
Сюда Вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Где скрыт под пеленою Л[ьвов].*

Главный дом представлял собой страшноватую развалину, вход в которую был воспрещен, но я бы и не рискнула. Сохранилась примерно треть здания. Львов строил дом для своей семьи, обожаемой жены и детей, числом пятеро, двое сыновей, три дочки. В этих стенах функционировал первый в России кондиционер. Восемнадцатый век, на секундочку. Эстету Львову хотелось, чтобы в его прекрасном доме пахло свежими розами, и аромат поставлялся во все комнаты с помощью хитроумного устройства (не букетов). Дом был чудом не только архитектуры, но и инженерной мысли, здесь готовили блюда на пару, вода доставлялась прямо в кухню из домового колодца, и т.д. и т.п.

А нежная, сильная, преданная Марья Алексеевна вышивала здесь шерстью по соломенным обоям.

– Крх-хэм-крхэ, – раздалось за спиной.

Я осторожно обернулась. (Я сидела на складном стульчике, на коленях ноут, справа пакет с белым наливом.) Повела взглядом – метрах в ста Галка в панамке с независимым видом писала погреб-Шиш.

За спиной у меня с медвежьей деликатностью переминался с ноги на ногу здоровенный мужик (крупный мужчина) в униформе охранника.

– Дoooбрый день! – дежурно расцвела я. – А мы вот в гости. Елена Александровна же предупредила? Изучаем наследие вашего гениального земляка. Татьяна, – снизу вверх я протянула ему руку.

– Валера, – сказал охранник, с удивлением глядя на мою ладонь, но взял, потряс. – Да я чего... Конечно. Смотрю, все с этими... ящиками... (этюдиками! – подсказала я с повышенной готовностью), а вы как-то странно...

– Да! Они рисуют, я пишу. Они художники, а я писатель (выражение лица, приглашающее не принимать мои слова всерьез). Вот, с натуры (округлый жест правой рукой)... Жалко ж в четырех стенах сидеть в такую погоду. Ну а у вас, как, много туристов?

– Да нет... Хотя иногда автобус приедет, и два, бывает. В музей сходят, в Ротонду, на Петрову горку. Сейчас, конечно, чаще стали приезжать, как музей появился.

– А вы давно здесь работаете?

– А с самого начала. Как сделали заказник, с тех пор, – он показал на будку из оргалита, пристанище охранника.

– Чудесно у вас! Мы вот уже второй раз приехали. В первый раз, видимо, разминулись...

Валера с непонятным выражением лица покачал корпусом.

– А что-нибудь интересное бывало у вас? Все-таки место такое... необычное. Знаковое! Все ездят к вам... – лила я коммуникационный елей.

– Да не, все спокойно. Публика тихая, аккуратная... Приехали, посмотрели, уехали. Мы даже рады, когда приезжают. А то неделями тишина. Сидишь как сын. О! Вспомнил! – мрачно оживился Валера. – Было приключение, на мою голову...

Я смотрела на рассказчика не мигая.

– ...Двое приехали. Уже к зиме, а машинка у них дурная, низкая. Номера московские. Застряли на въезде, дорога сами видели какая. Даже в июле, если дожди... Но нормально,

справились. Мужчина и женщина. Долго ходили, выпрашивали. Экскурсию им двоим устроили. У нас тут этих туристов на руках готовы носить... Потом они пошли к Кузне, сами, одни. Через час где-то, или меньше, прибегает она, помогите, муж ногу сломал. Только этого мне не хватало... Как ухитрился? Ну, пошли с ней. Сидит, стонет. Вдвоем еле доперли, считай, я один тащил, от женщины его толку мало... А медпункт ближайший в Торжке. Скорую звонить смысла нет, три часа будут ехать. А за рулем как раз он, она не водит. Плачет, вся трясется, а уже темнеет.

Я отвлеклась на Галку. Она стояла перед этюдником прямая, торжественная, в панамке, и я прямо физически почувствовала ее радость находиться здесь и рисовать. Галя перехватила мой взгляд. Чо? – подруга округлила глаза, мотнула головой на Валеру. Я кивнула, все норм, просто проверка связи, потом расскажу.

– ...Руководство давай звонить в Торжок, – вел Валера дальше, – в больницу. А кому везти? Конечно, Валергеннадичу! Это хорошо у них механика, я на автомате не умею. Она причитает, кому-то все звонит, мужик ее вообще мертвым прикинулся, а я их вези, Валера из Черенчиц! Оно мне надо? У меня рабочий день давно закончился... Пока привез их, пока сдал... Домой вернулся, уже ночь была. Хорошо, подбросил брат начальницы, из Арпачево, с работы ехал, подождал меня.

– А дальше что?

– Понятия не имею. Не моя забота.

– Видите, – сказала я торжественно после надлежащей паузы, – вы спасли людей... В совершенно безвыходной ситуации!

– А! Что интересно! Она потом еще несколько раз приезжала, – не повелся на лесть Валера.

– Одна?

– Нет, типа экскурсию проводила. С людьми.

– А он?

– Мужик ее? Не. Руководство потом обсуждало, что странно вышло с этой ногой. Как специально... У нас же здесь не Кушавель ноги ломать...

Валера так и сказал: Кушавель (не).

Шел четвертый день экспедиции. Домик зарос этюдами. Акварель, пастель, картон-масло покрыли большой стол на веранде. Участники L-project разошлись не на шутку, писали как сумасшедшие, все больше входя во вкус. Их работы съедали пространство дома, множа виды Черенчиц; было уже больше двадцати изображений Ротонды. На одно из них попала я, собственной персоной. Сидела на ступенях, ни о чем не подозревая, а Галка поймала в кадр. Вечерний этюд в сладостных гиацинтовых тонах, и я в белой рубашке.

(С некоторых пор ношу только белый верх, предпочтительно рубашку, даже вот на этюды. В качестве не-художника гораздо меньше риска испачкать одежду. Белая рубашка как оберег, и, потом, красиво.

Глядя на Галкин этюд, я убедилась, насколько это правильное стилистическое решение. Мы с рубахой декадентски фосфоресцировали в сумерках и смотрелись очень эффектно...)

Было много черно-белой графики, такой точной, дышащей, что яркость середины лета, вся эта синь и зелень читались на них, несмотря на монохром.

Мои «результаты» жили пока под черной крышкой ноутбука.

По вечерам мы романтически читали знакомые почти наизусть стихи Львова и тяжеловатые, но прекрасные, мы как-то в них всмотрелись, вжились, стихотворения Державина. Пожелав друг другу доброй ночи, расходились по комнатам. Я падала на кровать гранитной плитой, не было сил даже читать, без чего в Москве не засыпаю. Проваливались до утра под грушевый перестук.

Мы вышли около десяти, то есть очень поздно. Все вместе, вшестером, по сложившейся традиции.

Возвращались обычно вразбивку...

Недалеко от домика культуры, загораживая собой все, стоял огромный серебристо-белый Неоплан.

Мы поморгали, видение не исчезло.

Стоящий неподалеку, отсалютовал Валера. Махнул папироской на автобус: вот, говорил же, ездют!

Из автобуса как раз высыпали туристы. В ярком, белом, в кепках и панамках, с камерами на животах. Поражала воображение чистенькая, новенькая светлая обувь прибывших. Сразу видно: люди ехали получать удовольствие, и знания-впечатление тоже, но удовольствие в первую очередь. В основном туристы были женщины средних лет, имелось несколько мужчин, две молодые пары, семья с ребенком и семья с двумя детьми, и чудесная пожилая чета артистического вида, очень элегантная.

Экскурсовода отличили легко; бородатый, похожий на социал-демократа мужчина неопределимого возраста выстраивал свою паству полукругом. Джинсы, клетчатая рубаша, очки, борода: классический тип историко-архивного фанатика. (Лучшие из экскурсоводов. А не просто тетеньки, выучившие, что говорить и куда показывать...)

Меж тем туристы отвлеклись от своего повода и смотрели на нас. Оно и понятно, мы были гораздо эффектней их вожака. В шелесте листвы, в игре солнечных бликов мы приближались к зданию ДК, оно же музей и библиотека, небольшой живописной процессией. Красивые, по-дачному расслабленные, по-художницки собранные, с этюдниками, и я в белой рубашке с ноутбуком. Чистая литература: *роща, пение птиц, солнечные пятна на траве и все мы разноцветными пятнами на ярко-зеленом фоне – преоригинально, во вкусе французских экспрессионистов.*

Встретить такое на лоне природы, в деревенской глуши – можно навеки остаться очарованным зайкой.

...С художниками часто так. Приезжаешь: живописная глухомань, двенадцать километров от станции, автобусное сообщение отменили пять лет назад. Первое, что видишь на пригорке, – человек с этюдником. Хорошо еще, если по склонам не залегли двадцать его учеников подросткового возраста...

В этом случае, как при встрече с медведем в Татранском заповеднике (выдают инструкции) нужно – не притвориться мертвым, нет. Издалека улыбнуться дружелюбно, капельку виновато (зачем нарушил ваш покой). Подойти, поболтать непринужденно, откуда, кто, надолго ли. Не коситься и не пялиться на холст! В конце беседы деликатно попроситься посмотреть. Дождаться разрешения. Поглядеть, помолчать. Отпустить разумное, уместное замечание, выдающее человека хоть отчасти компетентного. Не знаете, что сказать, произнесите: как точно вы поймали настроение, состояние, не ошибетесь. Поддержать мелеющую беседу можно (вы ведь подготовились), поделившись маленьким не особо ценным фактом о местности. А знаете ли вы, что до 1960 года здесь существовала прядельная фабрика/водяная мельница? Или выдать координаты святого источника. Немного

жалко, конечно, но придется поделиться... Цель коммуникации: узнать, где банда поселилась и как скоро освободит территорию. Расслабив собеседника ровной приветливостью, можно попытаться его насчет местных достопримечательностей, вдруг разживетесь полезной информацией. Несмотря на часто неприглядный вид, художники существа мирные, безобидные, травоядного типа, в большинстве своем не жадные. Гораздо приятней литераторов.

Так что из всей нашей группы реальную опасность представляла только я.

А икру, сыр и белорыбицу съели два брюнета и толстый актер.

Со стороны невидимого отсюда, спрятанного за деревьями Никольского к туристам приближалась Елена Александровна: встретить гостей, отпереть музей. Принаряженная, в платье и каких-то длинных бусах, библиотечарша шла торопливо, я впервые заметила, что она прихрамывает на левую ногу. Туристы, как поле подсолнухов, всей группой повернули к ней голову.

Мы поприветствовали милую библиотекаршу. Вчера вечером она была у нас в гостях, под чай с бальзамом мы пытали ее про некоторые детали здешней жизни. Напустили для начала Марка с гитарой, он размягчил милую женщину Окуджавой.

*Ваши дееевочки плааатыца бееелые
раздалили сестренкам своим...*

Елена Александровна расцвела в нашу сторону, помахала как своим. Туристы повернулись всем телом теперь уже к нам.

Вот что значит культурный туризм, какая настроенность на получение впечатлений...

– Может, присоединимся? – сказала Галка сквозь сжатые губы. – К экскурсии. Узнаем хоть чего-нибудь новое...

Хоть. Что-нибудь.

– А это идея, – откликнулся вполголоса Марк. – Старший у них вроде нормальный.

Солидный Марк отделился от нашей группы и неторопливо подплыл к социал-демократу. Тот приветливо сверкнул на него очками и крупными зубами (зайчик, подумала я). Мужчины отошли на несколько шагов от клумбы экскурсантов, обменялись фразами. Я загордилась перед туристами из Неоплана внушительностью Марка, его элегантностью, барственной красотой. Экскурсовод закивал, заулыбался, и сразу в зарослях бороды и челки проступил совсем молодой человек. Уже через минуту Марк махнул нам округлым приглашающим жестом. Сквозь сдержанность явственно читалось оживление; наш друг был рад приключению.

Галя сияла, ее хлебом не корми, дай послушать экскурсию.

В основном мы, конечно, все знали. Туристам давали общую канву, по которой вся заинтересовавшийся Львовым и его наследием довольно скоро начинал вышивать собственными изысканиями. Информация в интернете, в общем, имела, и было где раскапывать.

Галка, поджав губы, одобрительно кивала на каждое слово Саши, так звали экскурсовода, лишь изредка она удивленно поднимала бровь, что означало – стрела попала в цель, слушательница узнала что-то новое.

Хоть (что-то новое).

А целомудренные, нецелованные впечатлительные экскурсанты на наших глазах влюблялись в русского Леонардо, то есть Львова.

Из чего явствовало, что экскурсовод Саша был замечательно хорош. К тому же довольно прилично разбирался в архитектуре.

– А в Москве, – сказала Ася, когда Саша красиво закруглил экскурсию и предложил задавать вопросы, и даже уже ответил на несколько, касающихся женитьбы Львова и его принадлежности к масонам, – что именно он построил в Москве? Питер и окрестности, Тверская область, Могилев, Подмоскovie, с этим приблизительно понятно...

– Отличный вопрос, – обрадовался Саша. – Это пять! Тут много темных мест... спорных... неочевидных. Москва и Николай Александрович Львов. Ему был поручен Павлом проект реконструкции Кремля, там был довольно большой фронт работ. Известно, что с незначительными поправками эскизы Львова были одобрены. Строительство возглавил Казаков. Гм, сложновато. Вообще, в московском периоде Львова много непонятного...

– Например, насчет его смерти, – подсказала я.

– Вот! – резко повернувшись, Саша наставил на меня указательный палец (как наган, я даже испугалась за его манеры.) – Знаете, мне это тоже не дает покоя...

Мы переглянулись. Несколько женщин-экскурсанток сделали стойку, решив, что запахло историческим скандалцем. Одна из них снимала на телефон.

– Александр, время, – красивым низким голосом напомнила дама в соломенном канотье и постучала пальцем по запястью. Видимо, по фантомной привычке, потому что часов на ней не было. Женщина посмотрела на нас извиняющимся взглядом; на белой кофточке корректно выделялся бейджик «Магазина путешествий». – Нам еще Кузню осмотреть, полчаса на Арпачево, и к обеду в Торжок. Знаю-знаю, о Николае Александровиче можно говорить бесконечно, но... – Она сложила руки в молитвенном жесте, слева у нее была приколот брошка ростовского завода художественной финифти: нежный букет на бледно-голубом фоне.

Говорящая штучка. Подобная есть и у меня, досталась.

Только я ее не ношу...

Экскурсанты, почуяв ослабленные поводыя, стали расползаться, теряться в зелени.

Я подступила к их лидеру.

– Александр, – напирала я под печальным взглядом организаторши. Белая рубашка делала меня сильной и уверенной. – Вы ведь дадите... оставите нам свой телефон... мейл... что-нибудь?

Саша закивал, с готовностью вручил мне визитку и буклет (кандидат исторических наук, успела заметить я, ого). Он догнал свою паству, и живая клумба поползла в сторону развалин господского дома...

Неоплан растаял как облако, сразу стало легче дышать. Мы снова остались в Черенчицах одни. Не считая, конечно, двухсот жителей Никольского, растворенных в пейзаже, Елены Александровны, Валеры, и Львова с Державиным.

До вечера мирно рисовали, наслаждаясь безлюдьем. Не опасаясь, что из-за деревьев раздастся громкий шепот: о, художники, и тебя обступят туристы. Люди становятся любопытными и докучливыми именно в своей туристической ипостаси, в Москве они и бровью не поведут в сторону человека с этюдником.

Вечером, чтоб снять туристический морок, мы пили траминер и читали Гавриила Романовича, Ганюшку. Посвящение как раз Львову. 1792 год, прекрасное, прекраснейшее время.

Устроили, так сказать, вечер одного стихотворения.

*Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят со двора.*

Вздохом-смехом, консонансная рифма, затесавшаяся в ямбический белый стих, прекрасно. Зависть с гордостью рифмуются примерно по тому же принципу, и смыслу.

Львов – не завистлив, не горд, не склонен печалиться и развешивать нюни. Так и запишем.

*Скрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят,*

В той самой деревне, где мы сейчас, в Черенчицах.

Источник светлый меж цветов в лесу дремучем – между прочим, отличный образ!

Неспроста и это «теперь»: в столице пожито изрядно, в служебной квартире в здании Почтового управления, а до того в роскошном дворце Безбородко, откуда, несмотря на роскошества, рад был переехать. Пусть другие, взмостясь, из терема глядят...

*Как на златые колесницы
Зевают чернь, как ратный строй
В глаза ей мечет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;*

Чернь, зевающая на златые колесницы, это сильно. В этом «зевает чернь» много психологии, кроме собственно образа зевка и зеваки. Черные распыленные рты, а ратный строй «мечет» толпе, в глаза, блеск от ружий. Страшноватая картинка...

А все ведь повторяется. Прошло... так, сколько? 128 годков.

Ратный строй по прежнему мечет блеск от ружей, а еще от касок, забрал и щитов.

*Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит.*

Вот и нам привет, в наших веках позднейших.
Витязи созерцают себя, уже без малейшего удивления.
И народ их не боготворит, а так, по инерции.
Плескать заране в длани – хорошо, ядовито сказано. Ай да Гаврила Романович!

*Но ты умен – ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О Боге, дружбе и любви.*

О, да. Львов ли не умен? Если не он, кто тогда?
А это «под шумком потока». Не под шумок, а вот так.

Львов точно не спал, как бы иначе все успел? Воспевал о Боге, дружбе и любви, да, в общем и целом, крупными мазками, можно и так обозначить его разнообразнейшую деятельность...

*Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.*

Эх, соловьев-то мы и не застали, надо было раньше приезжать... Но июльские травы и особенно цветы благоухают, есть одно особо душистое место за кузней. Свой пурпур (на этюдах все зафиксировано) Черенчицы гостеприимно расстилают и нам, преимущественно вечером, потому что по утрам мы слишком долго спим. И утренняя заря по той же причине, увы, нам недоступна.

Помавать – от такого величавого подмахивания можно испытать филологический экстаз, но среди нас, о чудо, нет ни одного филолога.

*За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытых стадом,
Ни меж озер и куц приятных, –
Но всюду радость и восторг.*

Не ходит за ним раскаянье! Во-первых, раскаиваться не в чем. Во-вторых, раскаянию здесь не место: всюду озера, приятные кущи, радость и восторг. И холмы, покрытые стадом. Уютно, эротично... Холмы понесут от стад, и родятся, закурчавятся, поползут по новым народившимся холмам новые стада.

*Труды крепят его здоровье;
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом.*

Труды, укрепляющие здоровье, – озарение для осмнадцатого века. Легкая, как воздух (насыщенная кислородом, что ли?) кровь... Тут впору предаться ликованию, если б не знать про последующие болезни, про безвременную кончину...

Поутру летает обозреть работы, перекинуться парой слов с мужичками; стопудово должен быть кто-то вроде прораба. Ефим Петров?

Что касается зефира – он есть и у нас, невский, белый и в шоколадной глазури, купили к чаю.

*Тут нежна, милая супруга –
Как лен пушист ее власы –
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.*

Дивно.

Марья Алексеевна действительно прелесть, сходите убедиться Третьяковку, или погуглите. Нежна, мила, бела. В 1794 году архитектор и автор этих стихов породнятся, овдовевший Державин (52) женится на Дарье Дьяковой (28), сестре Марьи Алексеевны.

«Стирает пот с его чела» – между прочим, сколько легкости в строках. А сначала казалось, мысль тянут бурлаки. Так сказать:

...снегоподобною рукой.

*Целуя покрасневши щеки,
На пальцы посмотреть велит,
Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и роуи
Градской своей подруге шьет.*

Супруга – тоже творческая натура. Едва только поцеловала мужа, а уж «на пальцы посмотреть велит». Вышивает по соломе (новое слово в вышивке!) – шерстью, а мы читали, что еще и шелком. Вышивает не абы что, сельские пейзажи, и не себе, а подруге, причем городской.

Здесь ненадолго задержимся, вникнем. Мария Алексеевна не просто вышивает шерстью по соломе (при содействии крепостных девушек) сувенир для «градской подруги» – первой жены Державина Екатерины Яковлевны, в девичестве Бастадион. Львова (как истинная Львова!) выполняет заказ, делает декор для собственного его, Державина, роскошного дома на Фонтанке. Соломенные обои украсят стены Овального зала. Николай Александрович интегрировал в проект такие вот авангардные декоративные покрытия. Заодно и жену в ее Черенчицком уединении подключил к творческой работе.

*«О! если бы, – она вещает, –
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, –
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!*

Вот! Очень дельное, важное замечание. Почти манифест. Сравнение искусства и природы, в части вливания в сердце приятности. Тоска по друзьям. Природа природой, но общения-то хочется. И какого!

У четы много друзей, настоящих, близких по духу, а не просто светских знакомцев. И все – лучшие люди своего времени.

*Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивах златом здесь пленившись,*

*Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом».*

Влюбленные в сельскую жизнь, Львовы невольно пропагандировали ее среди друзей-горожан, и не без успеха.

Пленившись златом на нивах – это супер.

Перестать наряжать в шумиху дом, да еще храмовидный – собственный дом на Фонтанке, огромную городскую усадьбу, имеет в виду поэт. Не его ли, Державина, собственная тоска в этих строках, не себя ли уговаривает?

*«Ах, милая! – он отвечает
С улыбкой и со вздохом ей, –
Ужель тебе то неизвестно,
Что ослепленным жизнью дворской
Природа самая мертва!»*

Сам-то Державин, государев человек, чиновник, кабинет-секретарь императрицы, волею службы и уклада обречен жить в столицах. Губернаторствовать то в Петрозаводске, то в Тамбове, не сложилось ни там, ни там.

Похоже, здесь он с грустным «ах» защищает собственную позицию. Печально иронизирует, или кокетничает.

– За это надо выпить, – крикнул Марк и припечатал на щеке комара.

– За что? – хихикнула заноза Галка. – Что природа самая мертва?

– Что мы сейчас в этом богоспасаемом месте. А не в теремах, взмостясь.

– Интересно, – сказала Ася задумчиво. – Сначала стихи кажутся ужасно архаичными, тяжеловесными, громоздкими. Непроницаемыми, мозг отказывается понимать и принимать их, настолько это туго, неповоротливо. А вчитываешься – свежо, живо. Умно, понятно. Образно. Информационно! Все по делу... Или это мы здесь впали в восемнадцатый век?

Наконец-то приехал Митя. Вернемся мы все вместе.

Ошалев от зелени, пышных и одновременно глухих красот, Митя ходил по окрестностям, пока все писали, а я строчила; иногда мелькал в зелени его маковый рюкзачок.

Я устроила засидку на Петровой горе, над Кузней, на самой высокой точке. Сидя под раскидистым зонтом, видела окрестность как в широкоугольную камеру. Когда-то ровно на этом месте стоял домик Вельяминова, Петра Лукича; руины входили в список здешних достопримечательностей и были обозначены на туристической схеме.

А меж тем дом Вельяминова тоже был храмом дружбы. Хорошо, часовней...

Смотрите, Львов, небогатый дворянин. Пятеро детей. Дела идут разнообразно, имеются долги. Служба в почтовом ведомстве, что греха таить, в тягость. Тяготит даже/также покровительство самого канцлера Безбородко, несмотря на несомненные выгоды этого союза-симбиоза, связанные с ним бонусы. Впрочем, хоть и страшновато назвать сии отношения дружбой, слишком герои были разные, но после кончины Безбородко в 1799-м Львов будет горевать и убиваться, сетовать в стихах, что Господь взял на небо того, а не его...

А совсем недавно сорвалась – досаднейшим образом! – возможность получить должность директора казенных театров. Львова уже было назначили, но отказали, а все почему. Член правления почтового управления Судиенко распространяет сплетню, что Львов похвалялся публично, будто ворочает у Безбородко всеми делами и ходит вместо него на доклад к императрице, когда тот «болеет» (недуг известный). Скандал! Облом.

А место было прямо под Львова...

То есть фон не слишком веселый, не вполне благополучный. И на этом фоне Львов, придумывая и отстраивая усадьбу для своей семьи, предусматривает флигель для друга, бессемейного Вельяминова.

Строит его на достаточном отдалении от главного дома, соблюдая интересы приватности, минут семь пешком.

Этот Петр Вельяминов, почти разорившийся дворянин, «с лицом рябым от оспы и почти ослепший после нее», одинокий человек, без определенного места жительства, все гостил по друзьям. Вельяминов ровесник Львова, даже на год моложе. Познакомились и подружились на службе в Измайловском полку, то есть совсем молодыми людьми. Заметный персонаж львовско-державинского поэтического кружка. Приметы Вельяминова – несомненный литературный талант, страсть к русской народной песне, прекрасный низкий голос. Петра Лукича любили дети, которых он учил танцевать по-китайски и плавать на паркетe.

Приятель практически бездомен, что ж, в столице Львов хлопочет о земельном участке для Вельяминова, и получает, по соседству с собственной дачей, у Малого Охтенского перевоза.

С именем (и именем) Вельяминова связывают еще один загадочный, не до конца проясненный проект Львова. В Липецкой области, в принадлежащей Петру Лукичу деревне Ивановка была построена церковь, колокольня которой практически сестра-близнец колокольни в Арпачево. Есть все основания полагать, что церковь строилась по проекту Львова, хотя с сооружением также связывают имя швейцарского зодчего Томазо Адамини: тот возводил кафедральный собор в Липецке, за строительством которого Вельяминов, как пишут, «приглядывал». Это дало основание полагать, что Томазо заодно проектировал и для имени Вельяминова. Бенуа в своих записках назвал колокольню «курьезнейшей», что ж, имеет право. Сейчас церковь Иоанна Предтечи и колокольня-маяк в Ивановке находятся в бедственном состоянии, практически это руины. И все равно, представьте, вызывают интерес и споры...

А в Никольском-Черенчицах Львов строит для своего друга дом, от которого остался лишь фундамент. На один из этих камней я пристроила пенку-сидушку, и вот, сижу. Мои собственные друзья разбрелись по Никольскому, они пропускают местность через себя, своим художническим способом, а я пишу сидя в тени под зонтом.

...Надо мной неслось быстрое небо, полное рвущихся и сшивающихся в полете облаков. Белая кудель махрилась, ивы стелились сизыми изнанками, травы на лугу полоскало, расчесывало ветром.

В том же быстром рваном ритме я писала, стучала. Когда снизу меня окликнула Галка с румяным носом, было уже около семи.

Ночью груша, для (продлевая) писательской морок, настукивала в окно, позванивала, шепталась. Небольшие шумные ходики из пластика, изображающие «Ласточкино гнездо», не попадали грушам в такт.

– Грушевый звон. Сегодня особенно... Груши как мужеские признаки висят, все время вспоминаю почему-то, – сказала я. – из Бродского...

– Мудозвоны? – скаламбурил Митя.

– Не, здесь так нельзя! Не надо.

Мы уезжали 18 июля. Участники L-project, с красиво обветрившимися лицами, с полиповевшими глазами, заносили в машину вздувшиеся папки.

У меня была практически готова «Ротонда». Осталось немного дошлифовать, самая приятная часть работы. Ноутбук налился волшебной тяжестью, сквозь пластмассу, железо и

текстиль чехла я чувствовала вес большого текста, упругого, остроумного, с оформившейся загадкой, практически завершенного.

Примешивалось чувство рыбацкой удачи: я вытащила, выловила «Ротонду» в этом прекрасном старинном пространстве, прикормив – чем? – мыслями, хождением под кущами, всеми касаниями, физическими и не только.

Иногда рискуя умственным и душевным здоровьем и семейным благополучием...

Так рыбак варит котелок неаппетитного варева, пшенка-перловка, с вечера закидывает подкормку в гладкие безгрешные воды лесного озера. Ждет рыбацкого вдохновения, а утром таскает верткое увесистое серебро. Чувствуя тонкость момента, тайный, почти интимный сговор с пространством, рыбак не выкладывает фото улова в Инстаграм.

Рыбак не дурак!

Кстати, у него Инстаграма-то нет, не завел пока, хотя надо, придется, у всех мужиков уже есть.

...Так, да не так. Вдруг «Ротонду» мне настучала груша, во сне.

Я конечно немного горевала над тяжеловесностью названия, самого слова. Может, оно и создавало дополнительный вес...

«Ротонда», какой-то архитектурно-топографический ребус.

Здание палладинской легкости, стройности, парящей красоты, со всеми его колоннами и взмывающей лестницей, высоким лбом красивого купола.

Храм Солнца, как аттестовал его автор.

Шедевр архитектуры. Готовая взлететь, удерживаемая расползшимся у ее подножия небольшим деревенским кладбищем и грузом некрополя. Стоящая в деревне, в глуши, практически в лесу.

Здесь все сходилось, канатами стягивалось к Ротонде.

...Одна печаль, ротонда – это еще и предмет женской одежды.

Тяжелое, колом стоящее бархатное пальто. Довольно нелепый, мешанистый предмет женского туалета.

В день взятия Бастилии с утра лило. Вечером не было ни намека на изменение погоды с солнечной и жаркой на такую вот. За прогнозами, разнежившиеся, слившиеся с природой, мы уже не следили... Рисовальных планов отменять не стали, дорог каждый день. Сидели в укрытиях, пригодились зонты, плащи, резиновые сапоги.

Три раза в Ротонду и обратно прошла мимо меня Елена Александровна, опорожнять купель; на четвертый я увязалась с ней.

– Почему именно вы? Хрупкая женщина, а ворочаете такие тяжести... – ворчала я, пока она отпирала замок. Дело шло к вечеру. – Это вредно, вообще-то. Мужиков, что ль, нет во всей деревне?

– А кому еще? Валере не положено отлучаться... Да и не такие уж тяжести, я потому и хожу почаще, чтоб не тяжело. Когда ливни, бывает, по восемь раз в день приходится...

Я присвистнула.

– Городских шокирует, знаю. Вы нежные. А я родилась здесь. У меня огород, яблони, сливы. Картошки восемь соток. Муж кур держит, но это его епархия. И ничего, высшее

образование не мешает. И работу никто не отменял. Экскурсии, когда самотеком приезжают, тоже я провожу.

Я пустила по лицу сложную мимическую волну.

– Только не подумайте, что я жалуюсь. Не променяю такую жизнь ни на какие столицы.

Елена Александровна подняла глаза, поглядела в темноту под куполом и продекламировала, будто с листа:

*...А здесь, меж мужиками,
Не знаю отчего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал ровен.
С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь...*

– так писал по этому поводу наш с вами общий друг.

Повисла пауза, за время которой в купель упало с десятков увесистых капель, напоминая библиотекарше о цели визита.

– Еще бы! Конечно, милая Елена Александровна, – вскричала я, с эхом. – Да мы вам просто завидуем...

Вырвала из ее рук тяжесть, потащила к выходу.

– А вот это лишнее, – сказала библиотекарша сухо. – Не обольщайтесь. Все сложно. Вот сюда, левее, – она отцентровала пустое корыто, ориентируясь по каменным квадратам пола. – Мы все тут немного того... служители культа (она ухмыльнулась). Помешанные. Но в хорошем смысле! Даже Валера...

Про «даже Валеру» я, кстати, и сама уже догадалась...

В Ротонде стоял полумрак. Темнело прямо на глазах. Елена Александровна посветила в купель телефоном, потом навела его в туманность купола; сверкнула капля.

– Когда завертелась вся эта история с музеем, с наследием Львова, с наследниками... – я вам так скажу – хлопот и обязанностей у меня сильно прибавилось. Но и смысла! Вот вы меня защищаете, жалеете... с этим... послушанием (библиотекарша мотнула головой в сторону купели). А я радуюсь дождливым дням... Повод прийти сюда лишний раз, – Елена Александровна покраснела, это было заметно даже в сумерках.

У меня загудело в кармане. Галка.

– Ты где? Потеряли тебя.

– Скорбунд, – ответила я. Совсем стемнело. Елена Александровна помахивала связкой ключей. С сочным звуком в купель упала новая капля. Если дождь не перестанет – во сколько же ей нужно прийти сюда в следующий раз?

– Я вставила вас в свой рассказ, вы не против? – сказала я неожиданно для себя, совершенно не собиравшись с ней это обсуждать. – Как-то так само получилось... Но никакого вымысла, только факты...

– Это синдром Никольского-Черенциц, – нисколько не удивилась Елена Александровна. Я выпучила глаза. – Только пришлите, когда напечатаете, хорошо? В библиотеке действует постоянная выставка публикаций. О нас.

По ритму, по томному отпускному настрою в сюжет упорно просилась эротическая сцена. Деревенская комнатка с кроватью из ИКЕА, с лезущими в окна возбужденными грушами, располагала и намекала.

...Как и вся, в целом, Тверская область. Эротических сюжетов на Тверской земле разворачивалось немало. Берново, Старица, Торопец! Осташков и его окрестности! Собственно Тверь. Чудесный Торжок-пирожок, уже упоминавшийся в этом контексте. Не забыть отвратительную историю, случившуюся на озере близ атомного городка Удомля... По степени гадостности она сопоставима с эпизодом на Лисьей горе, в Балашихе.

В этой Удомле, фигурально говоря, нас отымели...

Может, расскажу попозже, сейчас не то настроение.

Слишком хорошее...

Но вот, например. Лет сто пятьдесят назад на другом озере, сейчас знаменитом, политически окрашенном, тогда еще нет, неподалёку отсюда – случился яркий эпизод сексуально-романтической направленности.

Вкратце, компания приехала отдохнуть. Две молодые пары и две их подружки, оставившие в Москве одна бойфренда, другая трехлетнюю дочку. Приехали на довольно-таки известную турбазу, располагавшуюся на месте старинной усадьбы. Барский дом сохранился, большой и величавый, но внутри он был мелко наструган на номерной фонд. Сбоку высилась котельная, терялись в зелени столовая, одноэтажные корпуса, крашенные голубой краской, низкое зданье клуба. Из хорошего имелась пристань с лодочной станцией и дощатое кафе с пивом и пиццей, по вечерам здесь иногда танцевали.

Компании повезло – они сняли целиком дом директора турбазы, Саныча. Дом был большой, только что построенный, он девственно пах свежим деревом, стружкой, доской; здесь еще никто не жил. В отличие от главного корпуса, он не был нарезан на комнаты. То есть на втором этаже комната имелась всего одна, большущая, светлая и веселая. Настоящий деревянный зал, без мебели, по периметру они и разлеглись; одеяла, белье и матрасы им выделил Саныч из фондов турбазы.

То ли это молодость, но прикольно было жить коммуной, есть коммуной, спать коммуной; совершенно не мешало, наоборот. Вечерами читали вслух Тэффи, болтали, ржали, пока не скашивало сном.

Ранним утром сквозь Санычев двор, не имевший еще забора, проходило стадо. В их сон врывались, но не будили, разноголосое мычание, жестяное бряканье ботал, шумные ниагары, когда кто-то из коров оправлялся у самого сруба.

Все хорошо в коммунальном житье, только вот заниматься сексом не было никакой возможности. У одной пары, – вторая спокойно трахалась каждую ночь, и никто об этом не знал (выяснилось много позже). Другая пара была щепетильная, с понятиями, боялась помешать соседям, или что помешают ей. Таким образом, молодая горячая, со здоровым сексуальным аппетитом парочка обрекла себя на полторы недели поста и вскоре озверела, до воя.

Эти двое не придумали ничего лучше, чем уплыть на безлюдный остров, в часе от турбазы, чтобы там заняться сексом в спокойной обстановке. Уплыть, конечно, на лодке. Маленький, заросший соснами лобастый островок имел даже туристическую инфраструктуру в виде дощатого стола, пары скамеек и костровища; еще там был песчаный пляж в форме полумесяца. Изредка здесь останавливались на дневку байдарочники, палатки было видно издали, что означало, остров занят, никто уже больше не лез.

И вот влюбленные покидали в рюкзачок все, что могло бы пригодиться двоим любовникам, уплывающим на остров. За ними было простодушно увязалась подруга, но они, в аффекте побега, отшили ее почти грубо, а вечером подлизывались, извинялись.

Никогда еще молодой мужчина не греб с такой скоростью. Весла мелькали, лодка неслась, от влюбленного валил пар. Наверное, он поставил мировой рекорд по гребле на раздолбанных яликах. Его подруга помогала, но не попадала в такт, и возлюбленный приказал ей сложить весла. Толку от девушки было мало, к тому же у нее перехватывало

дыхание от зрелища ходящих ходуном напряженных предплечий, от всей этой возвратно-поступательной механики. Поперечная волна могла бы стать препятствием, но молодой мужчина преодолел ее легко, демонстрируя хорошую физическую подготовку и твердость намерений.

Наконец лодка ткнулась носом в берег. Торопясь, они примотали ее к нависшей над водой елке. Остров оказался не занят; гипотетически они могли застать на Буяне водников-туристов, так что им повезло.

Она просто задыхалась от нетерпения, он был сдержанней. Все случилось как буря, как в кино, со сдиранием немногочисленных одежд. С каплями пота, разлетающимися в рапиде, – день выдался жаркий. Они приспособили для своих нужд конструкцию деревянного стола с хлипкими скамейками в одну доску. Муза вождения, помогающая любовникам, позаботилась не только о накале, но и об удобстве...

Влюбленная потом долго не могла навести фокус, в глазах двоилось и туманилось; не очень слушались ноги. Ее друг часто дышал, будто секс на острове стал кульминацией грёбного подвига. С той только разницей, что предстояло еще плыть назад...

Первое, что увидела молодая женщина, когда к ней наконец вернулось зрение, был белый гриб-подросток, прячущийся в траве под ближайшей сосной. Она повела взглядом и увидела еще грибы. Любовное наваждение отпустило ее совсем. Остров зарос грибами, торчали повсюду, это было какое-то грибное бешенство, и в результате они набрали полный рюкзак отборных белых и подосиновиков.

Влюбленная еще подумала, что было бы, если б она увидела грибы ДО, а не ПОСЛЕ... Изменило ли это характер и темп сцены? Она вспомнила опубликованные где-то результаты наблюдений за кошками, это был научный эксперимент. Когда спаривающиеся животные видели мышь, кот ее игнорировал и продолжал свое дело, а кошка бросалась ловить добычу.

М-да, непонятно только, как кот сможет продолжить, если кошка убежит?

Но важна суть, психология.

...Они искупались на пляже-месяце; парень не отказал в себе в заплыве, быстро превратившись в точку. Влюбленная валялась на рыжем песке, послеживая за этой точкой, как рыбак за поплавком, и удивлялась спортивной неукротимости своего друга. Снова подвиг? Ее тело не требовало ничего подобного, только лежать, растекаться, медленно таять.

Назад плыли уже не торопясь, прикладываясь к бутылке белого; она-то и составляла основную тяжесть рюкзака, сейчас доверху наполненного грибами. Хорошо, что на большой воде не было озерной полиции, которая могла остановить транспортное средство и заставить водителя дышать в трубку. К тому же трафик на озере был невелик, только иногда в поле зрения попадали лодочки и, совсем редко, кавалькада байдарок.

Греб снова он, она чертила рукой по воде и горланила песни (шас спою!) из «Бременских музыкантов» и «Приключений Электроника».

Парочка поспела аккурат к ужину. Их встретили, обрадовались грибам, усадили. Ничего не спрашивая, наполнили тарелки, заботливо налили. Любовники сели по обе стороны от обиженной ими подруги, ластились, прижимались, она дергала плечом, фыркала, но простила.

Улицу Казакова я знала как облупленную. Яичный образ будет тут в самый раз, почти первое, что видит человек, выбравшийся из кишки метро, вслед за всегдашней толчеей при выходе из нее, – огромные удивительно кривые шары, украшающие здание института Землеустройства, в народе Землеройки, в количестве двух.

Одно время мне часто приходилось ходить мимо них, по дороге в дружественную мастерскую на Старой Басманной. Даже не мимо, а прямо под ними, всегда облупленными, я помню то розовое, то зеленое под грязно-белыми завернувшимися струпами краски.

Улица Казакова хорошая улица, мне нравится, как она вытекает, будто сливается по нескольким притокам из вокзала и Садового кольца. Импонирует, что она извитая, с перепадом высот. Тихая и шумная в разных своих местах, привокзальная и студенческая улица Казакова; я рада была снова здесь оказаться.

Именно на эту прекрасно знакомую мне улицу собрался вести нас субботним утром экскурсовод Саша. Московский след Львова, манил Саша, блестя очками и милыми добрыми зубами. Его девушка, хипстерша в очках с очень крупными зубами, все время широко улыбалась. Вы – тоже историк? – со сложной смесью снисходительности и суровой приветливости спросила ее Галка. Мы как-то не ожидали увидеть третьих лиц, нам все казалось, мы расследуем тайну, а тут неведома девица, долговязая юница в очках с широченным смайлом.

– Не угадали, – еще шире улыбнулась эта Агата. – Я программист! Айтишник.

Тут мы все, и Галя в первую очередь, сбавили гонор, с нашими-то творческими специальностями. Профессия Сашиной подружки означала, что она в ладах с математикой и что она хорошо зарабатывает своими молодыми умными мозгами. Мы не могли похвастаться ни тем, ни другим (мозги, заработки). Ни, кстати уж, особой молодостью, но это наименее обидное...

Встреча была назначена в метро, под Каменным цветком. Понадобилось минут двадцать, чтобы подтянулись все участники L-Project.

Саша, новый знакомый из Черенциц, назначил нам свидание на субботу, на десять утра. Почему так рано, завопили мы про себя, а Галка вслух, она раньше трех не ложится. Но у востребованного Саши был плотный график, так что мы проглотили эти десять ноль-ноль и явились на встречу как миленькие. Еще спасибо, что согласился. И оказывал, можно сказать, всяческое содействие. Видать, мы угодили Саше в какую-то важную точку.

Точку J. Или L.

А может, просто понравились ему чисто по-человечески, подумала я и посмотрелась в черное зеркало своего Хуавей Редми.

Все были в сборе, кроме Марка. Включая, неожиданно, эту незнакомую нам Агату, девушку Саши. Зачем программисту Агате в субботу ранним утром куда-то переться?

А ей, оказывается, интересно!

Это аргумент...

Вот теперь и наша компания в роли живой клумбы, подумала я, когда мы всемером повернули головы в сторону Марка, всплывающего на эскалаторе в вестибюль и зону видимости.

Экскурсанты, даже смешно...

Почему Саша согласился делиться с нами информацией? (Ну, если совсем грубо, схематично.)

Может, мы шайка проходимцев с этюдниками?

Или прямые конкуренты, банда доморощенных экскурсоводов.

Почему?

Обаяние. Полагаю, все дело в нем...

Обаяние компании, горящей идеей-фикс.

Недлинной вереницей мы шли по улице Казакова. Саша шагал впереди, решительный, как Петр I с известного рисунка Бенуа, только невысокий и с бородой.

Мы многозначительно переглянулись, минуя Гоголь-центр. Оставили за левым плечом квадратные яйца института землеустройства. Справа началась и долго-долго тянулась заповедная территория усадьбы.

Показались ворота, закрытые шлагбаумом, и будка охранников. Саша остановил нас властным жестом, а сам бесстрашно направился к людям в черном.

Мы с волнением смотрели, как четверка охранников, все как на подбор спортивного телосложения, загорелые и светлоглазые, окружили небольшого Сашу. Он говорил, жестикулировал, они смотрели прозрачными глазами. Один из них позвонил, покивал.

Саша помахал нам, и мы поспешили за нашим Вергилием.

В воротах, на краю миров, красивый охранник пересчитал нас взглядом.

...А вслед нам смотрела церковь Вознесения Господня на Гороховом поле, построенная Матвеем Казаковым.

В возбужденном молчании мы прошли метров двести и встали, где велел наш начальник, аккуратным полукругом.

– Мы с вами находимся на землях министерства физкультуры и спорта, – сказал Саша торжественно.

Про министерство мы знали и без него...

Не знали про земли, что их столько.

За спиной Саши расстиралось огромное, преувеличенного размера футбольное поле с травой, стриженной ежиком. Казалось, этих мягких изумрудов никогда не касалась нога футболиста, только бережный триммер садовника. Который закончил стричь и причесывать травку за полчаса до нашего прихода...

Станный мир, в который мы выпали с понятной и вполне себе каменной улицы Казакова, за полем не заканчивался. Там шумел лес, за ним текла невидимая Яуза.

...Неясно, как в центре Москвы могло безнаказанно существовать такое огромное незастроенное зеленое пятно. Как вообще оно тут умещалось? Или – действовал какой-то пространственный трюк...

– А теперь, – произнес наш экскурсовод, – повернитесь, пожалуйста.

Как подсолнухи, мы повернули головы, а затем и тела. Мы стояли аккурат напротив фасада. Здание цвета костромского сыра предстало пред нами во всей красе. Лестница парадного входа упругим зигзагом вытекала навстречу, спускаясь с двух сторон. Полукруглый балкон поддерживали две пары сахарных колонн. Здание круглилось и расходилось двумя длинными крыльями.

– Львов? – страстно прорычала Галина.

– Достоверных сведений, что авторство проекта принадлежит именно Львову, – медленно заговорил Саша, – нет. Есть предположение... Но совершенно точно известно, что строительные работы возглавлял Адам Менелас, шотландский... ну, он даже не архитектор, скорей, производитель работ. Прораб. Высококласный каменщик. Мастер сводов... Краеугольный камень и все такое. Вы понимаете, да? (Саша сделал многозначительную паузу и оглядел нас из-под челки). Так вот. В тот период, когда здание строилось, – Менелас работал под началом Львова. Был прикреплен к нему, как прораб к ГАПу. То, что работы производились Менеласом, с очень высокой степенью вероятности указывает на авторство Николая Александровича.

– Шотландец? Как Камерон? – уточнила умная Галина.

– Вы совершенно правы. Именно благодаря Чарльзу Камерону Менелас и оказался в России. Был спрос на специалистов из Шотландии... Считалось, хорошие. В качестве каменщика он попал под начало ко Львову. А теперь вслушайтесь в список компетенций этого самого Адама. (Саша почему-то не скрывал своей неприязни к шотландцу.) Ничего не напоминает? Специалист по добыче угля. В России тогда топили чем? Правильно, дровами, сводили драгоценные леса. А Львов, все это знают, носился с идеей добычи и использования каменного угля в качестве топлива. Он и погорел на этом угле, в результате... Как Джордано Бруно. Но вернемся к Адаму. Спец по садам и паркам, два. По гидростроению... Трудно сказать, сложился этот круг интересов в таком виде до знакомства со Львовым или

оформился уже впоследствии, в результате общения и сотрудничества. Считается, Менелас входил в дружеский кружок Николая Александровича, а это, поверьте, очень круто... Подолгу бывал в Черенчицах (сердце востребовалось, запело синицей). Принимал участие в строительстве усадьбы Львова. Чувствуете степень доверия? Близость почти интимная! Менелас участвовал, это совершенно точно, в строительстве усадьбы в Митино, соборов в Торжке и Могилеве. Вот повезло парню с учителем! Более того, Менелас преподавал в землебитной академии, задуманной и созданной Львовым. То есть, считай, друг и соратник. (Саша изобразил на лице сомнение.) Или – умный, предприимчивый, дальновидный человек, делающий карьеру в России? Хитрый. Когда это стало возможным, отодвинувший учителя. Совершенно больного... Хотя, возможно, я накручиваю...

Саша тяжело вздохнул, перевел дыхание.

– Менелас везде называется строителем здания на Гороховом поле, но не автором проекта. Есть упоминания «архитектора, под распоряжением которого то строение производилось» и который не мог свидетельствовать «по болезни». В другом документе снова упоминается о «заболевании» архитектора. Как раз в это время Львов перенес тяжелую болезнь, чуть не отправился на тот свет, очень трудно поправлялся. И все это на фоне ужасных неприятностей, на него Обольянинов пошел войной... Так вот, в означенный период Львов жил под Москвой, на Тюфилевой даче, где был московский филиал землебитной школы и дом, построенный им для себя же, по служебной надобности. Менелас в то время жил у него в Тюфилеях... Все сходится!

Саша утер лицо платком. Начинало припекать, плюс очень много растительности на лице.

– Но, скорее всего, я его демонизирую, этого Адама. Не обращайте внимание. Менелас темноватая фигура. Возможно, я не прав, и он был предан Николаю Александровичу до мозга костей. Простите, в горле пересохло.

Саша вытащил из рюкзака пластиковую бутылку воды и ополовинил ее одним глотком.

– Знаете, существует мнение, что усадьба Разумовского на Гороховом поле сладковата для Львова... Пышновата. Крупновата. Да, есть и такой момент! Но я отчетливо вижу здесь приметы присутствия Николая Александровича. Прямые указания. Переключки... Вот сейчас ровно перед нами центральная группа – обратите внимание – полуротонда с парными колонками и балконом сверху. Вы ведь видели изображения главного дома в Митино? Не могли не видеть... Усадьба в Митино, конечно, просто деревенская крошка против этого сооружения. Другой размах, совершенно другие задачи. Но полуротонда на фасаде – родная сестрица этой. Ну согласитесь же? Так, а теперь вспомните Введенское. Центральная группа на фасаде очень похожа, хотя другое распределение объемов. Опять полуротонда, и очень похоже организованы лестницы. Как хотите, он точно приложил руку к дворцу Разумовского. Лично я в этом уверен на сто процентов! А самостоятельные работы Менеласа – уже после ухода Николая Александровича в мир иной – совершенно, совершенно другой стиль и почерк! Да возьмите хотя бы дворец того же Разумовского в Батурине!.. Этот огромный, простите меня, конечно, чемодан с колоннами.

Все полезли в смартфоны искать дворец Разумовского в Батурине.
Я смотрела на Сашу.

– Саша, а вы не хотите коньяку? – спросила я. – Мне кажется, вы взволнованы. Мы ведь тоже разнервничались, правда? – обернулась я к остальным участникам экспедиции.

Они оторвались от телефонов и дружно закивали. В том числе Сашина Агата.

– Да, хочу, – сказал наш экскурсовод устало и обреченно. – Пойдемте, здесь недалеко есть беседка...

«Ротонда» выстрелила.

Думала ли я, что это так мало меня обрадует?

Хотя...

Случай почти беспрецедентный. Рассказу в электронном литературном журнале посвятили статью. Не роману, не повести, – рассказу! Опубликованному даже не в старике-толстяке, а в одном из электронных литературных журналов, тьфу, который и бумажной версии-то не имеет...

Когда я науглила этот текст (Ротонда Рождествин), чуть со стула не упала. Конечно, я бы хотела, чтоб проницательный критик заметил, что с текстом что-то не так. Что интересно было бы предположить литературную мистификацию, каковой жанр сейчас переживает новый подъем. Тем более, автор «Ротонды» неизвестен и нов, тогда как текст сигнализирует об опытности и искушенности его создателя...

Все это придумалось в моей голове, пока я открывала ссылку. Хотелось хоть какой-то сатисфакции.

Критическая статья изрядного размера была посвящена другим вопросам и аспектам. То есть абсолютно.

Увы, в данном случае.

В статье отмечалось, что автору удалось развернуть свежую, живую интригу вокруг событий более чем двухстолетней давности, завязанной к тому же на архитектуре. Критику понравилось, как в «Ротонде» обошлись с исторической основой, хирургической ниткой (рассасывающейся) сшив ее с современностью. Автор статьи отметила (-а, критик был(-а) женщина) прыжки во времени, изящную игру в детектив, обманки, капканы, разложенные в ткани повествования. Легкость, разговорность текста, даже некоторая его легкомысленность, поддержала критик, в сочетании с фактурой и страстями времен эпохи Просвещения дают неожиданный эффект. Он (она) сравнил(-а) это с пушечным выстрелом и контузией.

Да? Каково мне было это читать?

До кучи, статья кокетливо называлась «Ро-Ре»: Ротонда Рождествина. В этом мало того что содержалось, но еще и закреплялось обидное для меня утверждение четы Рождествовских, Евгения и Евгении, в качестве автора.

Главное, изменен был сам замысел, гипотеза, которую я ловила, как ящерицу на горячем камне валунного моста...

В тот день в Василево.

Примерно год назад, шестнадцатого июля.

И я ее поймала! Сухая и теплая, ящерка недолго возилась у меня в кулаке. Я выпустила узницу в окошко свернутого улиткой указательного пальца. Изумленно оглянувшись, ящерка растворилась в моховых складках моста.

Хотя, по-хорошему, могла бы предложить мне исполнить три желания...

16 июля в Черенчицах вырубили электричество, утро сразу перестало быть томным. Плита чернела холодными кругляшами конфорок. Безмолвствовали холодильник и электрочайник. Не было света в туалете и особенно в душе, который по разнузданной

столичной привычке мы с утра надолго оккупировали, создавая маленькую понимающую очередь. Судя по зарядке телефона и ноута, электричество отключили еще ночью.

Мы позвонили Елене Александровне.

– Авария на подстанции! – сказала библиотекарша бодрым голосом. – Обычное дело... Обещали дать к 18.00, но мало ли что они обещают... Все без света сидят, Арпачево, Фомино, Осипово, Горожино. Мы с мужем сегодня на огороде. Все равно компьютер не работает, на работе без света тоже делать нечего, – и я поняла причину ее хорошего настроения.

Мы-то как раз приуныли, но Марк сказал:

– Сегодня у нас что? Среда! Едем в Василево, это другой район. Тогда в дождь ничего толком не увидели.

На остатках интернета он связался с заповедником Василево, убедился, что там все в порядке и по графику. Мы позавтракали хлебом, сыром и кипяченой водой, покрепче запеленали пельмени в газеты и сунули их поглубже в начавшую плакать морозилку.

Когда мы выдвинулись, не было еще и десяти.

В дороге по очереди заряжали от аккумулятора севшие телефоны, потому особо не торопились. Мой неновый Редми насосал двадцать пять процентов. Это часа на два при самом удачном раскладе.

Свернули с дороги к стоянке, и сердце у меня упало. На парковке стояло пять машин, четыре из них были съемочные гримвагены.

Налетели, черны вороны...

Мефистопродакшн, сияло у них на боках.

– Не понос, так золотуха, – расстроился Марк. – В Черенчицах нет электричества, а здесь его будет слишком много. Главное, чтоб на Мосту не снимали...

Но все прекрасно понимали, что снимать будут именно на Мосту.

Билетерша подтвердила наши опасения.

– Кино снимают, на Мосту, – сказала она смущенно, выдавая нам тонкие бумажки билетов, – или передачу, я так и не поняла.

Мы тяжело вздохнули, чтобы зародить у бедной женщины чувство вины.

– Телевизионщики зачастили в последнее время... Скорей всего, на весь день. Ну а что я могу сделать... У них разрешение. Заранее звонили, предупреждали.

– А электричество? – спросила я с напором, представив все прожектора и софиты. Кто о чем, а вшивый о бане. – У нас в Черенчицах до вечера не будет...

– Так они со своим генератором приехали. Размером с мою будку, – вздохнула женщина и потеряла лоб. – С фонарями, с ящиками...

– Вы за нас, пожалуйста, не переживайте, – растрогалась ее огорчением, смягчила ситуацию добрая Ася. – Мы сумеем получить удовольствие. У вас и кроме Моста много чего интересного.

– К тому же мы бывали здесь много раз! – приврала я от щедрот. – Скажите, а можно у вас телефончик поставить на зарядку?

На Мосту было черно от людей, экранов, софитов. Какой бы еще сельский мост такое выдержал, только валунный, подумала я. Другой бы провалился, к чертям...

Но кому он нужен, другой?

От черной группы на Мосту отделилась и пошла нам наперерез симпатичная совсем молодая девчонка с синими волосами, в черном. Алефтина, администратор съемочной группы, значилось на бейджике.

Алефтина же через «в» пишется, подумала я...

У Алефтины были красиво подкачанные стройные руки, она раскинула их широко, будто хотела обнять всю нашу компанию.

— Друзья! Друзья! Доброе утро! — запела синеволодая красивым низким голосом. Она едва заметно картавила, я прямо слабею от небольших дефектов речи, в смысле, млею. — Знаю-знаю, вы с билетами и в своем праве! Мы старались начать пораньше... Для нас одиннадцать утра — это вообще еще ночь. А вы ранние пташки...

Мы мрачно молчали.

— ...Нам нужно поснимать Мост. Это буквально два часа! Хорошо, три, а потом он ваш. Уж-жасно неудобно! Я знаю, знаю! Вы ехали, специально, выбирали день, а тут мы. Хочу попробовать вас — подкупить! Задобрить. Я вижу, вы... — она просканировала нас взглядом — интеллигентные, культурные люди. Бутылочка борделло... вас... так... шестеро... две! Две бутылки борделло 2010 года. О, вы не разочаруетесь! Уверена, у настоящих культурных туристов найдется чем закусить. Здесь есть где притулиться. В тени ив. Пикник, так сказать, на обочине. Или вы захотите оставить на вечер? Придержать... Отпраздновать... что б вам такое отпраздновать? Уверена, повод найдется. У таких симпатичных ребят.

Я не поняла, как ей это удалось. Заговоренные сине vlasой сиреной, зачарованные, с двумя бутылками наперевес, мы безмятежно пошли прочь. Отметив, зафиксировав, впрочем, время.

И помня про три часа.

Перед тем как отпустить, точнее, спровадить, Алефтина перецеловала нас всех по одному. Видимо, от избытка чувств, или тронутая нашей покладистостью.

Или это какое-то киношное энэпхи...

Никто не возражал.

— А что снимаете-то? — спросил напоследок Марк с безумной улыбкой и бутылкой в руке.

— Мини-сериал! Для платформы more.tv.

— Неужели снова Мост?

Алефтина заржала басом. Хохоча, она перевернула папку, которую прижимала к впалому животу.

КАМЕНЩИКИ, прочитали мы.

— Название аааапсолютно рабочее, — Алефтина смеялась с удовольствием, позволяя обозреть свой красивый рот. На верхнем правом резце сверкал крошечный полумесяц.

Выпивать в Василево мы, конечно, не стали, это было бы подло по отношению к водителю. И как-то не тянуло, с утра. Учитывая холодный скудный завтрак...

Но запасы борделло и коварная Алефтина вырубили в нас поисково-туристический настрой, мы сдулись. Ушли в сторону от образцов деревянного зодчества и завалились на лужайке. Валялись в клевере. Смотрели сначала в гаснущие телефоны, потом просто в небо. Внезапно выключенные из сети, выбитые из плана, мы выпали, вообще, отовсюду. Из колеи арт-марафона. Из бешеной московской гонки, которую в Черенчицах возгоняли в жадное рисование и письмо...

Взамен – просто бездействие, пустота, никак и ничем не окрашенная праздность. Синеволосая Алефтина подарила нам три часа аппсолютной, дистиллированной свободы. И две бутылки превосходного красного вина, но это на вечер.

Когда мы очнулись, было начало четвертого. На щеке Марка отпечатался листик клевера. Ася массажной щеткой вычесывала из волос муравьев. Я крутила руками, разминала затекшие плечи, остальные ходили с очумелым видом, щурились, моргали. Галя, как всегда, что-то снимала, она была с камерой и не зависела от розеток...

На Мосту не было никого. Только тесно сбитые валуны и зашпаклеванное мхом пространство между ними. Киношники не оставили после себя следов. Я искала взглядом хотя бы окурков: ни-че-го. Странно, учитывая, что их было человек пятнадцать. Супердисциплина, или позаботилась умная собранная Алефтина... Нагота, пустота Моста сама по себе уже шокировала: я была уверена, что киношники застрянут здесь до вечера.

Чудо-Алефтина сдержала свое честное администраторское.

...Настолько никого, что внезапно обострившимся зрением я увидела неподвижную ящерку, греющуюся на каменном зубце. Серенькая, среднего размера, с ажурным бельевым рисунком. Вид у нее был вполне околдованный. Видать, с ящеркой Алефтина тоже как-то договорилась. Только не как с нами, чтоб сгнули, исчезли с глаз долой, а наоборот, чтобы побыла, посуществовала, эффектная, в кадре.

На остатках плавности, травяного сна, держа тень на отлете, я приблизилась. Накрыла ладонью маленькое сухое тельце. Ящерка сначала крутилась у меня в кулаке, потом затихла.

Поймать ящерицу – стать супергероем. Который, по обстоятельствам, дышит огнем, или двигает взглядом предметы, или повелевает земноводными. Может взять и вытянуть руку на нужную длину, как Балбес в «Кавказской пленнице»...

Теперь я смогу все, подумала я. После ящерки.

Наверное, это могущественная Хозяйка Чертова Моста, сущность которой упакована в маленькое чешуйчатое тельце. Я напишу гениальную книгу, я прославолюсь, жизнь моя будет яркой (она уже яркая), интересной (уже), разбогатею (да-да!) и помогу всем хорошим людям, нуждающимся в помощи.

– Что с рукой? – Галка смотрела на мой кулак, поджав губы. – Ушиблась?

– Я. Поймала. Ящерицу. – сказала я севшим голосом. – Первый раз в жизни.

– И что? – не удивилась Галя. Ей, с орлиным зрением, было меня не понять. – Сдашь в живой уголок?

– Отпущу, конечно...

Я посмотрела в темноту между пальцами, притихшая ящерка никак себя не обнаруживала. Наверное, сжав кулак посильней, я бы могла ее убить. Придушить, покалечить, но зачем мне дохлая ящерица.

На краю Моста я выбрала самый красивый валун. Мох горел зеленым бархатом. Расширила окошко пальцев. Ящерица не шла. Я открыла руку. Зверь сидел на ладони миниатюрным изваянием и не шевелился. Кажется, ящерка впала в транс. Я бережно стряхнула ящерицу на мох, она утвердилась на лапах и хвосте и снова замерла.

– Хорошая, – похвалила Галина. – Ты ее часом не помяла? – она потянулась к головке, на которой не хватало короны.

Ящерица очнулась и исчезла молниеносно.

– Эх, – расстроилась Галка, – а я хотела сфотографировать...

Тут, как по волшебству, по внезапно закончившемуся волшебству, Мост заполнился людьми. Воздух вскипел голосами, ожили под ногами валуны. Привалило человек двадцать в шортах, похуже, чем киношники. Туристическое воинство ощерилось селфи-палками, несколько человек к тому же было с палками скандинавскими. В стороне обнаружилась их в модных очках предводительница, она переживала вспышку фото-бешенства и, видимо, считала до ста.

Мост стоял невозмутимый, красивый, мускулистый. И перестоит нас всех вместе взятых, подумала я.

– Ну а мы, пожалуй, пойдем, – подмигнул нам Марк и потряс над головой булькнувшим пакетом. Глаза его блестели, щеки горели, он выглядел захмелевшим. – Интересно, дали уже электричество?

Мы вернулись в жаркую позднейюльскую Москву, где уже начала поджариваться листва. Асфальт выглядел полинявшим, выгоревшим, а вот плитка держала марку. Только великое офисное сидение в бодрящей смеси целей, задач и кондиционированного воздуха могло спасти мозг от закипания.

Но я не ходила в офис.

Из всей нашей компании один Марк работал присутственно и строго, руководил КБ. Все серьезно.

Но. На что не люблю лето в городе, я без уныния и оскомины прожила почти две недели на дрожжах нашего Черенчицкого выезда. Ротонда (место, постройка) светила мне мягким разреженным светом, обдавала прохладой, выравнивала фон.

Был еще маленький сюжет, интермедия. Не доезжая до Москвы, мы сделали, по настоянию Аси и Марка, ягодный крюк. Заехали к ним на дачу, недалеко от Боблово, помочь с урожаем. С ночевкой.

Кусты смородины стояли отягченные, гнулись к земле ветки. Готовые лопнуть ягоды горели у самой земли. Черная смородина была крепче, но и она посмурнела и требовала снять урожай.

Стопка легких пластмассовых ведер, и вперед. Мы разошлись по кустам. Собранные ягоды, будто они скапливались не в ведрах, а в головах, вытесняли оттуда впечатления последней недели.

По опыту ягодничества, я знала, что мне будет сегодня сниться...

Мы отлучились пообедать, часто приносили к большой коробке, практически кулеру, с белым вином, взбаламучивая его минералкой.

Кусты медленно пустели, поднимали ветви; ведра наполнялись. Это была абсолютная медитация, мне заранее было немного жаль, что занятие скоро себя исчерпает.

Последний куст был такой плодоносный, такой тяжкий, обремененный, что в памяти всплыли муки и побочки грудного вскармливания (ГВ). Горячие новости о собственном теле,

и без того ошарашенном, болезном, раскаленную грудь с красным пятном, тревогу, температуру, младенца, не могущего прорвать молочную осаду.

Приезжающую по вызову специальную женщину: она расцеживает тяжелые случаи, за приличный гонорар.

Редкая профессия.

Я бросилась спасать куст, доить его. Ты ж моя хорошая, говорила я смородине, обирая ягоды бережно, с женской солидарностью на кончиках пальцев, сейчас я помогу, станет легче.

Не знаю, о чем думали мужчины, но и они предавались сбору ягод с молчаливой готовностью, оба, правда, были в наушниках.

Еще даже не начало темнеть, а битва за урожай увенчалась победой. Кусты стояли худенькие и счастливые, а мы пьяные, полулежали за столом и ели макароны, Ася сделала на скорую руку импровизированную болоньезе по-флотски и гигантский салат из чего попало, включая смородину обоих цветов.

Только у Мити, не имевшего аккаунта в Инстаграме и вообще нигде, не появились в ленте фото ведер со смородиной и себя на фоне ведер. Остаток вечера наряжались, прихорашивались, фотографировались.

Смородину с собой заберете, предупредил Марк, куда нам столько. Все крикнули, задумались, а я обрадовалась, радуясь новой срочной задаче недуховного свойства...

– А крутое у вас хозяйство, – я взяла Марка под руку. – Ухоженное такое... Все растет, плодоносит. Когда вы вообще успеваете?

– Смородину еще родители сажали. И яблони со сливами. Я только немного модернизировал, рассадил там... Туи заказали в питомнике, люблю хвойные. И с ними возни мало. Можжевельники выкопал в лесу, проредил, они там все равно загнутся, и пересадил к нам. Все, весь уход.

– А откуда ты это умеешь? Столичный житель. Не знала, что ты садовод. Как Чехов.

– Как Львов, – Марк улыбнулся широчайше, как чеширский кот, но не исчез, остался при улыбке. – В Черенчицах тоже было что-то вроде питомника.

– ...и дом такой красивый.ж

– Еще родительский. Они сейчас редко приезжают, им тяжело. Я его немного реконструировал, сделал пристройку. Обшил. Крышу перестелил в прошлом году.

– Красивенькая. Это...?

– Искусственная черепица. Кстати. Про каменный картон, ты, конечно, уже прочитала?

Я отрицательно поводила головой и подлила себе вина, ради которого, собственно, и отлучилась от ягодных работ.

– Еще одно изобретение разностороннего Николай Александровича. Прототип нынешнего рубероида. Открыт, ориентировочно, в процессе строительства Приоратского дворца. Под актуальный запрос.

Хорошо представляя себе Приоратский дворец и его устройство по свежим впечатлениям, я приосанилась.

– Как архитектора и гражданина, его мучил кровельный вопрос, – продолжил Марк, – Чем крыть? Чтоб надолго... Приоратскому дворцу, ты же знаешь, он давал гарантию пятьдесят лет, а тот стоит уже больше двухсот. Перенес бомбежки в окрестностях Гатчины,

выстоял. Хотя, вроде, домик из землицы. Так вот, крыша. Черепица дорога и опасна, может слететь и убить не хуже пушечного ядра... Дерево гниет и горит, свинец дорог, железо ржавеет, это практически цитата. И Львов под это дело изобрел, считай, один из первых композитных материалов, каменный картон. Тряпичная бумага, пропитанная квасцами и истолченная вместе с глиняной или каменной крошкой. Формуется, застывает и становится чем-то вроде... думай... на что похоже? Ну, мокрая толченая бумага?

– Папье-маше!

– Точно. Каменное прочное папье-маше. Или толь. Ну не гений?

– Да, гений, гений, – я грустно допила свое вино. – Знаешь, столько же восхищаюсь, сколько и печалюсь (язык заплетался). Львов так много успел, он удивительно потратил свою короткую жизнь. Я офигеваю... И семья ведь прекрасная... А мы? А я? Нет, ты-то как раз молодец, со своей черепицей, со своей смородиной... Да, вот, кстати.

Марк тем временем аккуратно забрал у меня бокал, обнял и проводил к кусту.

Это был тот самый, тяжкий недоенный куст, я вспыхнула жалостью, и каменное папье-маше отпустило меня.

Вечером, уже в сумерках, мы пошли шляться по поселку. Разглядывали встречающиеся дома. Визуальный аттракцион, разгадывание домиков...

Постройки в поселке преобладали скромные, были среди них изящные, и с претензией, и смешноватые. Один (одно?) палаццо буквально распирает(-о) сдвоенный, но все равно маловатый ему участок. Были домик с пристанью, домик с мостиком и даже дом с чем-то вроде небольшой деревянной эстрады и тремя скамейками напротив.

Я вопросительно посмотрела на Марка, он пожал плечами.

К нам прибилась полненькая ухоженная собачка, белая с круглым рыжим пятном на правой лопатке. Собачка трусила рядом с выражением «я ваша», а нам что, не жалко, беспокоились только чтобы она не заблудилась и вернулась к хозяевам. Было приятно идти с воспитанной аккуратной собачкой у правой ноги, она корректно останавливалась там же где и мы, но довольно быстро просекла наш аттракцион, пару раз отбегала и звала негромким лаем, приглашая показать домики по собственному выбору.

Дачный поселок был окружен приличным хвойным лесом. Зимой в таком хорошо бегать на лыжах, осенью – собирать грибы, весной праздновать масленицу, летом – просто хорошо...

Нагулявшись до первой прохлады и легкой сонливости, мы брели дачной улицей к ним домой...

– Ёш твою медь! – воскликнула Галина. – Эт-та что еще за ужас?!

Между двумя вполне приличными домами показалось нечто, заставившее меня охнуть от неожиданности. Серо-черное бессмысленное уродище возвышалось над двухэтажными симпатичными коттеджами. Сооружение могло только условно считаться домом: рамы окон были закреплены прямо на глухой стене, почти не прочитывалась этажность, выпирал по бокам брус. Конструкция из серых досок, местами обгорелых, хаотично торчащих, казалось, не имела внутреннего пространства, не являясь, собственно, домом.

– Господи... что это?

– Здесь, – сказал Марк, понизив голос, – был нормальный дом, жила семья. Случился пожар, все погибли. Кроме мужа, хозяина. И он несколько лет на месте пожарища строил, возводил вот это. Видимо, сошел с ума... Никто ничего не знает.

Дом стоял между нарядных домов и скромных домиков мрачным памятником, кошмарной стелой. Никаким забором нельзя было укрыться от этого зрелища.

...Здесь можно было бы пофилософствовать о фатальности соседства. Как и родину, соседей не выбирают, а они живут и умирают или выживают из ума...

К счастью, наши друзья жили в нескольких улицах от этого невеселого места. Мы вернулись слегка подавленные, но быстро утешились чаем с коньяком и завалились спать.

Москва, жара, тщета всего сущего, подбирающаяся на сухих лапах хандра и пять ведер из-под шпатлевки, полных смородины. Они смирно стояли на балконе, а вот ждать не могли, в жару ягоды портятся.

Тут было важно правильно выставить настройки и получить максимальное удовольствие. Не мука, пытка, геморрой, а затяжная медитация.

Да еще и с наваром в виде будущей наливки, варений, животворящего красносмородинного желе.

Я готовилась, настраивалась полдня, зависая то в фейсбуке, то в инстаграме, а потом отключила интернет, телефон и началось великое ягодное состояние.

Дни утонули в сахаре, ягодах, пенках, музыке Каравайчука и Пендерецкого и собственном тексте, это были не худшие дни. В конце концов я переработала все, то есть абсолютно, ягоды, и дошлифовала «Ротонду».

Я сделалась пуста, как куст, и полна одновременно. Холодильник стоял забитый под завязку, чего я вообще-то не люблю, но здесь был особый случай.

Впервые за много месяцев не тянуло магнитом к ноутбуку – наоборот.

Я отмыла стол, пол, плиту от ягодных пятен, все было чисто, мирно, только в огромной кастрюле из нержавейки бледно розовел жмых. Выпотрошенная, выжатая, обескровленная красная смородина; мы были с ней чем-то похожи.

И хотя лучшие мировые хозяйки рекомендовали сделать из жмыха витаминный напиток или даже желе, я просто выгрузила содержимое кастрюли в помойное ведро.

Все. Достаточно.

...Что-то не сходилось у меня в этом 1803 году. Летом Львов отправился в экспедицию на юг: Кавказ, Таманский полуостров Крым, если по сегодняшней географии. Командировка, вообще говоря, козырной. Два в одном: решить некоторые (многие) государственные задачи и поправить здоровье на кавминводах.

Львов все осмотрел, проанализировал, предложил план действий.

Придумал и детально расписал проект ванн и общего устройства водолечебницы. Наверняка прикладывался к знаменитой уже тогда кисловодской водичке...

Правда, в следующем 1804 году случится эпидемия чумы, которая продлится до 1806, а после нее про изыскания, выводы и предложения Николая Александровича никто и не вспомнит. Почему-то забвение шло за ним по пятам, дышало в затылок. Уже при жизни Львова его проекты начали приписывать другим...

Архитектора это не тронет, не расстроит – в ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря 1803 года «гений вкуса» покинет бренный мир. В последние минуты рядом со Львовым неотлучно находится преданная Марья Алексеевна. Происходит это в Москве.

Но вот почему?

Удивительно, исследователи Львова бьются над датой его рождения, здесь и правда некоторая неразбериха, май или март. Но совершенно никак не комментируют его кончину вдали от дома. Почему помещик, семьянин, многодетный отец, летом управившийся с важным государственным заданием, в декабре встречает смерть не дома, в милом сердцу Никольском.

Или, на худой конец, в Санкт-Петербурге, где Львов гипотетически мог оказаться по делам, с высочайшим докладом об экспедиции, – а в Москве.

Кто-нибудь может мне ответить?

Позвонила Оля: громкий оживленный голос, фиоритур профессионального педагога, ласковое «Танечка».

– Слушай, ты же помнишь эпизод с вампирской фермой? В Повелково...

– Отож. Проволоне вспоминаю с нежностью. С маслицем внутри...

– Да. Все правильно, хорошие сыры. Место, правда, странноватое... А ты знаешь, что в сороковые годы девятнадцатого века Черенчицы были главным сырным местом Новоторжского уезда? Сыра продавали почти на 2000 рублей в год. Огромные деньги! Возили в обе столицы.

– ...

– Пишут, виноваты местные травы, какие-то особенно прекрасные. Ты же помнишь эти травы?

(Я хорошо помнила эти травы.)

– Имение досталось по наследству старшему сыну. Тоже гений вкуса...

– Да, типа того, – Оля хмыкнула. – Причем буквально. Леонид Николаевич Львов как раз и замутил сырное производство. Перенял от родителя хозяйственную жилку.. И предприимчивость.

– Предприимчивость?

– Да, Тань, именно! Ты не думала взглянуть на Львова с этой точки зрения?

Как велика и разнообразна Тверская земля... В Торжокском ее районе растут, как и двести лет назад, волшебные травы, а под Удомлей нас вы... отымели. Было это года четыре назад. Я обещала эротический эпизод, в кавычках, вот он.

В Удомле, атомном городке, чистеньком и относительно новеньком, вида сытого и благополучного, мы первым делом заехали в Чикен Хаус, местный тверской-областной не допущенный почему-то в Москву куриный фастфуд. Здесь мы и особенно сопутствующие нам подростки оторвались по полной, съели сколько влезло, а потом поехали искать место для ночевки. Нашли довольно скоро, преотличное. Озеро, большая поляна с песчаным пляжем, все как мы любим. Сосны, камыши, вид. Тишина, безлюдье.

Блаженствуя, мы разбили лагерь, поставили палатки, развели костер, искупались, и тут, к нашему огромному неудовольствию, на поляну въехал сизый рено. Из машины вылезли худощавый парень лет тридцати пяти и двое подростков. Двое собственных подростков, напомним, имелись и у нас.

Парень решительно подошел и объявил, что здесь, на этой поляне, будет происходить удомельский городской юношеский слет, военно-патриотические игры. Место утверждено муниципалитетом, внесено в план, в смету, и точка.

Мы вступили в переговоры. Нам ужасно неохота было переезжать, сворачивать лагерь, так хорошо вписавшийся в пейзаж, который мы еще толком не извели. Удомельский Юра смягчился, попросил кофе (с утра еще не пил), сказал, что сегодня к вечеру они заедут, разобьют лагерь, а вся активность у них начнется только завтра днем, так что нам не обязательно прямо срывать с места.

А завтра днем мы так и так планировали уехать.

На том и порешили. Сутки как-нибудь побудем соседями, тем более что поляна большая и на редкость комфортная (что вообще-то сразу должно было насторожить). Очком в нашу пользу стала банка очень хорошего кофе, Юра пил уже вторую «чашечку», лидер патриотических отроков оказался кофеманом. Его тихие блондинистые подростки страстно гордились своими вождями, когда Юра ушел встречать подъезжающие машины, спросили нас, заметили ли мы, как сильно их Юра похож на ныне действующего президента. Некоторое сходство имелось, голова огурцом, близко посаженные глаза, пацанская вкрадчивая нагловатость, только удомельский лидер юных патриотов был довольно высок и совсем молод.

Мы сказали да, похож, парни удовлетворились.

Остаток дня юные удомельцы устанавливали лагерь. Юра совсем по-свойски подходил к нашему биваку то за кофе, то за топором, то за лопатой, патриоты оказались плоховато экипированы. Человек пятнадцать подростков, сколько-то взрослых, мужчины и пара молодых женщин наряжали лагерь к слету, натянули несколько плакатов, развели костер на почтительном расстоянии от нашего. Все развивалось мирно и даже хорошо, и мы оставили палатки, машину и хозяйство при костре на попечение патриотов и ушли обследовать окрестности, многозначительно кивнув Юре, он сделал нам ручкой, де, все под контролем.

Что было очень кстати, лагерь ведь просто так не оставишь.

Мы отправились блуждать по полуострову и нашли уютнейшее место. Высокий берег, укромный пляж с тарзанкой, закрепленной на огромной розовой сосне. Пожалели, что не устроили здесь лагерь, патриотические удомельцы сюда бы просто не поместились...

Но переезжать было поздновато и лень.

Тарзанка, качающаяся над блестящей водой, искушала надежным канатом и широким размахом. Все принялись лихо прыгать, но вскоре выяснилось, что один из подростков искупался вместе с кошечкой, и еще сколько-то времени мы сушили его наличность, разложив ее на валунах.

Мы уже не удивились, видимо, это действовало заклятье Удомли, когда пришли две блондинки с хвостиками, с черным деревенским загаром, – мама лет тридцати пяти и дочка пяти. Никаких кивков и политесов, они просто уселись на берегу метрах в десяти, мать ловко собрала удочку, насадили червяка из банки, закинула и завела нескончаемый телефонный разговор, из которого мы узнали, что женщина работает в Питере официанткой, но взяла отпуск и приехала на родину. Дом цел, все нормально, хотя видно, что забирались, но ценное не нашли, было хорошо спрятано. Через спокойное повествование и непротивные бытовые матюги открывалось невеселое состояние ближайшей деревни: пьют, крадут, бездельничают. «С Алинкой сейчас рыбачим» – блондинки пришли наловить рыбки к ужину.

Пока мать болтала, ее девочка подошла и молча нас рассматривала, хмуро, из-под челки, потом увидела разложенные на камнях Никитины деньги и приросла к ним взглядом. Наши подростки не обращали на малышку никакого внимания, как на белочку, которой умилишься в первый момент, и все.

Мать закончила разговор (ну все, бля, давай, увидимся, Дрозду привет), поискала девочку взглядом: Алинк, не мешаешься там? Мы уверили, что нет, хотя нас не спрашивали.

Меж тем, пока питерская официантка болтала по телефону, она натаскала десяток красноперок. А что сделали мы? – высушили тысячу рублей отдельными ассигнациями...

В лагерь вернулись часа через три. Поляну было не узнать, все пространство заросло одинаковыми большими палатками. Выделялись цветом и размером три вожатских шатра. Стояли стенды из досок, фанеры и пластика, к соснам были приторочены веревочные лестницы. Вяло свисали, по полному безветрию, флаги. На стендах, в числе прочего, имелось расписание мероприятий, списки команд и еще много чего; значилось там вручение вымпелов и выступление заммэра Удомли, послезавтра.

Надо отдать должное, патриоты выдержали дистанцию и наши две палатки, костер, машина стояли как бы на островке. Поляна была полностью обжита, но Юра, зашедший хлебнуть кофейку, уточнил, что завтра утром приедет еще часть команды, но завтра нас уже мало волновало.

На ужин мы сварили себе картошки с тушенкой и котелок чая, похожего на вскипевшую торфяную воду; к чаю шло сухое печенье, которым у нас было забито полбагажника, и сгущенное молоко. Мы сидели-ели, глядя на озеро, и солнце садилось прямо перед нами, как балерина. И хотя неправильно плавать на полный желудок, желающие сплавали по розовой дробящейся дорожке туда-обратно, а я фотографировала.

На берегу тусовались также и юные патриоты, им было от восьми до двенадцати, просто провинциальные мальчики, довольно хлипкие, плохо одетые. Купаться им почему-то не разрешалось, они смотрели на купальщиков пустыми глазами. Патриоты тоже ужинали, мыли посуду, терли песком котелки. Лидер одергивал и строил их самодельными присказками, типа «раз, два, три, жопу подотри» и «выше нос, отставить сопли».

Около половины десятого Юра в последний раз забежал за кофе. Кофе на ночь? – забеспокоилась я. – Спать не будете... Буду-буду, – Юра вдруг гаденько подмигнул. Чего это он, подумала я, в душу закралось нехорошее предчувствие, выяснилось, не зря.

Старшие патриоты затолкали младших по палаткам около десяти. Взрослых во главе с Юрой было пятеро, две женщины, я особо не вглядывалась, следуя собственным представлениям об идеальном соседстве. Удомельские крутились у костра, поздний ужин. Около одиннадцати мы забрались в палатки и заснули.

Проснулись среди ночи, соседи горланили под гитару, пение ненадолго вошло в сюжет сна. Голоса и интонации выдавали хороший градус опьянения. Я вслушалась. Ни одной знакомой песни. Патриоты пели откровенную похабщину, в одной из песен рифмовалось «платье – е...ть я».

Ну и репертуарчик, подумала я тоскливо, а ведь у них полная поляна детей...

Ну и мы, какие-никакие соседи, незнакомые люди...

В темноте я нашарила мобильный, было полтретьего ночи.

...сегодня жду Ирину,

я ноги ей раздвину

и крепко ей задвину.

Раз, раз, раз

раздвину!

Зад, зад, зад

задвину,

– орали соседи хором; видно, репертуар был хорошо им знаком. Кто сочинял песни этому самодеятельному ансамблю, что за мастер-похабстер?

Судя по всему, участники были свежи, полны сил и горласты, пьянка набирала ход.

Намотай мы на голову хоть весь запас одежды и заткни уши чем угодно, песни удомельцев не оставили бы шансов заснуть. И, потом, было противно.

– Не, я так не могу, – я накинула куртку, пригладила волосы. Вылезла на поляну, где вокруг адского пламени сидели и горланили патриоты; их было уже семеро, двое приехали, когда мы спали.

– Господа, – я дождалась конца песни. Они оглянулись. Лица расцветали усмешливым интересом. Юра встал, его качало. Лидер патриотов поднял руку, будто просясь, к доске. Полноватая блондинка рассматривала меня, как насекомое.

– У вас здесь спят дети. За которых вы отвечаете... Вы взрослые люди, орете похабщину. Глубокой ночью... А еще здесь есть посторонние. Мы, ваши соседи. Вы нам мешаете спать.

Кто-то засмеялся. Блондинка сделала движение в мою сторону, округлила рот, но Юра сложным размашистым жестом дал понять, что ща все уладит.

– Аня, – начал он. Согласные ему давались плохо, получилось: Ая.

– Я Таня.

– Та-я! Все, мы уже закач... заканчивам... да, ребята, скажите ей, мы уже сакан...

– Юрк, ты чо пластаешься, – обняла его блондинка, увлекая к себе на бревно. – Она вообще кто?

– Мы сакан... – закивал мне Юра, а его сосед справа легонько затеребил струны и тихо, вкрадчиво пропел:

– *А соседей, мать твою,
мы видали на х...*

– *На х..., на х...*

ахаю и охаю!

– подхватил, подключился вдруг Юра, следом грянули его товарищи.

Я попятилась к палатке. Дальше из песни последовало, что речь идет о жителях бывших союзных республик.

Кажется, своими переговорами я сделала только хуже...

Удомельские патриоты не унялись ни через час, ни через два; как они завтра собирались проводить слет и принимать начальство, я не представляла.

Встали мы никакие. Шатало, с недосыпа знобило и подташнивало. Старших патриотов не было видно, у костра валялись остатки пира.

Несколько младших теньями ходили между палатками, подбирались к месту кормления.

Наши собственные подростки, за ночь наслушавшиеся всякого и невольно прошедшие инициацию, смотрели на нас, криво улыбаясь. Будто удомельские вампиры покусали их, впрыснули своей мерзости, подумала я, но тут же отогнала морок.

По расписанию, висящему на дереве, подъем значился в восемь утра, на часах было начало десятого.

Я полезла в озеро, прямо туда, где вчера разливалось малиновое золото заката, вымылась в холодной воде; стало чуть легче.

Собрались мы быстро, как солдаты. Есть не хотелось, наоборот. Тем более что на кромке озера розовела лужа блевотины...

На звуки мотора из крайней палатки вылез Юра с серым лицом, и меня чуть не стошнило. Говорить слова не было сил и смысла. Мы уехали с обесчещенной поляны с облегчением, ругая себя за лень, малодушие и компромиссность.

...Забыла рассказать. Вечером Юрина команда завезла на поляну три туалета, синие пластмассовые кабины. Двери их были примотаны скотчем; Юра объявил своим бледным мальчикам, что начать пользоваться удобствами можно будет только завтра, когда приедет начальство и слет официально откроется. А пока, – Юра-патриот подмигнул и сделал широкий приглашающий жест, охвативший поляну, лес поляны, берег справа и слева, будто дарил им для упомянутых нужд весь этот озерный край, или сдавал вñ краткосрочную аренду.

Через четыре часа мы уже были в Осташкове.

Кофе, по которому протрезвевший Юра наверняка быстро соскучился и застосковал, мы пили уже на Селигере.

Мухи отдельно, кофе отдельно. Днем хочется приличного кофе, ночью всего остального, неприличного... Днем дружить, ночью хамить, такая вот оборотневая сущность.

А ведь и боготворимый Николай Александрович оказывался в похожем... ну, относительно, положении. Когда в апреле 1799 году умер его покровитель Александр Андреевич Безбородко, канцлер и фактический министр внешней политики, Львов моментально лишился всех своих скромных привилегий. По приказу Федора Растопчина Львова просят немедленно очистить казенную квартиру. Она располагалась в здании Почтамта, доме, который архитектор собственноручно спроектировал. Где Львов трудился ключевым сотрудником почтового ведомства, успев сделать немало полезного. Которое (ведомство) вскоре возглавит Растопчин...

Справедливости ради, Львов принадлежал к ведомству до 1798 года, в этом году он оставил место, поскольку был назначен руководителем сразу двух важных проектов. Создание и запуск землебитных училищ – раз, добыча угля под Боровичами – два.

Но служебная квартира на Почтамтской улице сохранялась за ним. Что, конечно, было очень удобно...

А тут все, досвидос, просят с вещами на выход. Некоторые заслуги перед Отечеством, верная служба плюс созданный к тому времени архитектором сонм прекрасных зданий, жемчужин отечественной архитектуры, – к делу никакого отношения не имеют. Аппсолютно.

Но что интересно. В 1800 году граф Ростопчин покупает подмосковную усадьбу Вороново. Которую в свое время перестраивал и улучшал – кто? Конечно, архитектор Н.А. Львов. Заказчиком выступил прежний владелец, граф Артемий Иванович Воронцов.

Мухи отдельно, котлеты отдельно.

В 1812 году хозяин сожжет усадьбу, оставив на воротах «записку» для французов. Незадолго до того, 20 сентября, здесь останавливался на ночь Кутузов.

Этот огненный прием (в обоих смыслах слова) Ростопчин потом повторит в Москве.

Вотсап подал голос: три мокрых шлепочка.

Ого, Евгений. На юзерпике он был беленький, чистенький, какой-то идеализированный. Удачное фото.

Вы в Москве? Встретимся? расскажу про наш крымский тур...

Как писатель писателю)))) должок за ротонду

– ...Это была ее безумная затея. Повторить последнее путешествие Львова, его южное турне. Точней, командировку. Проехать тем же маршрутом, тютелька в тютельку. Шаг за шагом... Только, ясное дело, на машине. Я как раз купил Мицубиси универсал, до этого ездил только на седанах, – отвлекся и сразу немного поглупел Евгений, – Так что у меня были свои резоны. Обкатать машинку... Запланировали отпуск на начало августа. Кисловодск, Таманский полуостров, Керчь и Коктебель. Мне, честно говоря, вообще было пофиг, куда ехать. Дочку отправили в спортивный лагерь, так что мы с Женей отправились как молодожены, сами-одни. К тому же маршрут пролегал по лучшим винным хозяйствам. Тут мы с Женей совпадали...

(Его мысженей слилось в жужжание и вызывало жжение слуха.)

– Начали с Липецка. Львов посещал здесь путевой дом Петра, мы, конечно, тоже туда потащились. Львов был здесь в 1803, а в 1806 году дом сгорел, дотла. Но ничего, заново отстроили. Такой милый новодел, пряничный домик. Воссоздали, будто знали, что мы приедем...

От Ростова Львов со товарищи плыли по Дону, мы, конечно, нет. От станицы Аксай, здесь сейчас аэропорт. Потом заехали в Пятигорск. Пили их воды, гадость, тухлятина и

расстройство. У меня от них вообще случились глюки... Приснился безумный сон, вся компания, Львов, Остап Бендер и Лермонтов в крови. Конечно, мы с Женей выпивали, все-таки отпуск... Но не до такой степени. Хотя в сочетании с минералкой иногда просто жесть. Причем, заметь, я люблю красные, плотные, танинные, а Женя только белые, душистые. Она их называла «с цветочком». Хорошо, дочка с нами не поехала... Всегда переживала, что слишком много пьем, пыталась нас контролировать (папа, может, тебе уже достаточно?). А мы с ее матерью отбивались, хохоча. Внушали, что это чистой воды дегустация. Ты хоть раз видела маму или папу пьяными? Не-а...

– Раек, – сказала я автоматически.

– Что? Ага, – у Евгения непроизвольно дрогнули углы губ, – Раечек. Так что хорошо, что ее с нами не было... Приключения не в ее вкусе.

На Таманском полуострове мы повторили все его движения. Львов в Темрюк – мы в Темрюк. Он в станицу Сенное, мы за ним. Съездили в Пеклу. В Тамань, само собой разумеется.

А чтоб вы понимали – тьфу! – ты, – Таманский полуостров это тебе не Крым. Пыльная сонная жаркая провинция. Еще же август, все выгорело. Сенное – унылейшее место, пусть оно хоть трижды древняя Фанагория. Во времена Львова – колония греческих купцов.

Даже наоборот, понимание былого величия – и убожество этого захолустья. Но зато любая столовка с колоннами и портиком из гипсокартона...

Единственный плюс Сенного – фирменный магазин винзавода. Я там завис надолго. Хотя, честно говоря, и магазин дурацкий, беспородный. С Шато-Тамань никакого сравнения... Но кое-что найти все равно можно, если поискать.

А вокруг, Таня, плоская степь, серо-желтая, цикады, пыль-тоска. Что там еще делать, только пить... И море в странной, преступной близости... Вот прямо за домом, за магазином, 50 метров от трассы. Когнитивный диссонанс. Как у человека, скучного, пресного, старого – умница-красавица жена.

Азовское море прекрасное. Нежное, перламутровое... Какое-то доброе, – глаза у Евгения затуманились, будто он рассказывал о школьной любви, причем к учительнице литературы или истории. – Несмотря на всех этих глупых людей, которые лезут в него своими ногами, кругами, надувными матрасами. Кишат. Болтаются на поверхности цветным шумным мусором. Вся эта пляжная фактура, семечки, пахлава, обязательно верблюд с мешком под хвостом – хочется взять и счистить в мусорный бак...

Само море, как вода, как среда, оно – другая реальность. Это уже никакое не Сенное, а именно море. Просто море...

В Сенном Львов искал Тмутараканский камень. Сенное – тип-пичная Тмутаракань, вот чистая правда. Там можно самого себя потерять, раствориться, сгинуть. Унесет пыльным ветром, как перекасти-поле, зацепишься за куст, покроешься пылью, заснешь вечным сном.

Я представил его там, Львова. Греческие домики, рыбацьи сети. Гарнизон стоял неподалеку. И Львов худой, больной, бледный. Воодушевленный. Еще бы, такая безумная авантюра, такая красивая история. Почти «Юнона и Авось». Кстати, собственная его love story похлеще Резановской, из «Юноны и Авось». Только со счастливым концом. Ну, эту эпопею все знают... Есть мнение, что Пушкин писал с нее свою «Метель».

А еще кайф в том, что южная экспедиция – госзаказ... По одной из версий, Львов сам этот проект инициировал, предложил, а государство вложилось. Список полномочий ого-го, но ведь и задач немеряно. Но ему-то в радость, ты же понимаешь, свободный дух, пытливый ум, артистический темперамент...

– Тань, ты в Пекле была? Там вообще по-другому. Не как в Сенном. Никакого уныния... Берег довольно высокий. Внизу дикий пляж, галечный, суровый, ходить можно только в шлепках. Бакланы в небе маршируют. Грязевой вулкан маленький, круглый, детского размера, пукает серыми пузырями. В Пекле мы зависли на несколько дней, жили в палатке. Совсем другая энергетика... Античность чувствуется.

– Интересно, он купался?

– Львов? Наверняка. Они тоже были в августе. Точней, это мы – тоже. Жара. Потом, у него болела нога, а плавание помогает, снимает остроту, и соль морская... Он очень нездоровый поехал, ты же в курсе. Как бы заодно и подлечиться.

– Эти мне поездки подлечиться...

– Да, понимаю. Вагон, лед, устрицы, мертвое тело...

В Тамани мы опять пересеклись с Лермонтовым, и он снова мне приснился. Но в Тамани главное, конечно, не это. А огромный винный магазин на въезде в город. Язык не поворачивается назвать его супермаркетом. Это храм! Таня, с дегустационным залом... С залом-холодильником для шампанских вин. Я там просто ошалел... Наверное, когда девушки попадают в какие-нибудь магазины одежды или косметики, у них сносит крышу. Ряды вин, ничего кроме вина... Коньяков не помню, коньяки в Темрюке. Огромный выбор недорогих хороших вин. Есть и дорогие, пожалуйста. И ты такой, с кошельком и тележкой...

Я забил вином весь багажник. Себе, друзьям, на подарки. Знаешь, испытал удовлетворение, как крестьянин, как белочка... Вот, обеспечил себя вином на долгое время. Запасся! На долгую зиму. Правда, закончилось вино уже в октябре, с моими темпами...

Через вино, через эту линзу, вся Тамань, – выжженная земля, низкие горы, неприличные грязевые вулканы, крокодиловые болота с лотосами приобретают другой смысл... Древность проступает, история, не музейная, а настоящая. Она там неглубокого залегания... И ты уже не в провинции, не в захолустье, а в месте, где закручиваются временные вихри.

– Портал?

– Да, типа того. Сейчас, правда, все портал. Но в Тамани действительно есть такие места. Выпадаешь из этого времени, вообще. Прямо бац, и ты один на пляже... И это не пляж, а берег. Древность дышит, море скворчит, небо близко. А грязевые вулканы – это вообще пространственно-временные дыры... норы... Надо просто туда нырнуть, в этот серый жидкий цемент... Но страшно же. И брезгливо... Все осторожно погружаются, окунаются по шейку, бегемотами. Безнаказанно пускают пузыри.

– А потом?

Евгений, мыслями весь в прекрасных винах и целебных грязях, даже не понял, о чем я. Поморгал.

– Потом... Да. А потом мы поехали в Крым. В Керчь. Еще не было моста, переправились на пароме...

– В Керчи – конечно же догадываешься что произошло? Ты ведь хорошо изучала матчасть...

Я задумалась.

– Какой-то фак ап? Понятно... Так. Что, опять с ногой?

– Ты умная. Можно, я...?

Евгений пристал, преувеличенно кряхтя, выдвинулся из-за стола, поцеловал меня в щеку.

...Он выбрал удивительно удачный локейшн, я и не знала, что в Москве есть такое место. Совершенно не московское. Заведение общепита в отрогах Маросейки называлось «Березка». «Кафе естественной кухни». Каково? Вроде буэ, такой ЗОЖ с национальной почвеннической ноткой, но пища это идет. Здесь обнаружилась милая вкусная еда, на удивление недорогая. Что-то с молодым горошком, с тушеным пастернаком, со свежим любистком. В этом кафе «Березка», как в муравах вокруг Константиново, можно было забыться-затеряться. Народу оказалось мало. В сочетании всего со всем, фантазируй себе, что кафе создано специально для этой встречи, требующей особой атмосферы, и исчезнет по ее завершении.

Как пряничная лавка миссис Кори.

– Сначала все было отлично. Мы шли по следу, обошли этот Еникале, съездили в Коктебель. Кстати, там случился один сюжет, не по плану, вот он был отличный. Последнее из хорошего...

– Таааак, – сказала я. – А в Керчи-то что?

– Вы будете смеяться. Ты. Будешь... 27 августа Женя проснулась с огромной ногой, ножищей. Бордовой от ступни до коленки. Сине-бордовой. Распухшие пальцы... Раскаленная нога 45 размера. На нее даже смотреть было страшно, не то что прикоснуться. Женя плакала просто когда я пытался рядом сесть... Помнишь: черная нога идет по твоему городу... черная нога идет по твоей улице... черная нога входит в твой дом?

Главное, никаких предпосылок. Не ударялась, не падала. Даже не бухали накануне... Ни морских ежей, ужей... Вот просто на ровном месте.

В травмпункте посмотрели – все на месте, ничего нет по их части, ни переломов, ни смещений, ни ушибов. Сказали ограничить употребление крепких бульонов и вина. Причем красного, а Женя всю жизнь пила белое...

Мы помчались в Москву. В дорогу я купил Жене резиновые садовые калоши мужского размера, великанская нога никуда не лезла. Гнал весь день. Ночевали под Ростовом. Не думал, что все сбудется настолько буквально.

Я вообще решил, все, капец, отнимут ногу. Как Фриде Кало... Как Маресьеву...

А это и вправду оказалось что-то типа воспаления, подагры. Когда мы въехали в Московскую область, Женя уже спокойно влезала в свои кеды... Отек спал, опять стала нормальная человеческая нога. Хоть возвращайся... И, кстати, она жива-здоровая.

Я вытаращила глаза.

– Не появ?

– Моя бывшая жена. Женя. Жива-здоровая.

Про такие моменты говорят «потерять дар речи». Я булькала и не могла сказать ничего членораздельного. Я уже оплакала, пережила его потерю. Хорошо помню мохнатый ком в гортани...

– Тыбл... Жты... Совсем ох? Шутить такими вещами... – я вскочила, чуть не перевернув стол. Сидеть и перекусывать с человеком, который сочинил, что его жена умерла, я не умела.

Едоки правильной пищи повернули к нам удивленно-доброжелательные лица.

Евгений, оглядываясь, потянул меня за руку.

– Сядь. Хватит кудахтать... Вот б... женщины... Просто. Послушай.

Я села.

– Я не говорил, что умерла. Не передергивай. Сказал: ушла. Остальное плод твоей литературной фантазии. Да, для меня теперь она не существует. Она не просто ушла, а... хуже. После всего что... – он сглотнул, помолчал. – Так какая разница? Долбанная «Ротонда» досталась мне после ее символической смерти... Отошла по страховке, – Евгений хохотнул, – какбэ. Ведь она должна была умереть в декабре. По всему.

– По... чему?

– Да потому что все шло как по нотам. И даже по числам. Бегство из Керчи с больной ногой. 27 августа... Она же суеверная, впечатлительная как не знаю кто... Она себя уже похоронила... Зато после благополучного исхода этой истории расколдовалась. Вообще другой человек. Сбросила прошлое как змея кожуру... Обнулилась, как сейчас модно говорить. А меня выкинула, как использованную прокладку.

Я ужасно устала от Евгения, от его внезапно воскресшей жены. От всей истории с «Ротондой». Этого мне еще только не хватало: чужих ног, посторонней подагры... Но – мы как будто делили ребенка, и нельзя было просто встать и уйти...

– Так, – сказала я, отодвигая тарелку. – Что у вас там случилось-то, в Коктебеле? Вы сказали, хорошее.

– Ты, – возразил Женя. – Мы же на ты?

– Вы! – отрезала я. – Ты, твоя жена и ее подагра.

– В Коктебеле, – плавно вырулил Евгений, – мы отлично проводили время. Мы сделали вид, что это Киммерион, что там нет сотен жареных тел и всего этого пляжного гриля. Конечно, выпивали, было бы странно, согласись... Этого не делать. Мы выполнили львовскую программу, и можно было валить, но тут через приятелей познакомилась с одной... девчонкой. Господи, какой девчонкой?! На самом деле эта Зоя – легендарная личность, я про нее давно слышал. Такой Маугли без возраста. Женщина за сорок, а то и больше, маленькая, поджарая. Такая вроде саранча, но с... (Евгений изобразил обеими руками нечто волнообразное). С головы до ног в камуфляже... Таня, у нее даже купальник, даже носки, даже резинка для волос были в этих бурых защитных пятнах! Не поверишь, носовые платки одноразовые – камуфляжные. Фляжка – в пятнах. Это была ее идея фикс, фишка. Визуальный манифест. Слиться, б..., с природой. Угадай, с чем связано?

– Ей... шел защитный? (Женя кивнул.) Какая-нибудь гринписовска?

– Тепло. Горячо, – сказал Евгений. – Она была сталкер и внештатный сотрудник Коктебельского заповедника. У нее даже ксива имелась. Это удостоверение было ей дороже любого паспорта...

– Местная? Коктебельская?

– Ты смеешься? Москва, Таня, Москва! Девушка на когнитивном диссонансе. В столице зимует, перемогает. В Коктебеле с ранней весны до поздней осени живет, с большой буквы. Ну и промышляет. Фотографирует... Знаю, все местные турагентства мечтали заманить ее, перехватить, перекупить. Ей, кстати, это льстило, но она была клас-сическая одиночка! И ревнитель этих мест. Окрестности знала как саму себя, как собственное тело. Здесь у меня родинка, здесь родник, тут тропа, складка, морщина, укрытие, здесь, не наступи, орнитагал и ятрышник. А тут, осторожней, белладонна. Если говорить о гении места, то это она и была.

– Красивая?

Женя не удивился вопросу. Посмотрел куда-то вдаль за мое плечо, а потом обратно в глаза.

– Да. Она была красивая. Такая суровая, резкая. Женщина-воин. Похожая на финикиянку с сигаретой, на фаумский портрет. Взрослая, с детским смехом... Какая-то прикольная. В защитной бандане и трусиках... Ящерка. Царица горы. А сама, б..., из Зюзино.

– Ты что, влюбился?

– Издеваешься? У меня была Женя. И Раек... Сразу две любимых женщины...

Что-то в его голосе подсказало мне сделать паузу. На чай-кофе березовый сок.

– Она повезла нас на Опук.

– Как? Апук? Еще одно львовское место? – я не собиралась его дразнить, но дурацкое слово располагало...

– Нет. Опук не еще одно... Единственное в своем роде. Вы что, не слышали о нем... ты? (я поболтала головой). Зойка велела оставить машину. Договорилась с таксистом. Она дружила с несколькими машинами по многу лет, кореша. Они ее боготворили. Зойка приводила жирных клиентов, жаждущих экзотики. Такой Саша-таксист, прическа как у трубадура. Поехали очень рано, мне проще было вообще не ложиться. Чтоб обмануть жару, и еще там были какие-то соображения, резоны. Это же запретка, боялись встретить охрану. Поэтому старались не попасть в прайм-тайм. Спойлер: мы их встретили... Расчет, что на охрану произведет впечатление ксива из карадагского заповедника, не оправдался. Конечно,

они пилились на ее защитный купальник и молодой коричневый живот, но велели нам уй... проваливать.

Опук – гора, невысокая, столовая, меньше двухсот метров. Но для ровной степи вполне себе гора... Считается, именно здесь был Киммерион. В ясную погоду с Опука хорошо видны знаменитые скалы-корабли. Знаешь скалы-корабли? – я кивнула, слышала такую комбинацию слов.

Таксист высадил нас в Марьевке, дальше пошли пешком. Он должен был забрать нас в районе пяти. Договорились заранее. На Опук не было никакой связи. Вообще. Только с космосом (я закатила глаза). Дорога вокруг и вдоль усыпана античными черепками. Именно усыпана, усеяна, я не преувеличиваю. Я стал набивать рюкзак и карманы горлышками и ручками, но Зоя не велела ничего брать. Прямо остановилась и проследила, чтоб я все разложил на дороге, вернул на те же места. Такая пионервожатая. Мы ее слушались, как сталкера... Конечно, само собой разумеется, один черепок я заначил. Подумал, не станет же она шарить у меня по карманам... (Евгений отчего-то покраснел).

Сначала мы обошли Опук справа. Там море встречается с соленым озером такого цвета... не могу описать... он присущ только этому месту. Кояшское соленое озеро. Встречаются две соленые воды разного цвета. Под небом... Художники, конечно, намешали бы, наболтали нужный оттенок, а я не могу. Между морем и озером коса, узенькая косица. И никого, вообще. Только птицы, очень много птиц. Зоя показала нам сизоворонку... Ты видела когда-нибудь сизоворонку (я помотала головой). Угадай, какого она цвета? Ну? (я молчала). Подсказка: си... зо... воронка. Си-? Ну? Синяя! Она ярко-синяя! Как птица счастья. Бирюзовая. Крылья оранжевые сверху и лазоревые снизу. Не птица, а галлюцинация. Зойка сказала, нам повезло, сизоворонки обычно не показываются и уж тем более не позируют, а нам показалась вся, кружась и помавая крыльями, как танцовщица.

– Помавая.

– Да. Тот поход на Опук вообще был чистый Гильгамеш. Хождение в страну мертвых. Зойка привела нас на рапановый пляж номер один, оранжево-розовый. И на оранжевом вдалеке что-то белеет. Будто накрытое простыней. И шевелится! Мы подошли и обнаружили мертвого дельфина под взлетевшими чайками. Огромное тело... Как живое, не тронутое тленьем там, гниеньем... Мечта таксидермиста... Серо-голубой и гладкий, как голая спящая женщина. Понимаешь, полное безлюдье. Коктебель с его жареными людьми далеко. Карадагский заповедник, Курортное с его адским дельфинарием где-то там. А тут свобода, заповедная земля, но вот, почему-то труп прекраснейшего из земных существ.

Знаешь, я начал оглядываться, вдруг набегут полицейские, следователи, гринпис и обвиняет нас в убийстве дельфина...

Мы погоревали над ним. Чайки вежливо пережидали, перетаптывались в сторонке. Знаешь, а я даже фотографировать его не мог, хотя понимал, какие эффектные бы получились картинки. Все лайки были бы мои (он нервно хохотнул). Хотя я и вышел уже из этого возраста, вроде... (Евгений вытер лоб салфеткой, промокнул рот).

Потом ушли далеко по пляжу номер один. Купались, валялись, но разлеживаться нам Зойка не дала. Строгая, настоящий командир. Товарищ начальник. И сталкер, конечно, в первую очередь. Пошли к горе, она обещала показать Глаз-камень и пещеру с летучими мышами. И тут столкнулись с охраной! Жестокий облом, жесточайший! Мы понимали, что вероятность велика, но все равно – шок. Они велели нам нем-медленно очистить территорию. Зойка махала удостоверением, орала, пускала пену, это их развлекло, но не более того. Мы сделали вид что уходим, но ушли в сторону, скрылись из вида, и обошли гору с другой стороны. Вплотную, под прикрытием. Восточный пляж, номер два, был почти алый, но это не камни, не песок, а мельчайшая рапановая крошка. Мы, конечно, хотели залезть на гору, иначе ради чего все это. Когда пойдем на Опук?! я пристал к Зойке, такой заказчик, хозяин-барин. Не в этот раз, сказала она. Все. Мы не успеем до темноты. Нам еще возвращаться, только до Марьевки час. Да, не повезло. Такое бывает. Все, расслабься. И сама расслабилась. Знаешь, как? Она сразу избавилась от одежды... Что ты смотришь? (Я смотрела.) Никакой

эротики. Аскетическая культурологическая нагота, тело из терракоты, высокая шея. Идеальная голова, как яйцо. Маленькая женщина, но пропорциональная. Античная бегунья. Она сидела голая, по-турецки, на этом маковом варено-раковом песке, и курила. Какие-то конкретные сигареты, всегда только их, забыл, какие... Мы, конечно, замутили пикник, тем более раз на Опук нельзя, надо же как-то себя развлечь. И утешить. Я в кои-то веки был не за рулем. Достали наши припасы. У меня с собой было, коньяк с ангелом, 5 звезд, стопочки. Зойка выпила благосклонно, но без фанатизма, я наблюдал внимательно. Мне хотелось понять, что за женский сталкер такой, аскет. Должны же быть слабости? Но нет, она не алкоголичка. Питалась Зойка, как в письмах римскому другу, хлеб и сливы, вода и галеты. Рыбу, правда, любила. Дикая кошка...

Ну и вот. Мы плющились на этом красном песке, плавали, просто лежали, смотрели. Скалы-корабли оттуда не видны, я поплыл в их сторону, но бросил, это как плыть до горизонта.

И ты не поверишь. В час Ч, когда пора было валить, солнце уже садилось, на горе, в контражуре, появились эти двое, всадники, б..., апокалипсиса. Картина Репина не ждали... Голубчики прошагали весь Опук по хребтине, а тут такие мы сидим, какой пассаж, и Зойка в чем мать родила. Она оделась неторопливо, глядя на них, демонстративно нацепила свой пятнистый купальник, щелкнула ляжками. Прихватила рюкзачок и пошла по красной тропе, хрустя античными черепками, такая Таис Афинская. Мы за ней, отбрасывая сиреневые тени до самого горизонта. Идем. Во мне все рыдает, я почему-то чувствовал, знал, что не буду здесь больше никогда. Не поднимусь на гору, не увижу скалы-корабли с правильной точки. Руины Киммерика. Глаз-камень, на который если сядешь, потом задница горит и неделю понос, и в пещеры со связками летучих мышей тоже не попаду. Никогда. Не стану посвященным... И меня прямо затошнило от тоски. Тут слышу, Женя хлюпает, плачет, на нее непохоже. Правда, там же эти травы, все пылит, семя летит, сенная лихорадка запросто. Представь себе такую процессию в степи, в сумерках. И только Зойка покрикивает: не отставать! Эй! Шире шаг!

Евгений залпом допил свой березовый сок, глядя на меня, но мимо, куда-то между глаз. Лицо у него сделалось странно мягкое, молодое, и на нем проступила правда, вся.

Я постучала ложкой по чашке, отвлекая визави от приятных воспоминаний. Так здорово разгладивших ему физиономию.

Евгений сфокусировал взгляд, и лицо его сразу вернуло себе каркас, жесткость, ухабистость, заломы и морщины. Нормальные для мужика за сорок.

– Слушай. Я все поняла. То есть вообще – все! Ты просто запал на нее. На эту Зойку с терракотовым животом... Ты бы видел сейчас свою физиономию... лицо. Ты просто влюбился в нее, в эту, блин, строгую госпожу. А Женя твоя не дура. Женщины моментально такие вещи чувствуют. Про сенную лихорадку ты бы уж постеснялся мне рассказывать. А эта ее черная нога – чистой воды психосоматика...

«Кстати, его собственная love story похлеще Резановской, из “Юноны и Авось”. Только со счастливым концом. Ну, эту эпопею все знают... Есть мнение, что Пушкин писал с нее свою “Метель”», – сказал Евгений с небрежной уверенностью.

Я-то вот не уверена, что все. Поэтому давайте пробежимся по ней быстренько, освежим в памяти, сверим хронологию.

Для начала придется зайти в Третьяковку. Главное здание, в Лаврушинском. Лучше в среду, там бесплатные билеты на основную экспозицию, но всегда остается на ваше усмотрение.

Место встречи пятый зал. Здесь без труда находим среди прочих портретов два нужных – изображения Н.А. Львова 1789 года и М.А. Дьяковой 1778 года кисти Левицкого. Они привлекают внимание даже если просто скользить взглядом по стенам и не знать про

Львовых ничего. Пропустить невозможно, проверено. Портреты супругов, только Мария Алексеевна изображена молодой девушкой, еще даже не невестой, но в 1778 году они уже «вместе».

Итак, хроники.

1777 год. В доме П.В. Бакунина молодой Николай Львов, в ту пору чиновник Коллегии иностранных дел, знакомится с одной из пяти дочек прокурора Сената Алексея Дьякова, Машенькой. И, конечно, с другими сестрами Дьяковыми, а также с их братом, своим тезкой. Происходит это во время постановки любительских спектаклей, комедии Реньяра «Игрок» и оперы-комик «Колония» (музыка Антонио Саккини, слова Фрамери). Главные партии исполняют Мария Дьякова и ее сестра Катрин. Львов влюбляется в Машеньку моментально, и не только он, то же самое делает его близкий друг Иван Хемницер, поэт, баснописец, важная фигура в державинском поэтическом кружке.

(«Важная фигура» – звучит пышно, на самом деле Хемницер такой настоящий поэт, в чем-то недотепистый, легковёрный. И настоящий друг. Умрет Иван Иванович в Смирне (нынешний Измир), куда Львов своими связями устроит его дипработником. Хемницер будет до самого конца переписываться с Николаем Александровичем и Машенькой.)

На волне успеха обоих спектаклей решено поставить еще одну пьесу. Но какую! «Дидону» Якова Княжнина. Княжнин в то время фигура сомнительная, скандальная. Блестящий драматург, уже переживший успех, в том числе «Дидоны», и кадровый военный – за растрату был приговорен к смертной казни. Приговор смягчили, Княжнина разжаловали в солдаты, отправили в гарнизон. Императрица, однако, прощает нарушителя. Княжнину возвращают капитанский чин.

Но в 1778 году нужна была смелость, чтобы взяться за такой материал. Скорей всего, постановщики обязаны этим репутации хозяина дома, Бакунина. Кстати, на премьере «Дидоны» в домашнем театре Бакунина присутствовал и сам автор.

Премьера состоялась 7 февраля 1778 года.

Дидону играет талантливая Машенька Дьякова. «Мария Алексеевна много жару и страсти полагает в своей игре...», – писал очевидец Муравьев, еще одна фигура.

Автор некролога, забегая далеко вперед...

Львов страстно влюблен, Дьякова отвечает ему взаимностью. Он сватается, несколько раз просит руки, но родители Дьяковой жениха отвергают. Слишком молод, не богат, не особо знатен.

Мне и воздух грудь стесняет,

Вид утех стесняет дух.

И приятных песен слух

Тяготит, не утешает.

Мне несносен целый свет -

Машеньки со мною нет...

Воздух кажется свежее,

Все милее в тех местах,

Вид живее на цветах,

Пенье птичек веселее

И приятней шум ручья

Там, где Машенька моя.

...Если б век я был с тобою,

Ничего б я не просил, -

Я бы всем везде твердил:

Щастие мое со мною!

Всех вас, всех щастливей я:

Машенька со мной моя.

Эти стихи, дань сентиментализму, довольно наивные и простенькие на современный взгляд, Львов слагает в октябре 1778 года. Обращает на себя внимание рефрен с акцентом на притяжательное местоимение «моя».

К июню того же года относятся три таинственные записи в дневнике Львова. Они сделаны на испанском, что уже должно наводить на мысль о секретности, интимности, крайней важности этих записок. Львов прекрасно владел французским и итальянским, а испанским постольку поскольку. В первом своем путешествии за границу, с Соймоновым и Хемницером, будущему архитектору удалось побывать в Испании. Похоже, именно там Львов подсмотрел опыты землебитного строения, но я отвлеклась.

Согласно этим почти шифровкам, которые заинтересовавшиеся при желании смогут без труда найти, – к началу лета 1778 года отношения влюбленных обрели материальный статус.

Другие исследователи ссылаются на письмо, которое я не стану здесь приводить, кто захочет, отыщет сам. Послание имеет приписку «Прочтя это письмо, прежде всего сожги его» и датировано вообще 19 апреля. Оно убирает любые сомнения относительно характера отношений между влюбленными.

Любящий и любимый, Львов снова сватается, ответ отрицательный. Прочим женихам, огорчая родителей, Машенька Дьякова неумоимо отказывает сама.

В конце 1780 года Львов при поддержке близкого друга, еще одного члена поэтического кружка Василия Капниста осуществляет дерзкий план. Жених Машиной старшей сестры Александры (Капнист, в отличие от Львова, богат и знатен) сопровождает обеих барышень на бал. Но по пути они заворачивают на Васильевский остров, где в маленькой церкви у Галерной гавани их ждет Львов. Священник венчает влюбленных, и молодые разъезжаются, Машенька едет на бал в сопровождении сестры и будущего зятя, Николай Александрович возвращается к себе.

В записях метрической книги церкви Живоначальной Троицы Санкт-Петербурга находим: «1780 год 8 ноября № 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штацкого с сосетнической Алексеевой дочерью Афанасьева сына Дьякова девицею Мариєю. Кто поруками подписались: по женихе – Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте – Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов». Итак, все друзья приняли участие, включая безнадежно влюбленного Хемницера...

Кстати, авторы большинства материалов о Львове полагают, что Хемницер не был в курсе тайного венчания. Видимо, исследователей ввела в заблуждение его бескорыстная, до гроба, любовь к Машеньке, выразившаяся в письмах и стихотворных посланиях.

Тайна венчания и дистанционного супружества так и не была раскрыта вплоть до самой свадьбы, а до нее еще три года. Маша, огорчая родителей, продолжает отказывать отборным женихам. Львов не теряет времени даром. За эти годы он окреп и, съездил в еще одну весьма продолжительную заграничную поездку с некоей важной миссией, и в качестве жениха стал совсем привлекательной партией. Уже в 1780 году Львов создает два весьма значимых архитектурных проекта – собор в Могилеве (не сохранился), и Невские ворота Петропавловской крепости. В 1782 году Николай Александрович поступает на службу в новенький почтовый департамент, отпочковавшийся от коллегии Иностранных дел, – по личному приглашению возглавившего его генерал-почт-директора А.А. Безбородко. В апреле 1782 года должность Львова называется «член Почтового департамента», а в июне – «советник посольства, главный присутствующий в Почтовых дел правлении».

Кстати о Безбородко. Ненадолго отвлечемся от Львовых и рассмотрим висящий здесь же в пятом зале Третьяковской галереи портрет знойной волоокой красавицы с фарфоровой кожей и усами. Это актриса итальянской оперы-буффа, блиставшая тогда на петербургской сцене Анна Давиа Бернуцци, пассия Александра Андреевича Безбородко. На содержание Бернуцци патрон Львова тратил 8000 рублей серебром в месяц. Для сравнения, упомянутый Яков Княжнин, автор «Дидоны», совершает грандиозную растрату в 6000 рублей и едва не

лишается за это жизни. Портрет сей написан Левицким по заказу Безбородко для убранства своего дворца, художественным оформлением которого занимается – кто у нас гений вкуса? – конечно, Николай Александрович Львов. Кстати, квартирует он здесь же, во дворце Безбородко. По всему видно, Безбородко приятно и выгодно держать рядом с собой замечательно умного, образованного, одаренного человека. Вероятно, еще и тактичного, и умеющего держать язык за зубами.

Львова Н.А.

Сюда же, во дворец Безбородко, молодые въедут после свадьбы...

Да, все-таки свадьба. В 1783 году, вскоре после избрания членом Российской академии, Львов делает очередное предложение. На сей раз согласие получено. Родительское терпение не выдержало долгой осады, Машенька с безмятежной уверенностью отказывала всем женихам, кроме Львова, а годы идут, ей уже двадцать восемь, по понятиям того времени – старая дева. Служебное положение жениха заметно упрочилось, он уже в чине коллежского советника. Львов сопровождает государыню в поездках, например, в Выборг в июне 1783 года. Имеет ценные подарки от монарших особ. Екатерина осчастливила его драгоценным перстнем «за сделание им очень красивых кораблей и других небольших работ для великих князей». Золотая в алмазах табакерка получена от Иосифа II за проект собора в Могилеве. Жених дружит с влиятельнейшими сановниками. Нет у него, правда, дома в столице, заметных имений с крестьянами, кроме скромных Черенчиц, зато есть «свои покои» во дворце Безбородко, хо-хо. К тому времени Львов выхлопотал себе в Петербурге небольшой участок земли, под дачу. Правда, далековато «от центра», у Малого Охтенского перевоза, за городского чертой.

Что, вообще говоря, нормально для дачи...

Свадьбу сыграли в Ревеле, у сестрицы Катеньки и ее мужа, графа Якова Федоровича Стенбока, богача-остезейца. Долгожданное торжество позволило, с приятной оказией, повидаться всем Дьяковым, а графу Стенбоку похвалиться богатством. Вот и прекрасно, вот и хорошо.

Правда о тайном браке молодых открывается прямо на церемонии. Ситуация скандальная, повторное венчание – тяжкий грех, но да здравствует предусмотрительность жениха. В церковь доставлены другие жених и невеста, так что обряд венчания проводят над четой молодых крепостных, заранее подысканных Львовым.

Так. А теперь версия номер два. По документальному исследованию Дзюбанова С.Д. «Верует в резон, как во единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Львова) брак – тайна для всех, но обе семьи в курсе. Станный сей замысловатый маневр обусловлен тем, что параллельно истории любви и сватовства происходит судебный процесс над отцом Машеньки, Алексеем Афанасьевичем Дьяковым. Львов выступает свидетелем защиты, а подсудимый и свидетель, по закону, не могут быть родственниками. Вот незадача! Выходом из лабиринта неудачно сложившихся обстоятельств становится тайное венчание влюбленных. Тайну тщательно сохраняют до самой свадьбы, а для гостей был разыгран спектакль. Видимо, сделано это было настолько искусно, что а) удалось избежать скандала и кривотолков, б) до сих пор бытуют и сосуществуют бытуют обе версии тайного брака, что придает love story романтический и романический флер и обеспечивает повышенный интерес почитателей и фанатиков.

Но есть и третья версия, согласно которой за влюбленных перед родителями невесты ходатайствовала сама матушка государыня. Влюбленные обвенчались в 1780 году – Львов не хотел уезжать в длительную поездку за границу, знаменитое европейское турне – не будучи связанным с Марией Алексеевной ничем, кроме любви.

Итак, тайный брак, нечто общее для трех версий. Согласно последней, девушку вызвала к себе императрица – узнать, почему Дьякова отказывает женихам. Мария Алексеевна выложила матушке все как на духу – про любовь взаимную и страстную, про нежелание родителей отдать девушку за небогатого Львова, про тайное венчание. Екатерина II пришла в восторг от романтической истории и замолвила за влюбленных словечко перед

родителями Дьяковыми. Брак легализовался. Как видим, все было не зря, перед нами один из редких примеров долгого и счастливого супружества, освященного любовью и взаимным уважением.

И еще деталечка. На самом деле познакомились будущие муж и жена не на репетициях в домашнем театре Бакунина, а в доме у Дьяковых. Матушка Марии Алексеевны приходилась приехавшему в столицу молодому провинциалу тетушкой по материнской линии. Супруги Львовы – троюродные брат и сестра, что в те время было распространенной практикой.

Но вернемся к свадьбе.

Пользуясь гостеприимством родни, Львовы остаются в Ревеле и на острове Даго (Хиуйму) до середины февраля. Это с октября-то месяца! Что же Львов, известный своей деятельной натурой, так долго делал в Эстляндии? Осматривал владения родни? Знакомился с достопримечательностями? А может, и поработал немножко, под шумок? Есть, есть основания предполагать, что Львов имеет некоторое отношение к проекту здания Суда в Ревеле (сейчас это дом правительства). Подрядчиком на строительство которого являлся его зять граф Стенбок собственной персоной. Хотя официально здание связывают с именем другого архитектора, Моора...

11 марта 1784 года Львов получает в столице новый участок земли, прилегающий к первому. Это совершенно замечательно, но строительство дома требует времени и средств, и Львовым по возвращении из Ревеля приходится принять предложение Безбородко и занять в его просторном дворце «свои покои».

Здесь 3 августа 1784 года у Львовых родился первенец – Леонид.

Написал Саша-маньяк. Саша-экскурсовод.

Нашел еще Л в Мск Почти уверен

Договорились встретиться на Арбатской. Наших в Москве никого не оказалось, Галка у мамы в Перми, Оля в Израиле, Митя работает как сумасшедший, Ася с Марком в Суздале.

А я и могла, и хотела.

Мы встретились на Арбатской в двадцать ноль-ноль. Саша мне не понравился, похудел, глаза горят темным пламенем, неприбранный бородой. Ему будто стали велики его очки, он их все время придерживал, подхватывал, толкал пальцем вверх по переносице.

– Саша, вы... в порядке?

– Да. А что?

– Не, все нормально. Так, – я передумала портить Саше настроение рассказами о его худобе, эти мнительные мужчины, нафик... – Пойдемте? Сгораю от любопытства. От наших всех привет. Завидуют.

Я дописала «Ротонду», львовская горячка меня совершенно отпустила. Наслаждалась свободой, образовавшейся лакуной, паузой, тишиной. Мне не хотелось никаких «новых вводных». Я поставила в этом деле, в собственно тексте, и не только, толстенькую точку. Саша, было видно невооруженным глазом, точку не поставил. И похудел...

Но, конечно, мне интересно было узнать, что он там надыбал, просто любопытно.

Мы прошли от метро метров двести, не сворачивая с Воздвиженки.

– Ну, вот! – торжественно произнес специалист по творчеству Львова.

Этот дом я знала прекрасно. Как знали его все, кто здесь когда-нибудь ходил/ездил. Вполне себе заметный, нарядный, эффектный дом на углу Воздвиженки и Грановского.

– Это Львов? Докажите, – сказала я развязно. После того как мы пили коньяк на территории министерства спорта, на улице Казакова, а потом все вместе сидели в пельменной на Сухаревке, можно обойтись без политесов и всего такого. На ты мы так и не перешли, но набубенились изрядно. У Саши тоже был с собой запас, во фляжке, нас это удивило, тронуло,

сблизило. Братья во коньяке, мы были теперь накоротке. Что коньяк имелся с собой и у Марка, даже не считаю нужным упоминать...

Правда, при всей нашей общей предусмотрительности, закуска оказалась «суровая мужская»: конфетка, яблочко, батончик мюсли.

– Городская усадьба Шереметьевых. Наугольный дом. Знаменит тем, что сюда после замужества с графом Шереметьевым въехала его невеста, а теперь уже жена, крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова. Правда, прожила здесь совсем недолго, умерла вскоре после родов. В том же роковом 1803 году... Все знают эту романтическую историю, легендарный мезальянс. Но идиллия длилась недолго... (я демонстративно заскучала. Саша закруглил линию Шереметьевых и выключил экскурсовода). А до Шереметьева владельцем дома был кто? (я хмуро молчала) – правильно, Алексей Кириллович Разумовский... Уже хорошо знакомый нам! По недавнему походу на Гороховое поле... нынешнюю улицу Казакова (Саша делал для меня интерактивные ссылки). Строительство здания началось в 1790-х годах. Шереметьев, кстати, был шурином Разумовского...

– И?

– Угловая ротонда вам ни о чем не говорит?

Слово «ротонда» говорило мне о многом.

– Ну, ротонда. Да, угловая.

– Купол с круглыми окнами!

– И?

– Здесь очень много указаний на почерк Львова. Странно, что вы сами этого не видите... Купол напоминает Знаменское-Раек. Ротонда, дорические колонны – это вообще львовское фирменное, узнаваемое. Немного смущают медальоны – они нехарактерны для него – но могут быть более поздними. Автор здания не известен, не установлен. Одни пишут, Баженов, но это смешно. Другие считают, что Казаков, пожалуй, это самая часто встречающаяся версия. Простите, но и от Казакова здесь нет ничего! Ничегошеньки... В одном источнике я нашел указание, что автором проекта с большой долей вероятности был Львов, и у меня пелена упала с глаз...

– Что за источник?

– Ой, все вам расскажи! – огрызнулся, взвизгнул вдруг Саша. Я не поверила своим ушам.

Версия, что с Сашей творится что-то неладное, выглядела все более правдоподобной.

– Хорошо, – я решила не лезть в бутылку. – Какие еще признаки Львова вы здесь видите? Что говорит ваш законспирированный источник? А внутри вы бывали? Выпьем кофе потом? Я приглашаю.

– Слушайте, а вам-то он зачем? Вы же одержимы, Саша, посмотрите на себя! Вы что, диссертацию о нем пишете? Или книгу?

– Мне-то? – Саша смотрел дикими глазами. – Мне? То? Это вам он – зачем?! Пижоны, эстеты... Завели себе клуб по интересам и развлекаются. Исследователи! Смешно просто... Тьфу! Тоже мне... тайная ложа. Блажь мнимых интеллектуалов (Саша показал пальцами кавычки).

Я смотрела на него не мигая. Мне было ужасно интересно.

– Поймите. Львов стучится в меня (Саша ударил себя в гулкую грудину). Я ему нужен... чтобы установить истину. Это вы, вхохочущие восторженные дамочки, идеализируете его. Вы и на полпроцента не понимаете... Ни его значение... Ни сложную, сложнейшую натуру... То, насколько он обогнал, перегнал свое время! А вы услышали звон, посмотрели картинки... Сомлели... Нет, я все конечно понимаю, красавец, гений. Видимо, тут замешана и какая-то эротическая составляющая, как и в случае с обожателями Чехова.

Култ Николая Львова, слава Богу, не достиг пока еще таких масштабов... Но, чувствую, к этому идет. Все чаще наблюдаю львовское бешенство.

(Прозвучало как бешенство матки.)

Саша в сердцах отхватил половину эклера. Мы сидели в теснейших «Братьях Караваевых», до соседей было сантиметров тридцать. На нас смотрели, Саша сумел заинтересовать не только меня.

В бороде у моего визави белела эклерная крошка, она делала Сашу уязвимым. Как можно говорить о чем-то серьезном с человеком, у которого пища на лице? Я потеряла подбородок, Саша произвольно отзеркалил мой жест, крошка упала.

Я сказала очень тихо, ледяным шепотом.

– Сами-то вы, конечно, холодны и бесстрастны. Слушайте, да как вам не стыдно?! Вы возите эти экскурсии, распинаетесь, поете гимны, заманиваете людей в эти... сети... Миссионерствуете! Мы же для вас дикари. В стеклянных бусах... И потом, вдруг, ни с того ни с сего – презрительные брезгливые речи...

Саша глубоко дышал и водил взглядом по сторонам, словно не находил слов и пытался найти их в пространстве закуской. Или ему противно было на меня смотреть.

– О, я поняла. Вы сами устанавливаете дистанцию, да? Насколько к нему можно приближаться. На расстояние дилетантских восторгов, охов и ахов, – пожалуйста. А ближе ни-ни. Руки прочь?

Саша уставился в угол у входной двери.

– Почему вы решили, что именно вы – избранный? Вы бы о-очень удивились, если б имели возможность пообщаться с ним лично. И узнали правду о его пристрастиях...

Саша наконец навел на меня глаза цвета чайной заварки:

– Татьяна, да вы хоть знаете, – КАК Николая Александровича называла жена? (я обалдело помотала головой). В письмах друзьям, и, вероятней всего, в личном общении? *Львовинька... Львовинька!*

Я испугалась, что он сейчас заплачет, или кинет в меня чаем, но тут ему позвонили.

– Да, я помню, – сказала я, когда он закончил («скоро буду, мам»). – Я читала о нем довольно много... Знаете что? В меня Львов тоже стучится, по вашему выражению. Я это отчетливо чувствую, стук. И даже более того, но сейчас не будем об этом. Я не историк, я литератор, мы со Львовым отчасти коллеги – как, впрочем, и вы. Но мне и в голову не приходит считать себя... таким, знаете, медиумом. Хотя могла бы! Его не убудет от нашей любви. Личность Львова масштабна, полна, щедра, всем найдется места. Не будьте ревнивцем! Я бесконечно уважаю ваши знания и эту вашу чокнутую одержимость. Меня она даже по-своему трогает, дорогой Са-шень-ка!

Саша смотрел на меня мутным взглядом. Кажется, он действительно заболел.

– Между прочим, Саша, диссертацию не диссертацию, но я написала про Львова довольно объемный текст, прозаическую вещь. Большой рассказ, или маленькую повесть. Немного детектив. Угадайте, как называется? Вы у нас знаток. Главное львовское слово?

Глаза у Саши прояснились, он навел на резкость. Он смотрел на меня нормальным человеческим взглядом.

– Ну? Вы же умный... Подсказка: оно неотделимо от Львова. Маркер.

– Та... лант? Просвещение? Дружба? Вер-ность?

– Саша, давайте, не тупите! Мы оба смотрели на это слово час назад, в упор.

– Rrrr... – сказал Саша, – ротонда? – Он выздоравливал на глазах, в режиме ррреального времени. – Ротонда... Ну конечно, без вариантов. Дадите почитать?

– О! Легко! Сочту за честь. Прямо сейчас и перешлю.

«Ротонда» отправилась из моего смартфона в Сашин, ее прибытие обозначилось звуком, изображающим брачное пение лягушки. Как долго она сочинялась и как быстро отчалила-причалила. Саша тут же скачал себе вордовский файл и углубился в чтение.

– Саша, – сказала я нежно и бережно, любуясь человеком, читающим с небольшого, выставленного по горизонтали экрана мой текст, – вы ее прямо здесь собрались читать? Там сорок тысяч знаков. Тридцать девять тысяч девятьсот девяносто четыре, если быть точной.

– Да, конечно, – сказал Саша. – А знаете что? Давайте собирайте вашу компанию. Съездим еще в одно место. Львовское, или пост-львовское – будем разбираться на месте.

Вечер становился томным. Мне нравилось думать, что я каким-то волшебным фокусом вылечила Сашу. От загадочного ментального расстройства. Или просто вернула его назад, на общую волну.

– Отлично. Скоро как раз все приедут... Ася с Марком возвращаются послезавтра. Из Суздаля...

Я произнесла «из Суздаля» и, походу, подивилась на фонетический кунштюк. Два «з» совсем близко, еще и «с» между ними, и, о диво: в тесном пространстве девяти букв возникает простор, задувает свистящий ветер, даль, красота Ополя, и нежное, ледяное хрустальное «ля» в конце.

– Суздаль тоже ведь львовское место. Вы, конечно, в курсе? – Саша посмотрел из-под очков строго и вопросительно.

– Так. Сейчас...

Саша молчал с кротким терпением. Звучали на разные лады «Братья Караваевы»: голоса, звяканье приборов о стекло, блямканье микроволновок, шипение кофе, пиканье смартфонов, ходящая туда-сюда дверь. В этой условной тишине я заглядывала в кладовые памяти, там было темно, тесно и по киношному туманно, будто кто-то напустил бутафорского дыму, я никак не могла прочитать, увидеть, разобрать...

– Летопись.

– Да! Да! – в азарте Саша взметнул чашку, едва не расплескав чай, и через стол коснулся моего лица своим. Нос у него был холодный, как у здоровой собаки. – Совершенно верно! Летопись, найденная в архивах Спасо-Ефимьевского монастыря. Легшая в основу шестой его книги. Собственно, летопись с его редактурой и комментариями. Эту книгу читал и ценил Пушкин, вы, конечно, в курсе? *«Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Нашел и издал Н.Л. Спб, 1798».*

Саша залпом допил свой чай, откинул со лба челку.

– Знаете, я вдруг понял, о чем нужно думать и говорить! Почему он в нас, так сказать, стучится... Да просто он созвучен, со-временен нам психическим укладом! Такой хорошей торопыжестостью. Жадностью до жизни. Введенностью... *Казалось, что время за ним не поспевало*, писал о нем, кажется, Хемницер. Его распирало. Он жил проектами. Кто еще в XVIII веке жил проектами? Ломоносов... Новиков... Болотов. Причем проектами разноплановыми! Бесконечно значимыми и важными! Созидательными. Просветительскими. Я просто офигеваю от этого, правда (я офигела, услышав такое от Саши). И он честно на них зарабатывал. Ну, пытался... Знаете, меня очень тронуло, и даже умилило, что он продавал фрукты. Которые выращивал в своих продвинутых оранжереях на даче у Охтенского перевоза. Сейчас, как там (Саша заглянул в книгу, открытую у него в голове, нашел нужное место) *«...в угольном каменном желтом г. Статского Советника и Кавалера Львова доме продаются все имеющиеся в саду и оранжереях фрукты, как то: априкозы, персики, клубника, смородина, вишни, малина и пр., из которых часть уже к снятию и продаже поспела. Цену скажет садовник».* Это так современно, практично. Прогрессивно. Хотя, много ли заработаешь на фруктах? Еще. Львов ненавидел... нет, слишком сильное для него слово – презирал чиновников. Эти суки (я вздрогнула) постоянно чинили ему препятствия...

Чиновники не от слова причинять произошли? ...Смотрите, что он пишет графу Кушелеву, докладывая тому о своем изобретении. Львов, знаете же, открыл состав, предохраняющий снасти и паруса от гниения. Он добавляет (Саша настроил экран у себя в голове и прочитал с выражением): *«Препоручая опыт онаго доброму ко мне расположению вашему и известному усердию Вашего Сиятельства к службе отечества, покорнейше прошу в Адмиралтействе не называть изобретателя. Я так несчастлив во всех делах моих, что одно мое имя достаточно остановить успех и полезного дела».*

– От слова чин.

– Что? – вздрогнул Саша.

– Чиновники от слова чин. А не причинять...

– Да. Конечно. Николай Александрович отличался повышенной совестливостью. Поинтеллигентски радел о справедливости. Заботился обо всех этих землебитных учениках, об угольщиках. Для последних даже хлопотал, пытался ввести особое обмундирование, казенное платье, но Павел послал его подальше, мундиры, де, для военных. Отдельная тема – его удивительные отношения с покровителями. Совершенно особые, полные, я уверен, достоинства и паритетного начала. Но и загадочные. Например, с Безбородко. Вы со мной согласны?

Вместо ответа я вывинтилась из-за стола и поцеловала Сашу в бородастую щеку.

Мы расстались у Арбатской. Саша сел в метро, я отправилась пешком до Китай-Города, через Александровский сад.

Я думала о своем городе. Отношение у меня к нему по-родственному снисходительное, требовательное. Такая любовная ворчливость, на грани брюзгливости, типична для некоторых интеллигентных пожилых пар, состарившихся вместе. Они всегда видны, заметны. Идущие по улице, могут даже не держаться за руку/под руку, просто двигаются рядом, медленно, враскачку или хромя – старые солдаты любви.

...Город тек людьми, перемешивался ими, хмурыми, разными. Ближе к центру люди делались краше, изящней, улыбчивей, элегантней. По краям их можно было встретить в трениках, шлепанцах, цветастых халатах.

Даже кое-где в центре город щерился стройками, дыбился кранами, цвел утешительными баннерами, клумбами тоже цвел.

В той части, где жила я, город был примитивно угловат, заборист, приятно запущен, что сказывалось количеством буйной зелени во дворах. Он не пытался изображать из себя европейского улыбчивого красавца. Здесь имелись действующие, вполне обихоженные голубятни, порой пробегали ничьи собаки, бородой дикого винограда обросли ограждения, что было даже красиво.

Стоял на перекрестке фонтан непонятно какого времени и роду-племени в виде чаши с примостившимся на ее краю бесформенным от частого крашения ангелком...

Люди здесь были средние, не элегантные, нескладные, корявенькие, но все-таки не в халатах.

Удивляясь сам себе, ярко цвел освещенный вход свежестроенного метро.

Сплошным серым шоколадом лежала новая плитка.

Нормально, жить можно.

И тоже Москва.

Кстати о Москве. Москва похожа на гранат, фрукт. Это мы открыли, когда участвовали в одном... гм... проекте, брендинго-ребрендинговом. Для которого нужно было сочинить фирменный стиль Москвы.

Среди двух предложенных нами вариантов была концепция Москвы-граната...

Легко догадаться, что мы ничего не заняли, не выиграли и не получили. Но метафора осталась, метафора неплохая.

И наоборот, гранат похож на Москву. Если вытряхнуть из него все зерна, упаковать их обратно в тот же объем не получится. Просто не влезут. Феномен умной сверхкомпактной упаковки, – у Москвы такое называется «резиновая».

Гранат похож еще и на секс, на страсть. Гранат начинается и длится столько, сколько длится, ничто другое в это время не существует. Закончится гранат только когда закончится.

Гранат красит руки, портит маникюр, от него появляются заеды на губах, может бурлить в животе.

Фанатики гранатов светятся в темноте рубиновым гемоглобиновым кремлевским светом...

А вот, например, упомянутый Суздаль.

Что обидно. Мы много раз бывали в Суздале, но ни разу по львовским делам, это началось позже.

Отношения с Суздалем всегда были странные. Город контрастов. То приедешь в конце девяностых, в ноябре. В безлюдном почти деревенском городке сядет на хвост подросток, будет ходить по пятам, не отставая, тенью, и клянить, сколько ни дай. То прибудешь в лютый мороз, греться в музеях и блинных, тереть щеки и непрозрачные очки. Красота, застревающее в горле дыхание, алмазное сверкание, вертикальные дымы, минус двадцать пять.

Несколько лет назад заехали сюда в день огурца, случайно, по дороге в Ивановскую область. Суздаль стоял заставленный лендроверами, как прихожая обувью. Гости города фланировали, кафе и рестораны работали на износ, огурцы продавались во всех видах, включая огуречное варенье, похожее на водоросли с сахаром, здешний специалитет.

Мы плюнули тогда, не остались здесь ночевать, уехали в Кидекшу. А то какая-то прям Рублевка...

Еще попытка. Надолго, на неделю, сняли домик в тихом секретном месте. Привезли лыжи и книги. Повезло с погодой: умеренный мороз, замерзшая Каменка, березы в белых маскхалатах.

Застали относительное безлюдье.

После 30-го, конечно, началось...

Уворачиваясь от буранов, катили на лыжах по реке, смотрели на Суздаль снизу вверх. Каменка здесь довольно широкая, изгибистая, обсажена церквями и монастырями. Отталкиваясь от белого, неслись по белому мимо длинных белых торговых рядов, лично знавших Вицына-Бальзамина. Вечером все это горело золотом щедрого электричества. Даже лошади в Суздале светятся синим и красным, у саней электрифицированы дуги и полозья. Едешь, сверкаешь, завернутый в доху, в клубах пара, в запахе рыжего Добрыни или каурого Гордея.

Для усиления праздника и для контраста одна повозка стилизована под тачанку-ростовчанку, возникший – в бурке, кубанке и с саблей.

Вечером один берег снежный, молчаливый, таинственный, другой – нарядный, светский, разудалый. Улица Ленина сияет и манит огнями рестораций: ИМПЕРИАЛЬ, ГРАФИН, ОГУРЕЦ. Весь Суздаль – сплошные торговые ряды: ряды носков в снегирах, варезек в рябинах, расшитых тулупов и валенок, горшков и крынок. Хозяйки искушают укутанными пирогами и замотанными сбитням. Можно сфотографироваться с соколом, метнуть копьё, скатиться с городского вала на ватрушке.

Публика молодая, модная, сытая, веселая, и огни, огни.

Наигравшись, насмотревшись, выпив глинтвейна, дыша корицей и кардамоном, хорошо уйти к себе на другой берег – читать, играть в ассоциации, пить чай, спать.

Запомнилось от той поездки сильнее всего, как бежали на лыжах по белой Каменке, и носки, вязанные носки.

Белые, душистые, в рельефных ромбах, шерстяные. Я купила их для подружек-соседок. Думала: вложу в носок одной – банку огуречного, другой – варенья из шишек, подарю, вот обрадуются.

Сто пятьдесят рублей ручной вязки шерстяные носки!

Почему я не купила все носки города Суздаля?

Ведь копейки, за такую радость...

С запахом сказочной козы белые мягкие утешительные носки. Чтобы стать счастливым, даже надевать не обязательно... Посмотрел, погладил, повеселел.

Приложил ко лбу – подумал о хорошем.

К горлу – чисто, красиво спел Harry New year.

На живот – сладко уснул...

Что будет, если использовать их по назначению, даже не знаю... Обратишься лебедью белой, улетишь из Москвы в сказочную даль, Суз-даль.

(Согласно этикетке, носки оказались из Кировской области. Но их обаяния это не отменяло.)

...И вот мы занимались в Суздале всем чем угодно, пили глинтвейн, катались на лыжах, и в Спасо-Ефимьевском монастыре были несколько раз, а Львова там так и не прочухали.

Ужас начался пятнадцатого ноября. Это день стал водоразделом, экватором. До середины ноября все у меня было хорошо и даже прекрасно, после – покатилося, понеслось, и на возрастающей скорости я въехала в худший период своей жизни.

...С другой стороны, разве кто-то обещал, что нас минуют болезни и уход близких? Что-то я не припомню такого пункта в договоре.

На нет и суда нет.

А пока на календаре значилось пятнадцатое октября. У меня, но я этого пока не знала, имелся в запасе целый месяц счастья, беззаботности, свободы, восьмичасового сна. Потом сна не стало вовсе, ни в одном глазу, месяцы свистящей гулкой бессонницы.

В субботу пятнадцатого октября погода была подарочная: эмаль, хрусталь, золото, багрец. Из года в год в такие дни все наперебой цитируют Пушкина, и, на удивление, это совершенно не бесит. Наоборот, крепнет понимание, что раз никто до сих пор лучше АС не описал происходящее, то не стоит и пытаться.

В такие дни люди как бы находят общий язык, язык этот прекрасен и все им владеют, худо-бедно.

Наш следующий Сашин адрес был: улица Горенки дом шесть корпус восемь. Встретились на дублере Горьковки, больше известной сейчас как М7, у желто-белых каменных врат, запертых, но калитка была открыта. Из-за ворот выпирал, золотился парк, желтели усадебные постройки, манила въездная аллея. У забора были припаркованы три машинки, наша встала четвертой.

Генерал каменных усадеб с заметным рюкзаком уже переминался у ворот. Саша, я отметила это с удовлетворением, выглядел гораздо лучше, чем в прошлый раз. (Я была уверена, что вылечила его.) Глаз горел, борода и челка были аккуратно пострижены, очки крепко держались на носу, руки пребывали в покое. Одет наш главный был с неожиданным щегольством и некоторым подвохом: песочный тренч, широкие укороченные штаны, модные

крепко держались на носу, руки пребывали в покое. Одет наш главный был с неожиданным щегольством и некоторым подвохом: песочный тренч, широкие укороченные штаны, модные преувеличенные кроссовки, это ломало его мощный, но в чем-то и уязвимый историко-архивный стиль. Видны были замысел и заботливая женская рука. Сменил подругу?

– Все? – наш вождь оглядел, пересчитал нас взглядом, недосчитался Галки, но она уже выкидывала длинные ноги из желтого яндекс-такси. Наша подруга, в пандан Саше, выглядела как действительный член русского географического общества, не хватало только сачка. – Все! – с удовлетворением заключил Саша.

Так я впервые попала в парк Горенки. Расположенный, как всем прекрасно известно, в Балашихе. В преступной близости к МКАД, к Москве. Преступной в том смысле, что почему мы, т. н. культурные люди, до сих пор здесь еще не побывали? Сами, без поводыря...

...В Балашихе, куда я вскоре поселю Евгению Рождествину, суррогатного автора «Ротонды». Чтобы подать текст (в настоящий момент уже написанный) на престижный литературный конкурс.

А пока стояло пятнадцатое октября, суббота. Солнце поливало листву рафинированным маслом, неярким, осенним, с той стороны тянуло лесом и тишиной, и просто тянуло, и было хорошо.

Мы вошли в парк.

Горьковка перестала звучать и фонить, как только мы пересекли границу. Старинный парк сразу начал прорастать в нас своими ветвями и веточками, стволами, листвой; такой визуальный прием широко используется в кинематографе. За триста метров неторопливой ходьбы, отделяющих шоссе и ворота от главного дома, с нами произошли небольшие структурные изменения.

Саша, по своему обыкновению, выстроил нас подковой против фасада.

– Красиво, – сказал Марк с ленцой. – Алексей Кириллович понимал в жизни.

...Конечно, в субботу и в такую погоду мы чисто физически не могли оказаться единственными посетителями парка. Было, мягко говоря, людно. Прогуливались в одиночку, семьями, парами. Много было молодых родителей с колясками. Мало того, в беседке метрах в пятидесяти от нас развернулся штаб чего-то вроде детской олимпиады. Участники в фиолетовых шейных платках то и дело подбегали с маршрутными листами и неслись дальше.

То есть никакого мистического флера, заповедного мотива.

То ли дело наш интимный поход в запретку, во дворец на Гороховом поле...

– Вы абсолютно правы, – не смутился Саша, – Алексей Кириллович Разумовский был человек хорошего вкуса. И к тому же очень деятельный, разносторонних интересов. Что, безусловно, роднит его с.

Так и закончил: – с.

– Но вы же не хотите сказать, что эти постройки – дело рук Львова? Об этом не сказано ни в одном источнике, – пискнула я. – А я о нем маненько почитала...

У входа в правый флигель мужчина с бородой фотографировал невысокую и полную молодую женщину. Она позировала, откидывала назад прямые волосы цвета бронзы, прикладывала к плечам и груди красную прядь дикого винограда, с изяществом меняла позы. Женщина перехватила мой взгляд, у нее было красивое лицо и глаза светлые как ртуть; я отвернулась.

– Мы с вами сейчас как раз и разберемся. Так сказать, на месте. Авторство усадьбы приписывается... кому? (Саша строго посмотрел на всезнающую Галину. Хотя, конечно же, мы все заранее почитали про усадьбу Горенки.)

– Адаму Менеласу! – отчеканила Галка.

– Ох уж этот мне Адам, – сказал Саша с лекторским кокетством. – Позже мы еще обсудим вашего Адама. А пока просто смотрим, сравниваем, анализируем.

– Кстати, здесь сейчас что? Спросите у вывески: – Центр внелегочного туберкулеза¹, – прочитала я на табличке, подходя вплотную.

– Бывший санаторий «Красная роза». Назван в честь кого? – Розы Люксембург. Существует с 1926 году. Отличник отрасли! О нем очень хорошие отзывы, я бы сказал, душевные. Скажем спасибо этой организации за относительную сохранность усадьбы.

– Портик с шестью колоннами... ионического ордера. Два двухэтажных флигеля. Один из них арочными проходами. Флигели украшены парными колонками, так-так-так... тосканскими... я предпочитаю считать их дорическими. – Марк производил опись увиденного.

– Открытая колоннада ведет к причалу – когда-то здесь был причал...

– Будьте осторожны, там опасно. Держитесь подальше от колонн, они осыпаются!

– Южный фасад... Ого, это грандиозно... Колонны... колоннищи... четырнадцать штук. Ордер – ионический.

– Здесь... только, прошу, умоляю вас, на сверните шею... парадная лестница. Фото с орлами вы конечно видели? Нет?! Как нет? Ну и ладно... Что уж прошлое ворошить (с горькой иронией).

– Колоннада закрытая с павильоном. Сохранность намного лучше.

– А здесь у нас... так... грот! Да, да, можно войти. Только осторожно, и со скидкой на общедоступность. Туда родители пускают детей. Приводят школьников...

В виде описи это занимает несколько абзацев, но на осмотр здания и прилегающих территорий у нас ушло больше часа. Мы даже взмокли, физически и психологически не готовые ни к таким расстояниям, ни к октябрьскому теплу. Усадебный комплекс был по-настоящему большим, изрядно поеденным временем и растительностью. Со стороны южного фасада невысокие деревья и кусты сплелись в джунгли. Парадная лестница была источена травой и корнями, мы спускались со стариковской осторожностью. Не забывая, конечно, снимать-фотографировать. Несмотря на запустение и разрушения, пусть и не самой последней степени, здание все-таки было жилым, не заброшенным.

Саша заманивал нас в недра парка:

– У меня там есть одно место... Засидка, уютная... Там никто не помешает. Заодно и все обсудим.

С хрустом, треском и топотом мы прошли сквозь лесную толщу и всемером ввалились на Сашину поляну, густо оплетенную бересклетом и похожую благодаря этому на корзину. Место и вправду оказалось славное. И популярное, мы спугнули немолодую обнимающую пару. Полноватая шатенка, встряхнув волосами, запахнула плащ. Ее спутник был красиво сед и спокоен.

...Влюбленные – само по себе уже прекрасно и волнующе, я их сразу поприветствовала, но они не пошли на контакт. Не дав собой полюбоваться, мужчина и женщина ускользнули в заросли.

– А кстати, – проводив их строгим взглядом, сказал Саша, – здесь совсем недалеко, в паре километров, находится дача Мейерхольда. Которая на самом деле дом Есенина, просто он достался его жене. Музея нет, но здание сохранилось. Имеется памятная доска. Широко известен эпизод, когда в середине двадцатых годов в Париже Мейерхольда с Райх арестовала и оштрафовала полиция нравов. За поцелуи в общественном месте. А ему тогда было за пятьдесят! Что в общем-то совсем не много, по нынешним меркам (добавил Саша поспешно). Полиция обалдела, когда узнала, что пылкие влюбленные – муж и жена...

¹ Центр внелегочного туберкулеза (ЦВТ) в Балашихе закрылся в марте 2020 (Прим. автора).

– А теперь собираем пазл. Предупреждаю – окончательно он не соберется. Частично, в лучшем случае. Я не знаю решения. Может, вместе мы продвинемся дальше... Но поиграть все равно же интересно, правда? Викторина: насколько хорошо я знаю наследие архитектора Львова.

Саша-затейник смотрел на нас с веселым вызовом. Поиграть! Он был моложе нас в среднем лет на десять, а вот сидит теперь на пенке (складном стульчике), экзаменует почтенных людей.

Солидный Марк, не дожидаясь наводящих вопросов, сказал со скукой в голосе:

– Открытая двойная колоннада – это прям живая цитата из Знаменского. Только здесь для прохода предназначено пространство под колоннами, а в Райке – и над, и под. Там это как бы такой парящий, висячий променад. Но сама идея колоннады-променада – явный отсыл к Райку и Львову. Там замкнутый овальный двор, здесь – крылья...

Саша кивнул. Я выкинула руку, раз уж у нас викторина:

– Полуротонды! Визитная карточка Николаевича Александровича. Правда, здесь они с плосковатым куполом, не особенно выраженным.

Наш вожак снова кивнул.

– Мне кажется, балюстрадки в сочетании с парными колоннами – это львовский почерк. И снова отсыл к Знаменскому, – сказала Ася и показала на экране флигель.

– Эй, ну а грот? В качестве хозяйственной постройки, винного погреба – а не просто павильона – это же Львов в квадрате и даже в кубе. К тому же он каменный, валунный, сколь я поняла. Это вообще его фирменное, вспомните новоторжские усадьбы, включая собственно Никольское-Черенчицы.

– Заказчик проекта Алексей Кириллович Разумовский. Как и на Гороховом поле.

– Как и на углу Воздвиженки и Грановского. Наугольный дом! – вставила я свои пять копеек, эксклюзив. Галя_синдром_отличницы посмотрела на меня тревожно и вопросительно. На что я и рассчитывала...

– К тому же парк. Система разноуровневых прудов, вся эта гидросистема, вообще львовская тема. Вспомните проект парка для Безбородко... Пруды в Василево. В Черенчицах. В Райке.

– Ну так и чо? – спросила конкретная Галка. – Я не поняла. Это Львов? Или не Львов?

Саша прошелся туда-сюда, заложив руки за спину и хрустя хворостом; наш лидер длил мхатовскую паузу.

– Я – не знаю. Свечку не держал. Ни единого упоминания, что Львов имеет отношение к этому проекту, я не нашел. Хотя искал, как вы наверное догадываетесь, не в википедии...

Мы внимательно и даже взволнованно слушали Сашу, а смотрели, честно говоря, по сторонам. Такие осенние ясные дни – на вес золота. Мы знали, что нам предстоит вскоре (ноябрь, зима), и хотели напиться щедрым светом, горьким воздухом, шуршащим златом, голубой эмалью. В пасмурной погоде есть своя элегическая прелесть, не спорю, но до этого нужно дойти умом, а солнце воздействует на чувства, мышцы лица, непроизвольно радуешься, и все тут...

Постройки, которые Саша цитировал, из нашей укромной лесной обители видны, конечно, не были, но у каждого имелись шпаргалки в телефоне.

– Усадьбу в Горенках связывают с именем Адама Менеласа. Что логично, дворец Разумовского на Гороховом поле так же приписывают Менеласу. Но строить и быть автором проекта – не одно и то же. Совершенно разные вещи! Менелас мог просто цитировать Львова, будучи его верным учеником и, как утверждают, преданным другом. Последователем. Можно было бы предположить, что этим проектом он почтил память учителя. Но – не сходится, друзья... Постройку относят к самому концу к XVIII века! Львов еще жив, хотя уже совершенно не здоров.

Я слушала про болезнь Львова. Что же это было? Неужели удар? Не узнавал детей... Ходил на костылях. Долгое время был в отключке, только вот неизвестно, до какой степени. Не мог писать, но писали под его диктовку. То есть интеллектуально был активен всю дорогу.

– Вспомним, кто таков был Адам Менелас. Специалист узкого профиля, каменщик, мастер сводов. Нет, конечно, он накачал в России компетенции, работая под началом такого ослепительно талантливого архитектора. И по-человечески, и по-учительски щедрого. Настоящего просветителя. Они сотрудничали, можно сказать, с самого начала. Львов привлек его к своему первому масштабному проекту. Собор в Могилеве. Вы же знаете историю этого, так сказать, тендера? Участия Безбородко (мы знали, покивали). Так вот, пока за дело не взялся Менелас в качестве прораба, все шло ни шатко, ни валко. Мучительный долгострой. Строительные работы длились ни много ни мало семнадцать лет. До 1797 года! Третью его короткой жизни! – голос у Саши дрогнул.

Все смущенно потупились, особенно я. Мне хорош знакомо этот эффект, комок в горле, когда нужно набрать полную грудь воздуха и ненадолго замолчать, чтоб осадить слезы, не дать им случиться, унять трясущееся горло.

...Есть стихотворение известного питерского автора, которое мне ни разу не удалось прочитать до конца без этих стыдных пауз. Заставляющих слушателей испытывать неловкость и отводить глаза.

Только я не знала, что такое бывает у молодых мужчин.

Нас спасли яблоки, коньяк и бутерброды: решено было перекусить. Градус настроения немедленно поднялся, все заулыбались, обрадовались предстоящей пирушке, даже Саша. У Саши в рюкзаке нашлась бутылка пятилетнего «Коктебеля», сразу видно серьезного человека. Правда, сопровождали коньяк тепловатые сырники в слоях фольги, не успел позавтракать, смущенно сказал Саша в свое оправдание. Трезвенница Галина захватила термос, а мы, ей назло, крошечную спиртовку, котелок, чай, воду.

Обед сервировали прямо на земле. Ася-эстет соорудила скатерть из неестественно больших кленовых листьев, подобрав их по цвету.

Налили по первой. Честно говоря, для коньяка было рановато, но мы существовали в собственной временной метрике, и уже не факт, что в этом веке. У нас были свои порядки. *«Жаркой розой глоток алкоголя разворачивается внутри»*, – лучше не скажешь о том, что мы испытали, кроме Гали, она пила чай, но глаза блестели и у нее.

Саша интересовался моделью спиртовки, ел, пил, его опрятная борода мирно шевелилась, и в ней не было ни единой крошки. В игрушечном котелочке булькало, желающим предлагали чаю, но в основном все пили пока коньяк, а на предложение Мити совместить его с чаем, добавив первое во второе, вслух изумились убожеству подобной затеи...

– Кстати, – сказал Саша. – Или некстати. Вот Торжок. Самый львовоцентричный город. Львова здесь чтят и, можно сказать, помнят. Почти как местного святого... Давно там были? Я две недели назад... Ходил по туристическим точкам и прицельно изучал сувенирный ассортимент, связанным с Николаем Александровичем. Открытки, буклеты, магнитики, все такое, керамика, выжигание по дереву. Но поразили меня спички. Крошечный коробок, меньше стандартного, из фанерки. Выжжено по трафарету лицо Львова, коричневая графика на светлом фоне. Практичный сувенир, функциональный. Чиркать, конечно, не по портрету, а по боковым граням, но все равно, знаете ли... «Рано сгорел» – этим они, что ли, вдохновлялись, братья-сувенирщики?

Я с тревогой взглянула на Сашу. Он спокойно откусил половинку сырника.

– Я вам скажу так. У меня нет сомнений, что дворцовый и парковый комплекс в Горенках имеет отношение ко Львову. Я чувствую его присутствие. На молекулярном уровне. Доказать пока не могу, но все возможно. Всплывают документы, чертежи, письма... Конечно, включить Горенки в официальный экскурсионный маршрут пока еще рано, но... Вас же я сюда вытащил, в Балашиху... В порядке дружеского эксперимента... И для обкатки гипотезы.

– За это надо выпить. Правда, Саша, мы очень вам благодарны. В том числе за доверие. Все это бесценно... (Митя взмахнул руками) и драгоценно, – он смутился пышных слов и склонился над подставленными кружками, разливая. Даже Галя протянула толстостенный колпачок от термоса.

Мы растроганно брямкнули чашками, и тут на поляну пушечным ядром вылетела большая собака. «Клайд, ко мне!», – неслось сзади, но животное, obeжав территорию и размахивая палкой хвоста, уже обнюхивало наши припасы, то, что от них осталось. «Клайд, фу!» – увещевал пса крупный мужчина, раздумавшийся от бега по кустам, исхлестанный бересклетом.

По законам композиции нам следовало оставить, передать поляну новоприбывшим, как сделали пару часов назад немолдые влюбленные.

– Ну что? Думаю, нам пора собираться. Программа выполнена, – озвучил Саша общую мысль, вставая с алюминиевого табуретика, – Пробежимся до Мейерхольда, тут недалеко?

...Вот почему я почти не задумываясь поселила мнимого автора (авторку) «Ротонды» в Балашиху. Это было последнее из явленных мне львовских мест. (Что бы я там не болтала про светофоры, дачу, Нижний и Йошкар-Олу.) Рассказ с притороченной информацией об авторе и контактными данными полетел на конкурс, одновременно с еще двумя, но те с другого электронного адреса. Ждать от конкурса успеха, признания и особенно дензнаков – дело априори глупое и неблагодарное, и я поспешила забыть обо всей этой истории и о «Ротонде».

В следующий раз в Санкт-Петербурге я оказалась в самом конце февраля, одним днем, по довольно приятным рабочим обстоятельствам, которые исчерпали себя за два часа. Я наслаждалась одиночеством, свободой, исчезновением с радаров, бегством из грустной траурной Москвы. Но стоило, сидя в «Брынзе», выложить эффектное фото Банковского мостика, в телефоне захлопало, пришло сообщение.

Татьяна вы в Питере

Да сегодня вечером туту (эмоджик выражающий вежливое раскаяние).

Я тоже в Спб Сможете присоединиться через час

Вопросительного знака последняя фраза не содержала.

Что мог прочесть опытный человек (я) в последней Сашиной реплике? Что Саша возбужден. Что, скорее всего, его приглашение без знаков препинания связано со львовским вопросом. Что наш усадебный генерал нарыл что-то спорное или узкосенсационное и хочет поделиться. Или, что вероятнее всего, обкатать на мне гипотезу. Его находка, почти наверняка, в черте города.

Где во сколько

Угол Бакунинского прс Синопской наб. ч час

Ок

Как приятно без церемоний.

На месте Саши не оказалось, но припорошенная снежком серенькая «Рено» заговорщицки мне подмигнула. Больше некому, полнейшее безлюдье.

Из машины вылез Саша и еще долговязая фигура. Фигура сразу закурила.

– Татьяна. Артем, – представил нас Саша. – Мой старый друг, учились вместе. Коренной петербуржец, – в Сашином голосе прозвенело неподдельное уважение. – А с Татьяной у нас общие интересы в области архитектуры конца XVIII века. Она...

– Москвичка. Коренная, – не удержалась я. – Мне очень приятно, – я протянула руку Артему. Высокий, бледный, с выразительным актерским лицом, он был похож на покойного артиста Авилова из театра на Юго-Западе. – Вы случайно не актер?

– Почти, – ухмыльнулся Артем. – Пиарщик. В музейном объединении.

– Время, друзья мои! У Татьяны вечером поезд. Давайте посмотрим направо...

– Сань, – прервал своего товарища Артем, – я в машине подожду, у меня работа! – он помахал смартфоном.

Саша кивнул, он был уже не с нами. Здесь, но не сейчас.

– Место, где мы находимся – угол Синопской набережной и Бакунинского проспекта. А прямо тут (взмах в сторону парапета и пустоты за ним) был Малый Охтенский перевоз.

– Дача Львова?

– Да. Совершенно верно! Как близко к центру, правда? Десять минут на такси... Во второй половине XVIII века это была полная ж... болотистая глушь. Именно здесь Николай Александрович получает два участка земли, сначала один, после другой. Помните – «априкозы»?

– Саша. Послушайте, все это интересно, но поймите правильно. Просто чтобы вы понимали... Львов для меня уже немножко не актуален. Я давно закончила, отпустила свою... текст. И даже забыла бы о нем, если б не одна противная история.

Саша вскинул небольшую академическую ладонь в вязаной варежке.

– Татьяна. Умоляю. Потом расскажете, хорошо? Сегодня нам нужно успеть еще в одно место. Артем подбросит. – И, потеряв щеку: – Кстати, я не удивлен. Что «Ротонда» тянет за собой продолжение истории. Но это все потом...

– Налево дом 32/35 по Синопской набережной. Здание бывших бань Кошмакова. Бани – просто пометьте себе в голове. Сейчас здесь нет ничего, что нас могло бы заинтересовать. Львову этот участок земли принадлежал с 1780-го. В 1799 году он продал часть земли со строениями купцу Крону, и почти сразу здесь случился пожар... Известно, что имелся усадебный дом, помните, «Большой угольный желтый дом Статского Советника Львова»?..

– Угольный?

– Да. В смысле, угловой. Дом обоими фасадами был вписан в городскую застройку, а на задах был изрядный сад, хозяйственные сооружения. От дачи не осталось ни следа. Но есть документ. И какой... Правда, нужно уметь его читать, – Саша сдернул зубами варежку и принялся тыкать в экран телефона: – Вот!

Тусклый рисунок, несколько линий и цифр, подписи.

– Нежилой амбар из досок, видите? На сваях. Это пристань. Что значило – Нева подходила значительно ближе, чем сейчас... Загородная дача статского советника, усадьба и при ней пристань с амбаром. Странновато, да? Возле Охтенского перевоза. Для чего? Для

торговых нужд! Помните, в «Братьях Караваевых» мы обсуждали его предпринимательскую деятельность, торговлю фруктами? Николай Александрович пытался заработать. Пускался в несвойственные... для людей его круга торговые... гм... махинации. Торговал хлебом. Догадайтесь, кто был его партнером в этой авантюре. Ну? Поэты торгуют мукой и овсом.

– Так. Это у нас какой год? 86-й. Хемницер уже в могиле. Капнист в Малороссии. Державин?

– Да, – Саша красиво взмахнул заиндевевшей бородой. – Гаврила Романович собственной персоной. Партнер Львова по этой негодии. Слово красивое, да? Всегда удивлялся полному несоответствию формы и содержания... Два поэта придумали заработать денежек на торговле хлебом. Смотрите, неурожайный год. В столице подскочили цены на хлеб. А Державин как раз губернаторствует в Тамбове. На югах. Закупает партию зерна и баржой отправляет в Санкт-Петербург, – чтобы Львов здесь ее продал. Николая Александровича, видимо, вдохновил опыт соседа, купца Калашникова. Его имя, кстати, одно время носила вот эта самая набережная (Саша притопнул каблуками). Смотрите, Львов пишет Державину, интересуется (Саша уставился в точку и прочитал): *«Что нужно и когда сделать по хлебной спекуляции, пришли мне операционный план, потому что я по невежеству моему в подобных делах полная свинья»*. Как вам? Спекуляции, операционный план... Сетует на собственное невежество, узнаю львовский системный подход. Где бы ему было подкачать компетенции, поучиться навыкам торговли? А негде! План, потребовавший немалых финансовых вложений, с треском и блеском проваливается...

Львов не оставляет попыток заработать. На схеме, вблизи общественных торговых бань видим еще одну постройку. Трактир «Торжок»! Как вам? Кто бы еще мог построить трактир с таким названием? Только Львов, новотор, новоторжец, его даже друзья так называли. А я бы сейчас зашел погреться в трактир «Торжок», – Саша перевел дыхание, выпустил облачко пара. – Вот вы не поверите. Я гуглил «трактир «Торжок», название удачное, – нет! Нет такого трактира! Был всего один, примерно вот здесь. Похоже, тоже прогорел. Плохой из Львова получился предприниматель...

Я попыталась свести информацию воедино. Кули с мукой и овсом, илистый берег Невы, окраинный трактир «Торжок», пьяные купцы отмечают сделку. Можно предположить, что здание трактира было не лишено известного изящества. Если даже винный погреб и дровяной сарай под рукой Львова становились шедеврами архитектуры...

– Но нет худа без добра, – не утихал Саша. – Догадайтесь, какую выгоду смог получить Львов от всей этой истории? Выгоду в чисто львовском смысле. В его стиле и духе... Ну, сообразите? Вы же знаете его библиографию, книги... Подсказка: близость общественных бань. Выводы, наблюдения, рацпредложения... Ну?

Я помолчала. Саша, как всегда, заполнил меня информацией выше ватерлинии. Я посветила фонариком в илистые глубины памяти.

– Вы имеет в виду... его печной труд? Из названия помню только пиростатику...

– *«Русская пиростатика, или употребление испытанных печей и каминов, кои посредством наружного воздуха нагревают покои»*.

– Во-во! Саша, чему я немного завидую, так это вашей памяти.

– А я немного завидую Николаю Александровичу. Я бы впал в отчаяние после такого провала! Ведь он же просчитывал, надеялся, рисковал. Деньги вкладывал... Такой стресс! У меня бы все опустилось, и надолго. Тянулось бы и тянулось послевкусие неудачи. А Львов уже изучает вопрос бань! Ужасается, сетует, сопоставляет, анализирует, пишет книгу. И издает. И какую! Актуальную, значимую... Проникнутую заботой о людях! Не знаю, читали ли ее владельцы бань, хозяева банных бизнесов. Правда, до конкретных предложений и чертежей дело так и не дошло, они должны были выйти в третьей части. *«Я несколько уже лет брежу полезным сим заведением, а свидетельство разных несчастий и самой смерти, недостатками торговых наших бань тем бедным людям приключенные, которые для здоровья в сию пасть влекутся, до того раненое мое воображение распалило, что я хотел*

просить, как милости, чтобы позволили мне на свой счет построить торговую баню, но, слава богу, проспался», – прочитал Саша у себя в голове.

– Поразительная память, – сказала я не Саше, а самой себе. – А символично, что в этом месте были бани, да? Банное место... Только у меня осталось два часа до поезда. Куда вы собирались меня везти?

– Уткин проспект, 2, – бросил Саша водителю небрежно и безлично, как таксисту. Мы сидели на заднем сидении довольно опрятной ухоженной машины. Над водительским зеркалом качался какой-то иероглиф на рисовой бумажке.

– Что, говорите, за «Ротондой» тянется след? Вы намекнули... Неприятности? Хотите, угадаю? Исходя из львовской матрицы, должны быть какие-то проблемы с авторством... Ну, кому приписывают вашу «Ротонду»? Пелевину? – и Саша заржал своей дурацкой шутке так громко и тряско, что у него свалились очки.

Даже водитель обернулся на Сашу с недоумением.

– Наверное, вы просто больше никого не знаете. Из современных писателей... Кстати, это лестно, Пелевин уже больше двадцати лет – лучший. Недавно появился еще один, тоже отменный. Но увы. Я сама назначила «Ротонде» другого автора. Какая-то чертовщина... Иногда жажда славы выбирает странные, корявые пути.

Я рассказала львововеду про конкурс, про текст, посланный с другого адреса, про свою ужасную зиму (я вам сочувствую, пробормотал Саша), про Евгению Рождествину, суррогатного автора «Ротонды», про Балашиху, про попытку опубликовать повесть и неожиданные результаты этой попытки. Про смену автором пола (но не имени) я тоже рассказала. Саша слушал внимательно, подавшись ко мне корпусом и бородой, кивал. Даже Артем на водительском месте прядал ушами.

– Публикация будет в июле. Редактор принял соломоново решение – кто первый встал, того и тапки. Кто первый прислал текст, того и публикация. С «лжеавтором» мы списались. Такой вроде дружелюбный... Евгений Рождествин. Договорились встретиться в конце апреля.

– Класс! – вывернулся с водительского сидения Артем. – Послушал с восторгом. Раз уж я тут. А меня вообще трудно заинтересовать. Профессиональная деформация... Хорошая история, люблю такие.

– Длинный, ты следил бы за дорогой, – грубо одернул Саша водителя. И мне, с непонятным мне оживлением: – Знаете, я совершенно не удивлен. А что вы хотите? Взялись за такой материал... Львов! Все уже найдено, проанализировано, описано. Информация в открытом доступе, бери не хочу. Все книжки оцифрованы и выложены. Не надо сидеть в архивах, пыль глотать... Слушайте, такое было уже сотни раз! Львов шел к одному исследователю, а потом вдруг резко сворачивал и уходил к другим. Похожая ситуация описана у историка культуры Михаила Ильина, и не только. Просто до сих пор это были культурные академические люди. Они понимали, что делают одно дело. В общих интересах. Поэтому ни дразг, ни ссор, дележей, мое-мое, никаких научных скандалов...

– До сих пор? Что значит – до сих пор? – от обиды у меня сел голос. – Я не собираюсь устраивать скандалов. У меня кишка тонка... А потом, вы неудачный пример привели, уж извините. Там – исследования, атрибуция, научные находки, факты, замеры. А здесь – художественный текст! Написанный мной, вручную. Со-чи-нен-ный! У которого внезапно обнаружился еще один автор...

– А вот и не подере-о-отесь, – пропел Артем. – Все, приехали.

Они забросили меня в поезд за минуту до отправления. Это было как сцена из фильма, даже проводница нам подыграла, показала лайк. Я взлетела на второй этаж, красная, запыхавшаяся, кинула в своем купе рюкзак на полку, вернулась в коридор и успела из-за фирменной шторки увидеть, как Саша и Артем медленно уезжают вместе с Московским вокзалом.

Женское купе было полностью укомплектовано. Опять не сбылась моя мечта ехать одной. На что зимой, во вторник вечером я гипотетически могла рассчитывать...

Верхние полки занимали мама-пенсионерка и дочка лет сорока пяти, они переговаривались усталыми голосами, с печальным умиротворением. Из реплик явствовало, что женщины возвращаются с похорон, каких-то очень удачных в организационном смысле. Дочь звали Зоей, я знала всего одну Зою, и подумала, у этих двух Зой, пожалуй, есть что-то общее. На другой нижней полке, видная мне из-под купейной столешницы, лежала девушка-студентка и смотрела вверх, изысканно-бледная, с длинноватым носиком, наверное, коренная петербурженка.

Я думала, сейчас завалюсь на свое девяносто третье место, спокойно переварю сегодняшний вечер. Аккуратно разложу все по полочкам, прочерчу в голове географию передвижений. Перелистаю фото и успею сделать огневой пост на FB – *гайз, гайз, кто догадается, что за место?*

«...так сказал Палладио» – послышалось сверху. Я чуть не упала со своей нижней. Совсем свихнулась на почве русского палландианства... «Сказали по радио», проступила в своем изначальном виде реплика Зоиной мамы с полки наискосок.

Все, спать, сказала я вслух, натянула простыню до подбородка и боком поплыла в черную тутукающую ночь.

– А похоже на Горенки, да?

В розовых сумерках мы бродили по Уткиной даче, даже оторвавшийся от смартфона Артем. Красота и гармоничность архитектуры входили здесь в жесточайший диссонанс с тяжелым, бьющим в глаза запустением. Горенки, конечно, сохранились гораздо лучше. Несмотря на мороз, будний день и вечернее время, мы были не одни. Прогуливалась, иногда мелькала за углом, опережая нас на один пролет, совсем молодая, подростковая парочка. Наоборот, постоянно маячила перед глазами, не выходя из поля зрения, пара взрослая, с замечательно красивой корги, задевающей снежную скорлупу низко висящим животиком. Не самое удачное место, и время, для выгуливания собачек такой конструкции...

– Служительский корпус – девятнадцатого века. Более поздний, – отозвался Саша. – То, что вы имеете в виду, в Горенках, тоже девятнадцатого...

– Я вообще никогда не слышала про это место. От слова совсем. Уткина дача, класс!

– Честно говоря, сам здесь впервые, – сказал Саша с мечтательной улыбкой. – Так что спасибо за компанию. Длинный, и тебе! – окликнул он Артема. – Вкратце, дача изначально принадлежала Марку Полторацкому. Упрощая, директору придворной певческой капеллы. Благодаря красивому голосу сделал шикарную карьеру при дворе, а сам из черниговского казачества. Нашел это сокровище Алексей Григорьевич Разумовский, который, помним, сам происходил из певчих и казаков, а стал «ночным» императором. Хотя я и не люблю такую оптику... Вышеупомянутые Горенки принадлежали Разумовским, но всю красоту там навел племянник «ночного» императора, сын его брата, Алексея Кирилловича. Это же касается усадьбы на Гороховом поле, на улице Казакова, где мы бы с вами были. Но вернемся к Полторацким. Про имение говорили, что он его себе «напел». Вторая жена Полторацкого,

первую схоронил, носила поразительное имя Агафоклея. Женщина во многих смыслах замечательная, обязательно найдите и почитайте о ней. Родная бабушка Анны_Я помню чудное мгновенье_Керн. Мать – только не падайте – двадцати двух детей. Одну из дочек, кстати, тоже назвали Агафоклеей. А где взять на такую ораву нормальных человеческих имен? (Я хихикнула.) Татьяна, вы же были в Красном? Где эта безумная церковь-ракета, копия Фелтеновской. Которую подлиза Полторацкий возвел, зная, что она нравится Екатерине... А в Грузинах были? Не могли не быть. – Я кивнула. Саша, похоже, следил за всеми нашими передвижениями. – Это все имения Полторацких! Здесь недалеко, выше по реке, было еще одно... Строительством мызы Оккервиль, как она тогда называлась, занималась сама Агафоклея. Уткиной дачей усадьба стала называться только через сто лет, в ходе семейно-наследственных подвижек. Есть мнение – о чем, полагаю, вы давно уже догадались – что здание выстроено по проекту Львова. Какие мы можем обнаружить доказательства сей гипотезы? – Саша посмотрел на меня строго, и я немедленно расправила плечи.

Меня больше не раздражали Сашины академические повадки и некоторая, порой, надменность. Жизнь слишком коротка (я посмотрела на часы), чтобы придавать значение интонациям и модуляциям...

Я выпрямилась, задумалась, отчеканила.

– Фасад украшен четвертушкой ротонды. Это его автограф. Осьмушка ротонды там, где черный вход. Четыре колонны тосканского – хорошо, дорического ордера. Знаменитое чувство ансамбля.

(Сам, бля, один, бля.)

Саша благосклонно кивнул, простер руку профессиональным жестом.

– Обратите внимание, как эффектно поставлено здание. Какой открывается вид (большая вода, цветные корпуса за ней)! Здесь сливаются Охта и Оккервиль. Смотрите, как здание вписано в пейзаж. Как оно двумя крылами уходит назад. Грудью-ротондой устремляясь к месту слияния рек. Как лебедь!

Я покосилась на Сашу в поэтическом трансе. Но все сказанное было чистой правдой...

– А что здесь было раньше?

– Кем обычно у нас заселяют брошенные здания? Усадьбы на окраинах. Ну, Татьяна?

– Де... детский дом?

– Ду! – передразнил меня Саша. – Душевнобольные! Населяли этот прекрасный желтый дом... Долгое время он пребывал в чудовищном запустении. Что, конечно, преступление. Сейчас это филиал музея городской скульптуры. Планируется реставрация...

Стремительно темнело. Желтея окнами, совсем близко к Служительскому корпусу подступали новые жилые кварталы. Слились с темнотой деревья, хрустел и кололся под ногами упрямый наст, вела куда-то застарелая лыжня, странно узкая, будто проложивший ее сильно хотел в туалет... В сумерках я снимала двукрылый дом с шапочкой-куполom, колонны, воду, Служительский корпус, гаснущее небо. Телефон мой тоже угасал, двенадцать процентов, ничего, подзаряжу в машине.

С...

сколько-сколько? Я навела фокус. Никогда не расслабляюсь, но непостижимая Уткина дача утя-утя-нула меня в воронку безвременья.

До поезда оставалось, внимание, двадцать восемь минут. Двадцать. Восемь. Минут.

Артему не надо было ничего объяснять, а вот задумчивого Сашу пришлось выводить из морока, тормошить. Все громко затикало, запульсировало, мы утрамбовались в ледяную машину и понеслись. Всю дорогу я смотрела на красивый профиль идеально спокойного Артема и его руки, и совсем не смотрела на часы, дорогу и Сашу, сидевшего на заднем сидении.

Нервные клетки не восстанавливаются, был такой советский мем.

На мартовские праздники уехали на Академичку. Чтоб немного развеяться.

Отдохнуть от города.

Побегать на лыжах.

Ранней весной здесь стояла полноценная, картинная зима. Картинной быть не мудрено, мало какой местности повезло в этом плане так же сильно, как Академической даче. Обжитая, исхоженная, исцелованная художниками – благодаря старейшей в России творческой базе – она была запечатлена каждым своим малым ракурсом, поворотом, изгибом. Местность с 80-х годов позапрошлого века облюбовали художники, Академичкой заодно звалась вся окрестность с несколькими прилежащими деревнями.

По соседству, например, находилась дача классиков соцреализма братьев Ткачевых...

Здесь бывали Репин (Академичка носит его имя, имеется памятник), Куинджи, Левитан. Не говоря уже о великом князе Владимире Александровиче с супругой Марией Павловной, они опекали Академичку, приезжали сюда, останавливались непосредственно в Восьмиграннике; в их честь заведение одно время называлось Владимиро-Мариинским приютом. Исключительная же роль в становлении Академички принадлежала нашему любимцу Кокореву, промышленнику, богачу, благотворителю, меценату, покровителю искусств. Именно с легкой руки Кокорева, происходившего из солигаличских солеваров, эту местность облюбовали художники.

Кстати, вот кому мы посвятим наш следующий K-project!

...Русский Барбизон, так Академичку называют любители рифм и аналогий.

Сейчас здесь стояла зима и перетапывались мы, только что вылезшие из микроавтобуса, озирающие белизну, сосны, постройки мастерских, красиво вписанные в местность. Административный корпус причудливой архитектуры, реплика знаменитого Нотр-Дам-дю-О в Роншане. Легендарный Восьмигранник отсюда виден не был.

Пройдет месяц, и Академичка оголится, розовато-серая, задымит зеленью, изойдет голубым подснежником, по-научному печеночницей, и художники повалят сюда «на подснежники».

На все про все у нас было три дня, две ночи, лыжи, мороз минус десять и очень много замечательного алкоголя.

Законно возникает вопрос: рисовали ли мы в эти 3 (три) дня на Академической даче?

Месте, ниспосланном художникам свыше, где всё кричит, вопиет: нарисуй меня.

Где озеро и река берутся за руку, и получается высокий полуостров, заросший соснами и увенчанный желтым деревянным павильоном Восьмигранник, построенным в восьмидесятых годах девятнадцатого века за десять дней без единого гвоздя.

Где столовая, по традиции, сложившейся в тот же период, кормит художников с особой страстью, «усиленно», с учетом особенностей работы на пленэре. Живописцев раньше даже взвешивали в начале и конце «смены», отмечали привес и рапортовали Государю.

Итак, рисовали ли мы, расположившиеся сразу в трех мастерских, прихотливо совмещенных со спальнями?

Мы, в большинстве своем имеющие художественные дипломы.

Ответ: да.

Да, рисовали.

Не считая многих акварельных этюдов, графических листов, мегабайтов фотоматериала, рисовали армянским и ставропольским коньяком по розовому шелку внутренностей. Особо отметим серию этюдов рижским бальзамом на черной смородине.

Штриховали белозефирную гладь озера Мстино коньковым и классическим ходом.

Рисовали по звездам, соединяя их в новые созвездия.

Чтоб отличать мастерскую в ряду ей подобных, отметили ее зеленым стаканчиком. Так родился скромный шедевр концептуального искусства.

Пока мы жили-бродили-ходили здесь, в головах наших трудились художественные комбинаты и артели. В моей голове, ни разу не заболевшей, стучало и стрекотало целое машбюро.

...В это же самое время с десятков других художников разных возрастов рисовали, замерев с этюдниками в сугробах, там и сям, и была среди них троица изысканных азиатов в сливочных тулупах, казах и два китайца.

Вечером второго дня мы собрались в нашей с Митей мастерской. На повестке стоял L-project, как он все еще назывался, наш художественно-просветительский проект.

Первой взяла слово Ася:

– Может, пусть это будет сайт? Гораздо больше, шире, чем просто выставка... Если грамотно и по-умному его продвигать. В том числе с помощью выставочных проектов.

– Портал? – уточнила Галя. Я поперхнулась коньяком, настолько двусмысленно, да и вторично это прозвучало. Митя здоровенной ладонью похлопал меня по спине.

– Можно и так. Делаем культурную площадку. А вот заполняем ее не тем, что более-менее известно, пересказыванием фактов биографии, чем занимаются все неопиты. А собственными изысканиями. И художественным продуктом. Живопись. Фоторепортажи – отлично. Эссеистика. Путевые заметки. Не просто Львов, а наш Львов, мы во Львове, он в нас.

– У Марка отличные этюды по мотивам поездки в Черенчицы и Знаменское-Раек. Целая серия, – напомнила Галина.

– Я придумала декоративный проект по мотивам Черенчиц, а именно Ротонды. Можно, пока не буду рассказывать? Я суеверная... Расскажу, и ничего не получится, сто раз так бывало, – промолвила Ася.

Оля подлила себе.

– Так, а можно теперь мне? Во второй половине сентября у нас выставка. Да, не скоро. Но это даже хорошо, лучше подготовимся. Где, где, в любимом музее. Нам отдают весь нижний этаж. Есть даже небольшой бюджет на оформление. Чтоб не трогать основную экспозицию. Две недели. Открытие поставили на субботу, двадцать шестое. Кроме фуршета что захотите, культурная программа на наш вкус. Так что мне срочно нужно название! Для рекламы, афиш. Раз существующее тебе не нравится, – и все посмотрели на меня.

– Не забудьте Сашу. Будет шикарный приглашенный гость. Для пафоса. Дадим ему тему, или сам предложит, – я уклонилась от ответа, но не от темы.

– Слушайте, раз бюджет. И раз музей с садом и большой территорией. Тогда чего нам сиротствовать? Давайте сделаем объемные макеты? Хотя бы несколько. Поставим прямо на улице. 3D резка из пенополистирола. А чтоб не повторяться, предлагаю хотя бы для части экспозиции сделать макеты нереализованных проектов... Или утраченных.

– В натуральную величину? – спросила Галя с мрачным восхищением.

– Полтора-два метра более чем достаточно. Не больше пяти объектов. Я готов сделать чертежи для 3D.

L-подвижники молчали, потрясенные великолепием идеи и неслыханной щедростью Марка. Подготовить чертежи для 3D!!! Митя молча разлил коньяк, он назывался «Ной». Не про нытье, а про кедровую прочность замыслов, про то, что все возможно...

– Марк, я тебя люблю, – вымолвила Ася, нарушив торжественную тишину, и все немного смутились звенящей нежности в ее голосе. Захотелось оставить их вдвоем, или пусть отправляются к себе в номер.

– И я! – разрядил обстановку Митя, и все потянулись к Марку, как к имениннику, губами, щеками, стаканами.

– Давайте тогда уж и список согласуем. Тем более все в сборе, – сказал розовый зацелованный Марк, – Раз все за. Собор в Могилеве – обязательно! Это его, считай, первенец, без него нельзя. Дачу графини Строгановой – два. Она такая лаконичная, компактная, будет хорошо смотреться в пенопласте. (Марк виновато улыбнулся тому, как курьезно, по-дурацки это прозвучало.) – Дом Томары, очень прикольный. Более вертикальный, немного другой, хорошо, для разнообразия, для экспозиции. Ротонду из Черенчиц – обязательно, наш талисман. И, хотел посоветоваться, что лучше. Комплекс из Арпачево с колокольной-маяком? Или «Кулич и Пасху»? Что скажете?

– Конечно, Маяк! В Арпачево трудней добраться...

– Я за Маяк.

Проголосовали единогласно.

– А называться, – сказала я, – все это будет очень лапидарно: «Н.А. Львов – жизнь и судьба русского Леонардо».

Перед сном пошли пройтись. Дошли до причала, покосились на квадратную прорубь с белым бульоном под тонкой коркой, отраду любителей попариться.

Банщик вырезал во льду Мстино черный квадрат. Прорубь быстро, на глазах, затягивалась снеголедяной пленкой. Из бани выходили красные дымящиеся люди в простынях, окунались с визгом, криком или молча. Банщик получал благодарную соточку за каждое погружение. Как водичка, кричали с берега, поеживаясь, восхищаясь и завидуя.

Мы высыпали на белый, укрытый снегом лед Мстино. Смотреть на звезды и Академичку с «воды».

Бережно перешагивали, обходили, стараясь не наступить, собственные лыжни, утром они нам пригодятся. По берегам Мстино виднелись деревни, светились окнами домики и гирлянды фонарей на причалах – будто угольки выложили на снег. Сравнение конечно не очень корректное, применительно к деревянной застройке...

Большое заснеженное озеро с частичной иллюминацией под черным небом в крупную звезду выглядело празднично.

– А все-таки жаль, что так не скоро. Выставка. Полгода ждать...

– Слушайте, – обиделась Оля-организатор, – там вообще-то очередь. План! И ты еще поди влезь... Докажи целесообразность... Сопроводительное письмо, обоснование... Все не так просто!

– Да я понимаю, – я обняла подругу, двукратно увеличенную пуховиком. – Просто хочется уже перевернуть страницу. А то какой-то получился проект пролонгированный.

– Кстати, что у тебя с твоим сочинением? (хорошо, не «произведением»).

Этот вопрос выдает степень интимности, принятую в компании. Не «над чем сейчас работаете». А – «что у тебя с ним». С уважением, без придыхания.

– Не поверишь, у сочинения нашелся еще один автор. Не еще один, а вместо меня... Будет публикация.

– Не появ! – Оля остановилась, развернулась в своем толстом пуховике, красивая и грозная. – И что? И как?

– Пока не знаю. Я списалась с ним. Увидимся в апреле. Но на самом деле я сама виновата, это мои собственные химеры.

Под звездным небом, выпуская клубы пара, я рассказала сотоварищам историю «Ротонды».

В нашем кружке уже случались подобные казусы. Подруга сделала прикладное произведение по мотивам не очень известного полотна известного художника. Идея была довольно-таки блестящая. По наивности поделилась эскизами в соцсети... Про сие немедленно, во мгновение ока прознал музей. В коллекции которого – в запасниках, а не в основной экспозиции – картина обреталась, – и давай вежливо, но настойчиво качать права.

Типа, не напомним ли номер договора, согласно которому мы передавали вам права на единовременное использование картины в ваших проектах?

Будто они сами ее нарисовали!

Нервы музей потрепал изрядно, замысел так и остался замыслом.

– Поэтому мне вся эта пролонгация серпом по месяцу, – сказала я, глядя на тонкий ноготок молодой луны. – Главный урок, конечно, что врать нехорошо. Это я про конкурс. Ну и тонус немножко теряется...

– А давай я пойду вместе с тобой? – предложил неожиданно Марк. – На встречу с этим лже-автором?

– Нет-нет. Что я, маленькая? Сама разберусь. В конце концов, брат литератор, как-нибудь уж договоримся. И потом, мне интересно.

– Тогда не ной, – Марк с хрустом развернулся на ледяной коросте и пошел в сторону пристани.

– А я и не ною, – не обиделась я. – Я делюсь... Советуюсь.

Проснулась от толчка в плечо.

– Ты што? – спросил Митя шепотом. – Орешь на всю Тверскую область...

Была глубочайшая ночь. Сквозь занавеску лилась потусторонняя морозная тишь. Косой свет фонаря наводил в комнате особый аквариумный уют.

– Я? – сказала я изумленно. – Ору?

– Заладила: не поедem! Мы устанем! Мы не успеем... Голосом чревоушателя. Куда не поедem? Кто это мы? Вроде не полнолуние...

В голове напoлзала тьма. Я силилась вспомнить яркий настойчивый сон, но его обрывки утекали в сливное отверстие памяти быстрее, чем я успевала рассмотреть.

Телефон показал 3.17.

– Н-не помню.

– А у тебя нет температуры? Горячая, – Митя потрогал мне лоб родимым родительским жестом. С его ладони полилось тепло. – Не хватало только разболеться...

В памяти встали и пошли чередой внезапные болячки, сломанные по дури ребра, брызнувшая стеклом дверь в номере, высокие температуры в разгар поездки, лихорадящие, мечущиеся дети, вызов скорой где-нибудь на краю Карелии...

Я перевернулась на спину. Переложила Митину руку со лба себе же на живот. Живот – отличная стартовая площадка для любых начинаний, действий и маневров. Нейтральная полоса...

В моем детстве болезни живота лечили поглаживанием по часовой стрелке. Для процедуры требовались только ладонь и некоторое терпение. Теплый, сухой, как морской песок, живот любил такую терапию и быстро переставал бурчать, урчать и беспокоиться.

– Температура, полечи меня, – подвинувшись на скрипучей панцирной сетке, я высвободила место рядом.

...Одноместные кровати на Академичке не были предназначены ни для чего, кроме богатырского сна наработавшихся за день художников. Назидательно, кровати стояли по три штуки в узкой, пеналом, спальне. А вот прилегающая мастерская, в которую спускались по лесенке, была просторная, высокая, продуваемая и для сна не годилась, зимой температура здесь не поднималась выше 15 градусов. Непонятно зачем, в мастерской стоял диван, в разложенном состоянии размером с рояль, ледяной и твердый.

Седьмой номер вышел без опозданий, в июле. Этот июль в отличие от предыдущего был холодный, с внезапными бурными дождями; Подмосковье местами затопило. Не вызрела

земляника, смыло с кустов малину. Говорят, кое-где плавали по улицам дачных поселков на надувных лодках. Но купальники и плавки пока оставались невостребованными.

Когда я нашла свою/не свою публикацию по ссылке, в небе снова заворчало, прокатилось.

Предисловие редактора я прочитала накануне. Новости такого класса я могла принимать только порционно, по чуть-чуть.

Начала читать и успокоились. Долгое время «Ротонда» Евгения Рождествина ничем не отличалась от моей. В трех местах были заменены слова. По-другому, не так густо, расставлены запятые. Эти довольно дельные правки-поправки скорее всего были внесены Семеном, строгим и умным редактором. Я читала текст и любовалась, как здорово он сделан.

Пока...

Ну, конечно! Евгений, он, она или они оба, меня переиграли... И ускользнули в другую Ротонду.

tripadvisor.ru

Музей колоколов

130 отзывов

развлечения__Валдай

Снаружи ничего не напоминает, что это церковь, только вывеска. Церковь сделана в стиле ротондизма.

Внутри от церкви ни чего не осталось, там расположен музей колоколов.

Церковь Святой Екатерины построена в конце XVIII века в виде ротонды в форме классицизма, но при этом с колоннадой, ограниченной по периметру выступающей алтарной частью. Отличается гармоничными формами, стройными пропорциями, изящными деталями. Храм построен в память придания Валдаю статуса города по именному Указу Государыни Екатерины II, как путевая дворцовая церковь. В 1826г. в церкви Святой Екатерины во время проезда траурного кортежа с юга России в столицу на одну ночь был установлен гроб с телом умершего в Таганроге императора Александра I. В настоящее время в церкви располагается одна из экспозиций музея колоколов.

Направляясь на экскурсию в музей колоколов, увидели необычное строение в виде ротонды. Подошли посмотреть – оказалось церковь. А потом оказалось что там и находится музей колоколов. Очень необычная архитектура для храмов. Век путешествуя, век будешь поражаться чему-то.

Церковь Св. Екатерины, архитектор Н.А. Львов, больше похожа на ротонду, выполнена в виде колокола. Сегодня используется, как музей колоколов. Внутри запах плесени и если у кого астма, наверное экскурсию не выдержит.

Церковь Святой Екатерины . Церковь была построена для русской императрицы и освящена именем ее святой покровительницы. Легкая ,изящная ,поставлена на высоком откосе ,где открывается прекрасный вид на озеро Валдай и Иверский монастырь. Через дорогу ,чуть пониже стоит часовенка ,где сегодня горят свечи перед ликами святых . Это часовня Иверского монастыря . Сегодня там происходит чудо очищения иконы Богоматери, но туристы спешат в Музей колоколов. Небольшой объем церкви сегодня заставлен и завешан разными колокольчиками ,которые отличаются по размерам и голосам . несомненно ,что колокольчик Валдая раскрученный и признанный бренд ,но мне жаль

Храм ,всетаки для колокольцев можно было найти и другой домик. Возможно выбрали этот ,по тому что он по форме напоминает валдайский колокольчик.

Очень понравилась экскурсия. Хотелось бы отметить блестящего экскурсовода Евгению Игоревну. Она рассказала много нового о великом зодчем. Евгения Игоревна оправдала факт устройства в Церкви Великомученицы Екатерины (Ротонде) музея валдайских колоколов не очень известным фактом что Львов первым проявил культурный интерес к жизни ямщиков и создал либретто для оперы Е. Фомина «Ямщики на подставе, или игрища невзначай». Валдайский (он же ямщицкий) колокольчик важная часть эстетики и ямщицкого быта. Так в этом есть логика (в музее колокольчиков). В пользу такой версии говорит также факт, что Ротонда строилась как церковь при путевом дворце Екатерины (1780-е годы). Рекомендую всем, кто интересуется творчеством великого архитектора экскурсионное агентство Культ-Тур, двухдневную программу «Тверская и Новгородская область в жизни и творчестве Н.А.Львова» и экскурсовода Е.И. Рождествину.

...Вот куда нам приказывали ехать, см. мой мартовский сон на Академичке, прерванный Митей. Наверное, можно было вспомнить содержание сна, существуют специальные техники, но мы отвлеклись и все продолжали.

А меж тем от Академической дачи до Валдая, где по адресу улица Труда, 2А располагается построенная Львовым церковь Великомученицы Екатерины, она же валдайская Ротонда, она же музей колоколов Валдая – было чуть больше ста километров.

Если б подорвались, мы бы успели до обеда...

(На Академичке обеда, а также завтраки и ужины – отдельная ценность, им стихотворные оды посвящают.)

Ну или пропустили бы обед, тоже мне трагедия...

Кто пытался вложить мне в голову мысль о близости валдайской Ротонды? С кем я спорила во сне, упорствуя, возвышая голос? И зачем?

Видимо, отстаивая право на отдых.

Просто интересно.

Разница в том, что в финале своего сочинения я отправила героев туда, где (откуда) Львов исчез. А мои соавторы – туда, где он остался...

В день зимнего солнцестояния стояла неопределенная серенькая погода, минус два. Приятно завывало. К вечеру обещали снег и желтый уровень, но нас таким не испугаешь, скорей наоборот.

Многие, как известно, ждут двадцать первого декабря, полагая его началом, предвестником весны. Не отношусь к весноборцам, мне и зимой хорошо.

...Правда, не этой зимой, полной тоски, ежедневных ухудшений, трезвящего коктейля из деловитости и беспомощности. Я и мои близкие уж точно не чувствовали подпора праздников, новогоднего волнения, веры во всемогущество Деда Мороза...

Вдруг я с интересом посмотрела на календарь, доживающий последние дни. С каким-то свежим чувством. Волнением, легким смятением.

На сегодняшнюю цифру...

Ну, конечно! Вот дубина...

В два счета создала чат в мессенджере. Назвала его L-project (что значило – бык машет красной тряпкой). Выставила максимальное количество восклицательных знаков, семь, больше мне не позволило чувство меры.

Встречу назначила на Чкаловской, в центре зала.

Чтоб не обременять себя/их долгой коммуникацией, вопросами-ответами, написала:

Привет Сегодня в ночь годовщина смерти Л. 215 предлагаю отметить месте где он покинул грешный мир (не сохр) Потом посидим погремся Приглашаю Пятница и у меня гонорар

(Про гонорар я загнула, договор даже не был еще подписан. Но эта невинная ложь делала мое приглашение неуязвимым, с т. з. возможности отказа. Теперь они просто обязаны были явиться.)

И вереница эмоджиков, семь штук.

Могу! (Ася).

Что так поздно (Галка).

Отлично. До встречи! (Оля).

Постараюсь успеть (Марк).

Но это же по старому стилю? Ничего? По-новому 3.01. (Галина)

Митя не написал, его нет в соцсетях. Но я ему сразу же позвонила, обещал быть.

До встречи Жду!!! Ура (организатор).

Да здравствует спонтанность.

Я забронировала столик на шестерых в «Имеджин». На двадцать ноль-ноль. Скорее всего, это будут два сдвинутых кругляша, причудливая планировка не позволяет им заводить большие столы... Раньше здесь располагался знаменитый «Кризис жанра», где кормили очень прилично, в значении вкусно.

В «Кризисе» я подсмотрела и взяла на вооружение несколько дельных рецептов...

Лет пятнадцать назад денег и часов здесь просижено было немало... Дружеские посиделки, бизнес-ланчи, дни рождения, даже, однажды, корпоратив.

Все дело в том, что неподалеку, совсем рядом, на Покровском бульваре, в здании бывших Покровских казарм, они же Павловские, располагался мой когдатошний офис...

По адресу Покровский бульвар, дом три.

Занимая, конечно, крошечную толику огромного объема, в левом крыле здания, если смотреть с бульвара.

Наверное, если б судьба занесла нас в правое крыло Покровских казарм, отстоящее от левого на полбульвара, мы бы ходили в другое кафе, где-нибудь в Казарменном переулке.

...Между прочим, постройкой этого грандиозного сооружения в первой его допожарной версии руководил наш старинный приятель А.А. Безбородко.

А вот приписать авторство Львову, как бы сильно мне этого не хотелось, нет никаких оснований. Архитектор неизвестен, точка. Хотя строительство началось в 1798 году, а закончилось в 1801-м, Львов архитектурно еще весьма активен. А вот Безбородко уже скончался, в апреле 1799-го, повергнув друга в скорбь и уныние.

Известно только, что после пожара 1812 года перестраивал здание Жиллярди.

Проектировать Павловские-Покровские казармы Львов не проектировал, но последние дни предположительно провел в непосредственной близости от этого места.

В двадцать минут восьмого мы стояли недалеко от индийского посольства. Оно же – знаменитый особняк с «беседующими змеями», усадьба Латышевых – Бахрушиных.

Интересно, как мало меня теперь волновал и привлекал модерн. Со всеми его цветами, волнами и прочими причудами. То ли дело двадцать лет назад...

Гисметео сдержал(о) слово, валил снег, задувало; погода подходила сегодняшнему дню по драматургии.

– Ну, вот, – сказала я. – Примерно здесь. Воронцово поле, дом 6-8. Наш ориентир... – Выдержала эффектную паузу и продекламировала:

*Слуга твой хвилой Львов
Услышать звон колоколов,
Увидеть пузыри и плошки,
Москву-тетеху впоных
По тюфильской дорожке
Приплыл на костылях
И у Николы поселился
В Воробине, на тех горах,
Где дом светлейшего затмился,
Живущего в благих делах!*

– Хвилой?

– Больной, хилый.

– Ровно на этом месте «дом светлейшего затмился», – я сделала жест в сторону посольства. – Кстати, оцените игру слов. Светлейшего – затмился. Участок принадлежал – был подарен Павлом I князю Андрею Санычу Безбородко. Проект дворца создавал, или не успел, не имею точных данных, – наш добрый друг Джакомо Кваренги. А вот проект дворцового парка был поручен Николаю Александровичу Львову. Территория большая, тянется до самой Яузы... Проект парка был автором разработан и даже частично реализован. Всем известен созданный эстетом Львовым альбом гравюр, рисунков и чертежей с подробнейшими описаниями и комментариями. Этот альбом сам по себе произведение искусства. Выдающийся документ эпохи. Эталон... Вот что, например, Николай Александрович пишет про сочетание регулярного и натурального, то есть английского, принципов устройства в рамках одного парка. Немножко сейчас не по теме, но не удержусь, – я закрыла глаза:

«Единообразие прервать противоположением, противоположение связать общим согласием и дорожками, которых излучины и повороты не для того сделаны, что так вздумалось садовнику, но каждая из них имеет свое намерение и причину, и если гуляющий принужденным иногда найдется сделать круг для того, чтобы пройти к предмету, его зовущему, то лишние шаги его заплачены новым и неожиданным удовольствием, которого бы прямая дорога его лишила».

– Какой слог! Прямо стихи... – сказала Ася мечтательно. Ее черную челку разрисовало белым, – «заплачены новым неожиданным удовольствием!».

– Альбом издан, спасибо одному прекрасному издательству. Считаю, необходимо иметь его в хозяйстве. А вот на территорию, где парк располагался, прорваться не удалось, везде заборы и колючая проволока... Ни со стороны Воронцова поля, ни с переулка Обуха. В

Большом Николоворобинском есть место, откуда можно заглянуть в щель в заборе. Но там ничего особо интересного: снег, деревья, спортивная площадка. То есть, все-таки, нечто вроде парка, зоны отдыха. На довольно-таки крутом склоне...

Мои заснеженные друзья стояли ровно, как сурикаты. Никто не кренился, не подламывался. Можно было еще какое-то время позлоупотреблять их терпением...

– Короче, где-то здесь поблизости (я смахнула снег с капюшона, пошарила глазами вокруг) – в каком-то из домов у Львова была квартира. Из окон которой открывался вид на церковь Николы в Воробине. Эту церковь взорвали в 1932 году, а ее именем называется теперь вот этот переулок (вниз стекал Большой Николоворобинский). Не просто квартира, а, как пишет Глумов, *«старая его квартира»!* Предположу, что служебная. Но что интересно... Удивительно, какая глубинная, неразрывная связь была у Львова с Андреем Александровичем Безбородко. Все время рядом! Редкий пример симбиоза людей интеллектуально равных, но во всем остальном совершенно разных – по положению, статусу, доходам, темпераменту, жизненному укладу... Дружба вельможи и поэта.

Друзья слушали, не подавали реплик, или просто они задубели.

Хотя именно в этой части спича со мной можно было и поспорить; остальные сведения более-менее выверены.

– У Николы в Воробине – это примерно здесь. Воронцово поле, дом четыре, корпус один – более точный адрес. Сейчас тут сидит Росреестр, а до того была школа. Довольно высокое место, обратили внимание? Раньше местность называлась Гостиная горка, то есть – здесь селились купцы, гости.

– Глумов, автор самой подробной книги о Львове, пишет про этот период его жизни так: *Наезжал в Москву, там любил проживать в старой своей квартире на Воронцовом поле, поближе к заветному месту, где был не так уж давно заложен дом светлейшим князем Безбородко...*

– Шпаришь как по писаному, – похвалила Галя.

– Дык! Готовилась, – я победоносно улыбнулась, и в рот мне влетело немного снега. – Так вот. Если принять за правду, что Львов скончался в Москве, это могло произойти в одном из двух мест. В Тюфилых, где у Львовых имелся землебитный дом при училище, им же и построенный. Земляной особнячок. Или здесь, у Николы в Воробине. Учитывая активность Николая Александровича в последние месяцы и дни, – несмотря на жестокую болезнь, на костыли, – верней предположить, что это было в Москве, то есть здесь. А не за ее пределами, в Тюфилых.

Его известное... гм, в узких кругах... стихотворение «Три нет» – послание к Бакунину имеет подпись «У Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. Бакунину 1 октября 1801 года».

Друзья не реагировали. Они молчали слишком каменно, и я поняла, что рискую потерять их, вот так, всех сразу. Замерзнут или проклянут.

– Ну что ж. Вряд ли нам сегодня откроется больше, чем мы уже увидели...

Метель белила окрестности толстым штрихом, это было похоже на линогравюру советской школы. Видимость постепенно исчезала.

Нам действительно повезло с погодой.

– ...поэтому предлагаю переместиться в «Кризис жанра». Точнее, «Имеджин», там тепло и ждет нас сдвоенный столик, нечто в форме восьмерки, или знака бесконечности, как посмотреть.

Все оживились, мгновенно расколдовались, стряхнули морок и снег с плеч и головных уборов. Повеселевшие, двинулись в сторону бульвара.

– Рекомендую обратить внимание на бифштекс в горчично-медовом соусе. Такой, штрихованным пенечком. И салат из дайкона, – это было последнее, что я успела сообщить, чтоб поддержать в друзьях боевой дух.

Мы свернули на бульвар, метель ударила в лицо и залепила мне рот.

Забегая вперед (а относительно других событий отступая назад). Уже в понедельник в Москве сделался плюс, и весь наметенный за выходные приличный объем качественного, как мука высшего сорта, снега – превратился понятно во что, а вскоре растаял, истоптался, мостовые заголились, и установилась, как называют ее пижоны и нытики, «европейская зима», а по мне так полная фигня.

С конца декабря до начала февраля город простоял серый, голый, зябкий. Автомобилисты и «европейцы» блаженствовали, коммунальщики окончательно расслабились, и тут Москву накрыло таким великим снегом, что все встало и замерло, карты пробок сделались венозного цвета. По ходу выяснилось, что нечем платить дворникам, куда-то делись «снежные» деньги (растаяли?), никто не убирал, не чистил, и мэр призвал всех мужчин призывного возраста и старше – его референты как-то иначе это иначе сформулировали – взять в руки лопаты и выйти на правое дело, на борьбу со снегом. Снегоуборочные лопаты взлетели в цене, а потом исчезли как класс, хоть мастера, сколачивай из фанеры. Мы ходили на лыжах, вставая на них прямо у подъезда. По дороге к парку отстегивали всего раз, когда пересекали проспект на светофоре.

К этому в кавычках бедствию примешивался эстетический фактор. Москва сделалась такая нестерпимо красивая, гордая, какая-то незнакомая, такие были по вечерам метельные ветра, что я получила реванш за все неудачные зимы прошлых лет, жидкие, позорно бесснежные. Еще, я тешила себя мыслью, что снег и мороз уничтожат всю органическую, неорганическую и ментальную дрянь, которая накопилась в земле и на ее поверхности: гигиена, смена клеток, обновление.

Зима тянулась до последней трети марта, огорчая веснолюбов, но потом сдалась без боя за несколько дней, и все получили что хотели.

Друзьям понравилось в «Имеджин», они ухитрились оказаться здесь впервые, даже Митя. Еда не подкачала. Официантка умело скрыла удивление, получив заказ на шесть бифштексов в горчично-медовом соусе средней прожарки. В качестве бывшего рекламиста я умею кое-какие вещи...

Пили все разное, мне принесли глинтвейн.

Когда мои друзья разомлели, раскраснелись, я взяла слово:

– Наверное, я вас уже немного утомила, но все, это самый последний раз. Два факта. Верней, один факт и один стишок. Басня.

– Давай. Жги, – разрешил Марк. Приятно порозовевший, он откинулся на спинку стула. Все были расслаблены, улыбки, ни одна складка не омрачала дорогих мне лиц.

Для пушего уюта нам зажгли свечечку в плошке. Каким-то поразительным предрождественским чудом отменили «живую музыку», я совершенно забыла, что она всегда бывает здесь по пятницам и выходным, причем отличная. Но нам, да, повезло, и ее не было, иначе сценарий вечера был бы совсем другой, и пришлось бы слушать музыку, а не меня и друг друга. Наверное, ударник застрял в пробке, или собралась рожать солистка, или бас-гитарист подхватил простуду, но концерта не было, просто играло фоном что-то не противное, и было нестерпимо уютно.

– Басня! – объявила я.

*Дурак привык купаться в луже.
«Дурак, поди в реку...» – «Там хуже,
Там течет,
Светла, мешает,
Да студена, как лед», –
Дурында отвечает.
Дурак наш так считает:
«Где мирно, хоть черно,
Но тихая вода,
То там и золотое дно».
О дурень! Там беда.*

Прочитала хорошо, эффектно, артистично, с акцентами.

– Почему-то ее любят датировать 1791 годом. Но надежные источники указывают на осень 1803.

Ну вот скажите мне. Разве похоже, что это написал человек, собирающийся помирать? Да он, вообще, резвится! «Дурында отвечает»... Единственное, что могло связывать этот текст с темой смерти – жанр. Баснописцем был Хемницер, его рано ушедший друг. Сама энергетика текста, посыл говорит о деловом настрое. Боевитом. Правда, сейчас прочитала вслух и расслышала эту «беду» последним словом...

Что еще известно о последних днях Львова? Да почти ничего! Ходит по комнате на костылях... Отсылает Шереметьеву его крепостного, и своего последнего ученика. Пишет: «Теперь учеников ваших у меня никого нет, и печники и земляные строители все выпущены. Кустарев был последний!» Просит Шереметьева продать старый Конюшенный двор – который, внимание! – понадобился Николаю Александровичу «для подворья». Если цена не будет «свыше сил кошелька». «Для подворья!» То есть – Львов полон планов. Готов вкладывать деньги!

Шереметьев ответил отказом – он только что потерял любимую жену. Графиня Шереметьева, бывшая крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова скончалась 23 февраля того же года, спустя три недели после родов. Вдумайтесь, какая драма. Хотя и бывало в те времена сплошь и рядом... К тому же Параша была уже взрослая девочка, за тридцать. Безутешный Шереметьев в память о жене возводит в Москве Странноприимный дом. Строительство этого грандиозного сооружения требует средств. Огромных! Граф продает свои дома и владения, но, конечно, Львов не тот покупатель, который подходит ему в этой ситуации... Странноприимный дом Шереметьева – это у нас сейчас что? – я обвела своих товарищей строгим «академическим» взглядом и уперлась им в Марка.

– Склиф, – сказал Митя, извиняющимся тоном. – НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Я там лежал. А потом ходил, хм. Тоже на костылях, по коридору. Правда, не в этом конкретно корпусе... здании.

Все потупились. Все помнили ту историю, аварию, разметавшую нас по разным больницам. Мите достался Склиф, а мне выпало челюстно-лицевое отделение больницы на Семеновском валу...

Вот не хочешь вспоминать, а всегда что-то да напомним... Мемориальный характер вечеринки проступал сквозь радость встречи, благостное сыто-пьяно. Грусть просачивалась, как я не пыталась отвлечься, забыться хоть на вечер.

Я выпрямилась, прочистила горло.

– Засим объявляю травмирующую тему закрытой. Все, достаточно. Закругляемся. К тому же, как всем прекрасно известно, итальянское «ротонда» происходит от латинского «rotundus», круг, так что... – Я помахала официантке. – Кто еще чего хочет? Кофе? Десерт? Здесь готовят обалденную Павлову.

Разошлись не поздно, пытались-старались соблюсти рабочий режим. Пораньше (ну, относительно) лечь, чтобы днем побольше успеть.

Такой непротивный вид жадности...

Дом затих. Стояла дышащая живая тишина, какая бывает только в деревянных постройках. Уютно тикало «Ласточкино гнездо». Молчала, не шевелилась груша за окном. Крепко спали временные обитатели дома, то есть мы. Доносился негромкий интеллигентный храп из-за стенки.

Спокойно дышал Митя.

Не спала только я, с огромной обидой наблюдающая все это сонное царство...

Чертова бессонница! Незаслуженная, ничем не спровоцированная... Там, тяжелой пищей или чем-то вроде. Ничего не болело, не беспокоило. Совесть моя была кристально чиста.

Дневной усталости должно было набраться на вполне себе заслуженный ночной сон, но фиг.

А всего через шесть... уже через пять часов прокурлычет будильник.

Я смотрела в темноту потолка и вспоминала, что делают в таких случаях. Не думать тревожные мысли. Не углубляться в смутные планы. Не расковыривать обиды.

Считать овец – старье, не работает.

Не беспокоиться. Но моя бессонница меня беспокоила!

В принципе, имелся надежный, хотя и не вполне удобосказуемый способ. В последнее время тема вышла из зоны умолчания (и научно-популярных статей) и проникла в область искусства. В сериале Madmen прямо говорилось про некий ночной час, между волком и собакой, когда одинокие девушки Нью-Йорка занимаются самоудовлетворением, чтобы победить тревогу и бессонницу. Или даже не одинокие, способ никак не связан с одиночеством, хоть он и с приставкой «само-»...

В свежайшем сериале «Эмили в Париже» героиня-американка извлекает из сумки вибратор, похожий на погружной кухонный миксер, белый и сверкающий. Включает гаджет в розетку и обесточивает весь Латинский квартал...

(Гм, это плохой пример).

Но вообще лайфхак действенный. Правда, чтоб сработало, следует приложить фантазию, включить память, как-то себя раскошегарить. Идеальны в таких случаях порноролики, но не здесь и не сейчас.

Я отправилась в темноватые запасники памяти.

Портрет Львова работы Левицкого 1789 года, тот, из пятого зала, все время попадал в поле зрения, и я отставляла, переставляла его, бережно и почтительно, пока не поняла – да вот же оно!

Он.

Прекрасный мужчина, просто невероятно привлекательный... Способный, как всем хорошо известно, сильные прочные чувства не только испытывать, но и вызывать, встречно.

Верный муж.

Так и отлично... Мне-то что?

Я установила портрет фронтально, осветила получше, и продолжила поиски.

Вслед за этой картиной пошли другие. Обнаженные Рубенса. Сразу несколько полотен Тициана. Какие-то голландцы, а потом вывалился целиком итальянский дневник Львова, описывающий путешествие в Европу 1781 года. Замечательно изданный в прошлом году и знакомый мне почти наизусть, включая комментарии и приложения.

Львов описал встреченные и внимательно осмотренные им коллекции и произведения искусства. Подробно и живо, акцентируя все, что его зацепило-впечатлило. Показав себя искушенным знатоком искусств, блестящим арт-критиком.

Причем замечания искусствоведческого характера перемежались житейскими комментариями и наблюдениями. Позволяющими оценить картины, скульптуры и произведения архитектуры в актуальном, современном Львову контексте...

И понять кое-что о нем самом.

Так, про Рубensoвых нимф («Кимон и Ифигения») наш путешественник пишет:

«Три грации, предородные, титьки круглые, фунтов по шесть. Стоят спокойно. Но тела их кажутся падучею болезнью переломаны. Мужчина, пришедший к сему зрелищу, дивится более, кажется, их уродливым пропорциям, нежели красотам кисти».

Гм. Остроумно и беспощадно...

К Рубенсу Львов постоянно придирался, хоть и признавал за ним мастерство. Николаю Александровичу явно претил рубensoвский тип красоты, «предородная»... Про довольно-таки симпатичную Елену Фурман («Шубка») Николай Александрович пишет буквально следующее:

«Если кто хочет полюбоваться на жену Рубенса, несмотря на то, что она вся голая, гляди только голову, кажется, что ревнивая кисть ея супруга для того собрала все пороки тела женского (особливо ниже пояса), чтобы и в картине никто им не воспользовался».

А вот запись про картину «Празднество Венеры», действие которой разворачивалось в ставке богини Афродиты (Венеры) на острове Кифера.

«Остров Цитера – фламандская торговая баня, исполненная непристойностями, там иной сатир сажает себе нимфу... не на стул, другой ухватил ее за то место, где никакой хватки нет, спасибо, что без движения, и на дурной рисунок сей картины и смотреть нельзя».

Жестко.

А вот немного Голландии. Франс ван Мирис старший, «Голландская куртизанка».

«...третья, представляющая просто сказать, блять в желтом платье, спящую, и старую ее девку, принимающую деньги от закутанного в епанчу мужчины, пришедшего воспользоваться и сном, и открытою грудью госпожи ея».

Сразу две Тициановы красавицы, «Венера и купидон» и великолепная «Венера Урбинская», эротический символ эпохи. Львов сравнивает обе картины еще и с той точки зрения, что на первой изображена жена (изображена_жена) художника, а на второй известная венецианская куртизанка Анжела дель Моро, по мнению Львова, Тицианова любовница.

«Тело сей Венеры так же хорошо, как и другой славной Венеры, изображающей любовницу его, но в нем есть та разница красот, какие в жене и любовнице честный человек желать может...»

(Уф, перевести дух в середине длинного предложения. Какую же разницу красот желает видеть честный (подчеркнуто) человек в жене и любовнице? А вот:)

«...первой тело не столько красивое, пропорции тела не так искусные и нежные: но видно тело крепкое, здоровое и такое, на коем не без причины можно сковать счастье... Вторая Венера красавица. Части тела ее лехкие и нежные; руки маленькие; груди островатые и ноги под икрами очень тонкие. Словом, все красоты, обещающие хорошую утеху, которую одна беременность или другой какой болезни припадок совершенно в ничто обратить может».

На коем не без причины можно сковать счастье...

Все красоты, обещающие хорошую утеху.

Что ж, такой несколько прикладной функциональный взгляд...

Так. Продолжим.

«Даная Тицианова лежащая, или, лучше, полуседящая на постеле, розами усыпанной, имея левую руку между ног и держащую простыню для употребления после утехы... Лицо сей Данаи лутшие всех и прекрасней и Венер и Данай Тициановых, кои я видел доселе, изображающее дышащую восторгом женщину, коим она исполнена...»

Я хорошо представляла эту описываемую Львовым Данаю из Венского художественного музея. У нее и тело дышало восторгом, не только лицо, на котором художником был отчетливо запечатлен только что пережитый оргазм.

Ну все, достаточно.

Я установила перед внутренним взором портрет Львова работы Левицкого (из пятого зала). Дала хороший свет.

Задвинула в тень Ван Мириса, Данаю, Рубенсовых толстушек, Остров Киферу, Мирисову куртизанку и даже Тициана.

Просто смотрите на меня.

Прекрасной лепки лицо.

Тонкое, умное. Красивое.

Глаза. Взгляд живой, с юмором.

Немного усталый, но усталостью не тяжелой, счастливым утомлением от любимого дела.

Высокий лоб. Неплотно сомкнутые губы.

Правильный подбородок.

Ниже синий сюртук. Белая рубаша из тонкого сукна. Долгое плиссированное жабо...

Смотрите на меня.

Да, так.

Смотрите.

Да.

На... меня...

Просто

смотри...

те

.....

.....

Утро началось с пения птиц, они у меня на будильнике.

Выключая, увидела, что телефон почти разрядился.

Фак!

Настоящие птицы тоже пели, еще как...

16 июля в Черенчицах вырубили электричество, утро сразу перестало быть томным. Плита чернела холодными кругляшами конфорок. Безмолвствовали холодильник и электрочайник. Не было света в туалете и особенно в душе, который по разнузданной столичной привычке мы с утра надолго оккупировали, создавая маленькую понимающую очередь. Судя по зарядке телефона и ноутбука, электричество отключили еще ночью.

Мы позвонили Елене Александровне.

– Авария на подстанции! – сказала библиотечарша бодрым голосом. – Обычное дело... Обещали дать к 18.00, но мало ли что они обещают. Все без света сидят, Арпачево, Фомино, Осипово, Горощино. Мы с мужем сегодня на огороде. Все равно компьютер не работает, на работе без света тоже делать нечего, – и я поняла причину ее хорошего настроения.

Все наши, наоборот, приуныли, и тут на меня снизошло озарение:

– Сегодня у нас что? Шестнадцатое. Среда. Значит, все открыто... А давайте съездим на Валдай? По М11 выйдет совсем быстро...

Все посмотрели на меня с отвращением. Мои друзья мрачно молчали, сказывалось отсутствие души.

– ...Увидим наконец их Ротонду, и заодно музей валдайских колоколов. А еще там копченая рыба. Озеро. Путевой дворец...

Молчание было уже не такое плотное. Галка, кажется, собиралась что-то сказать.

– Или мы уже слишком старые для экспромтов и эскапад?

Это их задело, я видела.

– Там и заночуем. Мы были на Валдае один раз, проездом. Не видели ничего кроме ужасной гостиницы. С самым тесным в мире туалетом...

Они колебались. Понимаю, Мите не хотелось садиться за руль. Не выпив к тому же кофе.

– Хорошо, – я выложила главный аргумент. – Туда на пару дней приехала, с экскурсионной программой одна девчонка из Москвы... Ну, как девчонка... Помладше нас. Львововед. Скорей стихийный львовозналец. Наша, можно сказать, коллега. Я за ней слежу. У нее своя группа на фейсбуке, «Львовцы». Я засекала у них активность на Валдае. Примкнем к экскурсии, посмотрим Ротонду. Познакомимся. Ну что, я с ней договариваюсь? Давайте уже, решайте, – я потрясла телефоном. – Осталось двенадцать процентов!

Без души, кофе и деревенских яиц всмятку они плохо соображали, эти обычно очень активные деятельные люди.

Марк хмуро переглянулся с Асей.

Митя жевал холодный бутерброд.

Оля мазала руки кремом.

Одна Галка выражала готовность сорваться с места, она за любой культурный кипиш. Просветленным лицом, позой – но почему-то молчала...

Вероятно, из вредности.

– Два часа восемь минут по М11! Это вообще ничего (я покосилась на Митю-водителя). Телефоны зарядим по дороге... Ну? Ведь никогда туда специально не поедem... Криво добираться, и далеко, из Москвы.

– Ну, хорошо, – сказал Митя. – Но тогда там и заночуем. И с тебя копченая рыба. Доставай где хочешь.

Евгения, вы еще там? Мы приедем Доброе утро!)

Да. Отлично. Вас?

6

Тогда отдельно, не буду вас к группе пристегивать

ДА! НЕТ! Мы странствующие мизантропы

)))))) Жду. Часа ч три? Звоните как приедете. Вы на день?

Хотели заночевать И рыбы)))

Есть где остановиться? Гостевой дом норм? С коптильней))

Даааа

– Вас тоже шокирует, что в церкви – музей колокольчиков?

Евгения стояла перед нами, а мы перед ней, в пространстве Валдайской Ротонды, в эпицентре звончатой экспозиции.

Успевшие по дороге перехватить кофе, но несмотря на это довольно-таки вареные...

– Да нет... Нормально. Не худший вариант. Даже какая-то логика прослеживается... Церковь, колокола, – сказал Марк вяло.

Остальные покивали.

Кажется, Евгения силилась соотнести нашу с ней пылкую переписку и помятые физиономии напротив. Источающие полное отсутствие энергии Ци.

На самом-то деле мы были подавлены не дорогой, не отсутствием горячей пищи на завтрак и даже не музеем колокольников в Ротонде Львова. А зрелищем напротив, – тем, как выглядела эта Евгения из фейсбука.

Где она легкомысленно называлась Женья Рэ...

Одно могу сказать наверняка. Эта Евгения была не кокетлива. Ее фото в соцсети, которые я по неискоренимой дамской привычке изучила перед встречей, не отражали и сотой части ее обаяния.

– У меня такое ощущение, будто я вас знаю, – сказала Евгения.

Тут следует прерваться и подчеркнуть, что мы любим красивых людей. Радует красоте, щедро авансируем ее хоть мало-мальски привлекательным и одухотворенным людям.

Красота в глазах смотрящего, любит повторять Оля.

Но эта Женья Рэ выглядела как существо отдельной человеческой породы.

Длинные, длиннющие ноги. Мне не встречались еще такие привольные, свободные, совершенно не гламурные ноги.

Крупные узковатые ступни.

Вполне себе женские бедра, феминные.

Некоторая, минимальная сутуловатость с отзвуком готической традиции. Комплектом должен идти выпуклый живот, но надетая на нашем экскурсоводе просторная рубаха не давала достаточного обзора.

Антаблемент соразмерных плеч.

Нежные сандрики ключиц...

Колонна шеи с красивой капителью подбородка...

Выше, как положено, шли голова и лицо, они не посрамляли того, что ниже, но завораживало именно тело.

Хотелось стянуть с Евгении льняную рубаху. Покрыть плечи росписью, как своды Сикстинской капеллы.

Но это позже.

Для начала просто раздеть.

(Ева, вкусившая от древа, но оставленная в Раю. Адам взял вину на себя и отправляется к выходу. До нее пока не дошло: машет, кричит вдогонку: пока! до встречи! see you soon!)

Побрить голову, или убрать как-нибудь волосы. Они отвлекали, добавляли этому образцу совершенной архитектоники излишний объем...

А нам нужно было видеть линию затылка.

Поставить на подиум, хорошо осветить, неторопливо изучать все эти косточки и мышцы, сошедшие в хрупкой гармонии. Рождающие мерцание, чудесный звон, слышимый даже через одежду.

Если оперировать, действительно, архитектурными примерами.

Есть масса замечательных церквей, – и есть Покрова-на-Нерли, гений соразмерности. Куда всегда тянется муравьиная тропа людей, а те, кому лень идти тысячу метров пешком, а также пажоны, добираются от Боголюбово тягловым транспортом.

Зимой на санях, летом на повозках.

Есть Ротонда в Черенчицах, к которой сползаются по бездорожью сумасшедшие вроде нас.

Есть слегка кренящаяся, как бы сутуловатая, долговязая колокольня-маяк в Арпачево. Вот она – вылитая Евгения Рождествина.

Прекрасная Валдайская Ротонда тоже рифмовалась с Женей, резонировала.

Поэтому нас так и накрыло. Двойной удар...

Так что колокольчики тут были не при чем.

tripadvisor.ru
Музей колоколов
136 отзывов
развлечения__Валдай

Между Питером и Москвой есть маленький город – Валдай. Одна из основных его достопримечательностей Музей Колоколов. Именуется как единственный музей в России. Здесь можно не только любоваться на разные колокольчики, но еще и самому попробовать поиграть. Очень интересная задумка. Архитектура музея впечатлила, массивные колонны, сама постройка круглая, лепнина. Получаются очень красивые кадры. Это раньше была церковь Екатерины II. Находится музей в парке с многовековыми деревьями. Рядом есть небольшое кафе. С парка открывается вид на Валдайское озеро. Пейзажи замечательные. Рекомендую для посещения)

Расположен он очень удобно: на небольшом холме слева по движению вы увидите красивую белую ротонду с колоннами, разворачиваетесь, останавливаетесь на стоянке и поднимаетесь к великолепному сооружению – путевой церкви, построенной знаменитым архитектором Львовым еще в 18-м веке. Помещение совсем небольшое, но колоколов и колокольчиков здесь очень много. В какой-то момент в зале включается запись разных звонов – очень эффектно. А в один из колоколов мне разрешили ударить, чтобы отогнать все нечистые силы),

При входе небольшой сувенирный магазинчик, в котором можно купить колокольчики из самых разных материалов. Я выбрала два фарфоровых.

Оригинально, но не более.

Понимаю, что каждый город старается преподнести туристам какую-то изюминку.

В данном случае, выставка различных колоколов и колокольчиков в здании дорожной церкви. Сама церковь в форме колокола – символично.

Но с точки зрения познавательности – экспозиция в соседнем музее гораздо более насыщенная.

Красивое и довольно необычное здание, которое вносит очень приятное разнообразие в унылый архитектурный облик городка. Находится в здании бывшей церкви, внутри небольшая экспозиция колоколов и колокольчиков. Вид изнутри чудесный. Многочисленные круглые окошки хорошо проводят свет внутрь и при этом дают удивительный эффект, как будто ты находишься не в унылом провинциальном городке, а где-то в примечательном месте. А вот работники могли бы быть поприветливее.

Музей расположен в бывшей церкви очень оригинальной архитектуры. Много разных колоколов, в которые можно звонить. Особенно впечатлил звон ямских колокольчиков в исполнении экскурсовода.

Музей интересный и познавательный, детям будет интересно. Можно поиграть с колокольчиками и звук разный у всех.

Церковь
Екатерины
1795 года.
Архитектор Н.А. Львов.
Памятник русского
классицизма XVIII начала XIX века.
Отличается простыми гармоничными формами,
стройными пропорциями, изящными деталями.
Восстановлена в 1959–1961 гг.
Подлежит охране
как
всемирное достояние.

– Смешно написано. Хотя, вроде, все по делу, – сказала Оля. – Как в каталоге одежды.
– Может быть, – пожала плечами Евгения. – Хотя правда странная формулировка – «как всемирное достояние». Несколько расплывчато...

– Одна из наиболее благополучных построек Львова. Впрочем, имела место глобальная реставрация. Церковь, вы, наверное, знаете, неприходная. Службы здесь происходили нечасто. Про ночевку в Ротонде тела Александра I по дороге из Таганрога в Санкт-Петербург, конечно, читали...

– Я читала в отзывах на трипэдвайзере. Про вашу версию с «Ямщиками на подставе». Эффектно вы придумали, ничего не могу сказать, – сказала я с напором, рассчитывая смутить нашего экскурсовода.

В ответ на это Женя Рэ улыбнулась во все семьдесят четыре зуба.

– Правда? Спасииибо! Рада, что вы оценили.

Женя возбужденно вскочила на свои ходули и встала над нами, загородив солнце. Подвигав плечами, я установила солнечный диск подобием нимба у нее за головой; лицо было затенено контражуром...

– Смотрите! Львов в то время – одно из самых значимых лиц Почтового правления. Кстати, успевший сделать очень многое на этом поприще. Не просто так жалованье получал и пользовался служебной квартирой... Транспортные перевозки, ямщики, станции, подставы имели к его деятельности самое непосредственное отношение! Именно Николай Александрович разработал первый в России типовой проект почтовой станции. Он был реализован и успешно функционировал в нескольких городах. Например, в нашем с вами любимом Торжке. Иначе говоря, можно посмотреть на оперу «Ямщики на подставе, или игрища невзначай» как на производственную комедию... Причем в актуальном историческом контексте. Герои (ямщики, плюс один офицер) ждут царский поезд. Императрица отправилась в свое большое таврическое турне. Место действия, если помните, – Российская империя, подстава у большой дороги на равнине. М-да, на наше ухо звучит, конечно, так себе. Подстава, да еще у большой дороги... Ну а где ямщики, там и колокольчики. Чего мне не хватает в валдайской экспозиции, так это упоминания об опере Евстигнея Фомина на

либретто Львова! Было бы просто великолепно... И точно в цель. Учитывая, что достаточное количество людей понимают Ротонду в первую очередь как Львовское место... Кстати, – Женья снова уселась к нам травку, – давайте их вечером вместе послушаем? «Ямщиков»? А? Она коротенькая, чуть больше получаса. Хорошо? В интернете есть запись постановки Санкт-Петербургской филармонии... Опера очень красивая, вы обалдеете. У меня увертюра из нее стоит в качестве рингтона.

Мы лежали на траве. Я совершенно обессилела от энергичного Жениного голоса, от информационной плотности, от всего этого валдайского звона.

Митя привстал:

– Конечно. Встречаемся у нас? Мы с удовольствием, да? – сказал он, оглядываясь. – Вроде никаких других планов не было... Только искупаться.

– Очень интересно, – сказала Ася искренне. – Как же нам повезло, что вырубили электричество.

Они, конечно, уже забыли, кто организовал для них всю эту прелесть... Посредством долгих уговоров и переговоров... И кому принадлежала великолепная идея...

– Куда дальше планируете? По каким... львовским местам? – спросила Галя с плохо сыгранной непринужденностью, как шпион, не прошедший аттестацию.

Тема поездок, путешествий, а тем более культурных расследований – острая, болезненная, ревнивая.

Мы сидели на лужайке, недалеко от Ротонды. Разливалась томная теплынь, солнечный ветер играл листвою и волосами, картинка из туристического буклета... К Ротонде тянулась светлая, шевелящаяся, как букет хризантем, группа туристов.

– О, вы прямо будто знали! – обрадовалась Галкиному вопросу и без того радостная Женья. – Мы как раз недавно сверстали наши планы. Думаем проехать его европейским маршрутом 1781 года. Этой осенью. Тем более, уже точно известна вся география поездки, спасибо исследователям за их нелегкий труд (она отвесила поклон в сторону Ротонды). Но нам не обязательна эта буквальность, знаете. Путешествие скорее символическое, чем исследовательское. Тем более что в целом все уже найдено, опознано, атрибутировано. Возможно, удастся встретиться с самой Росси. Итальянской специалисткой по наследию Львова.

– Владеете итальянским? – спросила Галя с отвращением.

– Я – нет, но есть человечек с итальянским. Ну, и все же говорят по-английски...

Как наползает в ясный день тень от облака, так и меня заволочло унынием. Не зависть, не ревность, нет. Я вдруг увидела наш L-project в кривом зеркале. Восторженный любительский междусобойчик. Малобюджетный, даже в смысле символического капитала...

– А присоединиться-то к вам можно будет? – не унималась моя подруга. – Вы на когда планируете?

Над нами было натянуто ровное, без единой морщинки, образцовое небо середины июля. Самолет с белым хвостом писал белым по синему... к... он... ец...

Фильма?

Иллюзиям?

– Я отойду, – я встала, отряхнула джинсы. Помахала телефоном, что-то сегодня весь день размахиваю телефоном. – Надо позвонить!

Женя проводила меня долгим взглядом.

Мы засиделись допоздна на террасе гостевого домика. В одиннадцать было еще светло. Опера и правда оказалась просто прелесть, веселая, заводная, очаровательная. Надо будет побольше разузнать про этого Евстигнея Фомина... Русский Моцарт, прожил всего 38 лет. Вместе с русским Леонардо, Львовым, они сочинили комическую оперу, и заодно вытащили на оперную сцену народную песню.

С Фоминым сотрудничал и русский Эзоп, 19-летний Иван Крылов. Написал либретто к опере «Орфей», самому известному детищу композитора.

Моцарт, Леонардо, Эзоп. Нужно прикинуть, кем в этой системе выходит Гавриил наш Михайлович Державин? Русский – кто?

...Мы послушали «Ямщиков» аж два раза. Привязалось смешное «Брунь, брунь, кандалы». Ноги, как говорится, сами пускались в пляс.

Чудо-Женя добыла нам копченых линей, удлинивших вечер на магическое время рыбной процедуры. (Вечер стал длинней на три кило линей.)

Мы решили не размениваться гоблински на пиво, пили сухое белое, кроме Мити, которому завтра было за руль. Но Митя и так охмелел от всей этой истории, побега на Валдай, озера (купальники и плавки сохли на бельевой веревке), рыбы, «Ямщиков», долгоногой Жени, ее львовоцентрических планов.

– Угадайте, какая у нас главная... скажем так – символическая цель итальянского путешествия? – Женя сидела в плетеном кресле, заплетя ноги в долгое макраме. Видимо, у нее развился инстинкт все время укорачивать свои выдающиеся конечности. – Ну, к чему нужно припасть в Италии? Для лучшего понимания Львова... Причаститься? Давайте, совсем простая задачка! Тем более что вы прямо из Черенчиц, а там есть подсказки...

...А я, главное, недавно проштудировала свежее издание дневников. Обводила, подчеркивала. Все важное, все главное, казалось мне... Венеция? Болонья? Наклонная Пиза – на нее намекала колокольня в Арпачево.

– Ну, дорогие, давайте?

(«Дорогие». Между прочим, Женя категорически отказалась брать с нас деньги за экскурсионное сопровождение! Которые я подсовывала со всей возможной деликатностью. «Обижаешь, бро!»)

Обессиленный Марк помотал головой. Они, Ася, Галина бывали в Италии не раз, в отличие от нас с Митей и Олей.

– Хорошо. Не буду вас истязать. Синдром экскурсовода-затейника, это уже не лечится... Храм Весты! Верней, то что от него осталось, четвертушка, или того меньше... Из храма Весты растут ноги у всех Львовских ротонд. Это раз. И пирамида Цестия. И то и другое в Риме. Нашего Николай Александровича, считай, архитектурные папа и мама...

– А как же Палладио? – вскричала Оля.

– А Палладио – старший брат, – Женя, качнувшись, потянулась к нам бокалом. Было приятно видеть, что она пьяна. Эфирное создание пило не отставая.

– Думаю, я к вам присоединюсь. Может кто-то еще? – покрасневшая Галка обвела нас взглядом. – Две-то недели можно выкроить для такого дела...

(Галя сказала это так естественно, будто выкраивать ей предстояло только время...)

– Отлично, буду рада единомышленникам. Потом сброшу план поездки и примерный расклад по деньгам, – сказала Женя. – Знаете, у меня ощущение, будто я знаю вас сто лет. Именно компанией, двое прекрасных мужчин, четверо женщин. И все художники...

– Я – п-писатель! – возразила я, качнувшись на стуле.

– Я п-провожу, – кивнула я на засобиравшуюся Женю.

– Будь, пожалуйста, осторожна, – не стал возражать Митя. – И телефон не забудь!

Все они еще минут пять целовались, обнимались, говорили, как здорово и слава небесам; опять добрым словом было помянуто отключенное электричество.

Июльской ночью мы шли с Женей Рэ по городу Валдай. До ее гостиницы, она сказала, минут десять, но мы не торопились.

Мы с Женей отразились в зеркальных окнах городского пассажа. Я была своей спутнице примерно до уха.

Шли, уютно молчали, чтоб не расплескать приятность всего произошедшего.

Валдайского экспромта...

Чудно вышло сегодня... Фигак, и мы на Валдае... Пацан сказал, пацан сделал! Я вспомнила похожий эпизод, примерно с тем же составом участников. Только тогда экспромт вылился в какую-то смешную ерунду. В результате мы так и не попали в Алексин...

Гугл, когда я его гуглила, напомнил, что был у меня в детстве такой любимый писатель. «Поздний ребёнок», «Мой брат играет на кларнете» и так далее. Попытка передать эту любовь по наследству детям – увы, не удалась: мир сильно поменялся, особенно подростковый.

Анатолий Алексин.

...Мы собрались в Тарусу. «Там всего тридцать километров до Алексина, заедем?» – предложила подруга. «О, у меня в Алексине двоюродный прадед жил, – обрадовалась я, – ветеринар Василий Рождествин!» Отцу приходили из Алексина мелко исписанные письма-открытки от троюродных сестер, переписка длилась десятилетиями.

Тридцать километров – ерунда же, не двести и даже не сто. Поэтому мы томно запланировали съездить в Алексин во второй половине дня. Сходили в музей, пообедали и уселись в машину. Федор Бондарчук, который был у нас штурман-навигатор, даже обрадовался: «О, это ж рядом совсем! Поехали!». И мы поехали.

...В добондарчуковский период я бы обязательно посмотрела карту, с ними как-то надежней.

Сели, завелись. Зимний день, снег с дождем, путь недалек лежит. Выехали из Тарусы, проехали всего ничего, и Бондарчук говорит, мол, через триста метров поворот налево.

Повернули. Такая присыпанная снежком грунтовочка уводит к Оке, нетронутая. Странно, почесали мы в затылке, и решили ехать по асфальту.

Едем. Бондарчук, не моргнув глазом, сказал, что ж, будем импровизировать, перестроил маршрут. Но по-новому вместо обещанных тридцати километров выходило уже шестьдесят.

Но едем. Что нам, никуда не опаздываем.

А природа кругом красивая. Холмы, овраги, перелески. Эстетическое удовольствие получаем. Все как один художники, даже я, правда, слова. Любуемся.

Тут на горизонте за лесами показались натурально башни Мордора. Нечто циклопическое. Встает серой громадой, по мере приближения.

Взобрались на холм – и открылся нам в перелесках огромный укромно припрятанный в российской глубинке промышленный комплекс. Целый Байконур, показалось с перепугу. Ближе подъехали, прочитали – бетонно-цементный завод, что-то по-французски и добро пожаловать.

То-то нам одни цементовозы по дороге попадались...

Миновали комбинат, и дорога испортилась. Дыры, колдобины, промоины. А навигатор говорит: пятьдесят пять километров осталось.

Еще попетляли в перелесках, дорога стала глиняная, грейдерная, и пошла петлючим слаломом под гору. Щемящей красоты вид открылся нам: река во льду, понтонный мост, два жигуленка, трое рыбаков чернеют на льду. За рекой – деревня. Дорога сделалась окончательно глиняная и как бы свежевыкопанная, в смеси снега и дождя, и раздвоилась – правый рукав уводил на понтонный мост, левый, совсем дикий, – вдоль берега в кусты.

Ничто не выдавало близости шестидесятитысячного города с тысячелетней историей, промышленностью и инфраструктурой. Встали в растерянности третьими у жигуленков. Мы с Асей пошли к ближнему рыбаку. Смуглый, с заснеженными бровями, он засмутился от нашего вопроса. «Витек, – позвал другого рыбака. – До Алексина как им лучше?» Витек не знал, и наш рыбак сказал, что надежней через мост по тульской трассе, а там свернуть. Километров девяносто. Но тут на мосту показалась машина, и рыбак с облегчением отправил нас спросить у водителя. В машине сидела девушка-ковбой. Она подтвердила насчет тульской трассы и девяноста километров. А вдоль берега до Алексина километров семнадцать, но никаких гарантий. Грунтовка, зима, погода.

С невеселыми новостями вернулись мы к своим. По дороге встретили еще машинку с немолодой и, кажется, изрядно поддатой парой. Водитель был копия актер Виктор Сухоруков, красный, веселый. «Да, в Алексин тоже решили попробовать. Пару лет назад ездили вроде... Не знаем, посмотрим», – и унеслись, лихие, бухие, счастливые, подпрыгивая на ухабах и вздымая крылья жидкой глины.

Смеркалось.

Алексин не давался. Трудно было отказаться от него, но равно пугали и девяносто километров, и перспектива увязнуть. Осторожники и чистоплюи на белой машинке... Из хорошего у нас был с собой термос и румяные тарусские булки, их решено было съесть не абы как, а – все же эстеты! – в живописном местечке.

...Выбрали обочину почище, вылезли, поели булок с чаем.

Возвращались веселые, немного смущенные. Подразнивая друг друга, говорили «Алексин», краснели, а потом смеялись.

Остаток вечера гуляли, пили вино, играли в ассоциации, радовались уютной маленькой Тарусе.

А Алексин когда-нибудь в другой раз.

– Знаешь, – сказала Женья (на ты мы перешли сразу после знакомства), – все это... ужасно странно. Ну, ваша бешеная компашка, помешанная на Львове.

Формулировка показалась легкомысленной, но Женья не дала мне возразить.

– ...В этом есть что-то... фантомное. Я вас знаю. Ну, я же занимаюсь Львовым, давно. Вожу экскурсии. Однажды... (Жене снова приспичило курить, она запустила руку в рюкзак, нащарила пачку, вытрясла сигаретку...)

Мне тоже захотелось курить, прямо заныло во рту, свело предвкушением горло. Представился горячий вкусный дым. Но я свято помнило правило: либо пить, либо курить. Если одновременно – больная голова, сто процентов, три дня.

– Прости... (Женья выдохнула дым.) Однажды мне приснился сон... Кстати, дело было в Питере. Славная такая гостиница на Матисовом острове, и недорогая. Это была программа «Львов и Петербург». Приснился целиком, как таблица Менделеева, с титрами, с музыкой. Я проснулась и записала. Сны же никто слушать не любит, такая нудятина, сама знаешь. А сон странно складный, жаль было его забыть, потерять. Там, во сне, компания совершенно незнакомых мне людей ехала по львовским местам, такое мини-расследование. Видимо, у меня уже профессиональная деформация, снятся экскурсии. Записала. Получился рассказ, неплохой. Я ведь тоже... (она затаилась, выпустила дым, закинув голову) пишу. Для нескольких электронных ресурсов, там, по истории архитектуры. Публицистику. Лонгриды. Отчеты о наших... экспедициях. Как ни странно, такое востребовано.

– Ничего странного.

Женья махнула длинной рукой, веля не перебивать.

– Так вот, в моем сне была компания на микроавтобусе, вылитые вы... Точно, художники.

– А еще... – она колебалась, – даже не знаю, как ты к этому отнесешься.

Я пожала плечами.

– Короче, у нас с ним был секс! – объявила Женья, вращая глазами. – Вообще... Какое-то безумие... Чулки, жабо, кюлоты... Шлафрок этот...

– С кем с ним?

– С кем, с кем! Со Львовым! А чего ты удивляешься? В него же все влюблены, кто им интересуются. Независимо от гендера! Влюбляются сразу, или со временем. У меня, видимо, просто набралась уже критическая масса... И мы с ним переспали, во сне. Причем по его инициативе...

Женя, кажется, собиралась угостить меня подробностями, но я не готова была слушать. Это было тоньше и сложнее, чем, допустим, негодование или смятение. Почувствовав что-то, моя спутница необидчиво замолчала, углубившись в сигарету.

Просто я не могла собрать ее в одного человека. Блестящего экскурсовода, специалиста по творчеству Н.А. Львова, женщину завораживающей внешности и сумасшедшую дылду напротив.

Женя, ссутулившись, жадно прикуривала уже третью сигарету.

– А ты замужем? Просто вопрос.

Женя подбоченилась, пьяно качнулась. По ее лицу пронесся калейдоскоп выражений, целый театр одного актера, плюс сложная жестикуляция. Она могла бы участвовать в шоу мимов-рассказчиков. В ее немом повествовании была давно минувшая любовь, насмешка, жалость, неодобрение с нотками презрения, и даже содержался набросок портрета. Я узнала, например, что Женин муж светловолос, ниже ее ростом и любит красное вино.

– Что? – спросила я развязно. – Брунь-брунь, кандалы?

– Не-е-е! – Женя сделала размашистый отрицающий жест. – Не в этом смысле. Короче, официально мы еще не развелись.

16 июля в Черенчицах вырубили электричество, утро сразу перестало быть томным. Плита чернела холодными кругляшами конфорок. Безмолвствовали холодильник и электрочайник. Не было света в туалете и особенно в душе, который по разнузданной столичной привычке мы с утра надолго оккупировали, создавая маленькую понимающую очередь. Судя по зарядке телефона и ноута, электричество отключили еще ночью.

Мы позвонили Елене Александровне.

– Авария на подстанции! – сказала библиотечка бодрым голосом. – Обычное дело... Обещали дать к 18.00, но мало ли что они обещают. Все без света сидят, Арпачево, Фомино, Осипово, Горощино. Мы с мужем сегодня на огороде. Все равно компьютер не работает, на работе без света тоже делать нечего, – и я поняла причину ее хорошего настроения.

Наши, наоборот, приуныли, потерялись. Оля нервно расчесывалась. Марк смотрел в окно, Митя ловил новости на остатках интернета. Несгибаемая Ася делала бутерброды.

Тут на меня снизошло вдохновение.

Счастье. Боже, какое счастье. Подарок! День без телефона. И даже без ноутбука...

– Эй, вы, – сказала я. – Очнитесь! Вам подарен день без гаджетов... Воспряньте, воспримите это как чудо и благо. Как внезапную випассану. Этот, как его, ретрит. И без кофе можно выжить. Без яичка всмятку... В туалет можно сходить в темноте. Выдержать одно утро без душа. Ладно б у нас были полные морозилки мороженой наваги, как, помню, на Соловках... – отвлеклась я.

– Сама-то как будешь без ноута? Первая взвоешь, – сказала Галка. – Мы-т ладно...

– Я – прекрасно. Я осмотрюсь, переведу дух. Дойду, наконец, до конца поля. А потом ты, Галина, поделишься со мной тонированной бумагой, карандашами, и что у тебя там еще. И я нарисую Ротонду и все, что захочу. А пока, друзья, предлагаю немного изменить наш распорядок. И прямо сейчас, не дожидаясь лицемерно обеда или какого-то специального времени и повода, выпить немного вина, с водой и без. А можно и много, запасы позволяют. Как пойдет. Вместо кофе. В конце-то концов...

...Это был и правда чудесный день. Выпав из графика, режима, исчезнув с (собственных) радаров, я бродила по Никольскому, смотрела на окрестности новыми глазами, с которых упала пелена суматохи, долженствования...

Эй! Куда ты несешься?
Почему торопишься?
Кто за тобой гонится?

Почему-то мне никак не удавалось силой фантазии реконструировать бытие в Никольском. Будто электричество выключили заодно у меня в голове. Представить мелькнувшую в зелени Марию Алексеевну. Девочек Львовых. Хозяина усадьбы, энергично идущего от барского дома в сторону служб, – даром, что ли, я изучала их портреты, глаза сломала. Ухватить взглядом дворню. Учеников-землебитцев, крестьян. Присматривающего за ними молодого художника Петрова. Черенчицы в конце XVIII века было местом людным, а я иду уже десять минут и не встретила пока ни души. Даже Валеры не видать, отлучился или в будке.

Стояло полновесное яркое лето. Терялись в зелени постройки. Петрова гора и кузня в ней были замаскированы кустарниками и травами, а дальше стелился, полоскался луг.

Я пошла, что называется, куда глаза глядят. Держа, впрочем, ориентир Петровой горы за левым плечом.

...Рисовать, что интересно, совершенно не тянуло, только идти. Причем в одиночку – я мягко, но твердо отказала Мите, Галине и Оле.

За лугом начинался лес, я пошла краем, опасаясь туда войти и заблудиться, был опыт... Бестелефонная эйфория все-таки не совсем лишила меня разума и чувства реальности.

К тому же сомневаюсь, что здесь имелся интернет.

Я шла и шла, смотрела, как меняется, загибается пространство.

...У Тверской области свой особый стиль, давно замечено. В Костромской области средний пейзаж устроен по-другому, даже с тем же рельефом и набором растительных видов в кадре. Иные – Ивановская, Ярославская, Владимирская...

Захотелось пить, я приложилась к акварельной бутылке. Для акварели годится любая вода, для питья нет.

Причем воды кругом становилось все больше, под ногами захлюпало.

Что ли, болотистая местность?

Или какие-то мелиоративные дела?

Я обернулась.

Сзади тянулись поля, лес по горизонту, перелески, красоты.

Только вот Петрова гора и Никольское в пейзаже никак себя не обнаруживали.

Я допила воду из бутылки, развернулась на 180 градусов и пошла обратно.

...Хотя, конечно, гораздо интереснее было бы продолжить движение вперед. Ориентируясь на поля – верный признак человеческого присутствия. Очнуться в каком-нибудь Смердове. Выбрести, уже устав и потеряв самоуверенность бывалого путешественника. Рвануть туда, завидев, наконец, серую, как графит, крышу на краю пейзажа. Заявиться в Смердово, где всего несколько домов, в основном заброшенных, но есть пара очень приличных дач, с калитками на запоре. Выяснить, что в данный момент обитаемы только два дома, в обоих живут пожилые женщины, но не старушки, и у одной, к счастью, гостит двенадцатилетний внук Коля, хороший мальчик из Питера.

После сбивчивых объяснений женщины с мокрыми ногами и сожженными на солнце носом и щеками, после упоминаний Никольского, Елены Александровны, Валеры, музея, хозяев дома Щепотьевых бабушка и Коля сжались над сумасшедшей. Дают ей а) попить, б) Колин велосипед, напрокат. Велосипед причем хороший, с подрессоренной вилкой, семь скоростей. Полевая женщина обещает, клянется, что этим же вечером *они* (в Никольском *их* много) вернут транспортное средство, завезут на машине.

В Смердово тоже с утра отсутствует электричество. Это, конечно, становится решающим фактором и объясняет явление откуда-то из полей дикой, прокаленной на солнце женщины.

От Смердово до Никольского меньше четырех километров по грунтовке, сущая ерунда. Пусть они покажут направление, и она отлично доберется пешком, без проблем. Коля настаивает на велосипеде, ему жаль женщину, хоть та и хорохорится, тем более что она похожа на его симпатичную училку по муз-ре, музыкальной литературе, чем-то, стрижкой.

...Я допила воду из бутылки, развернулась на 180 градусов, пошла обратно.

Галка писала, в значении рисовала, на моем любимом месте, на Петровой горе. Я заметила ее издали в виде серебристого столбика, вечно она в сером да голубом, будто нет других цветов. Художник называется.

Увеличиваясь в размерах, столбик превратился в художницу в панамке.

– Есть там что-нибудь интересное? – кивнула Галя, не отрывая глаз от своей работы.

– Лес, поля, все то же самое. Здесь лучше.

Марк и Ася сидели бок о бок, рисовали руины усадебного дома. Развернувшись, я увидела Олю с этюдником, замаскированную пятнистой тенью.

Митю ни она, ни супруги-художники не видели, помотали головой, будто отгоняя муху.

...Это было странное ощущение. Давно забытое. Безжизненные прямоугольники наших телефонов существовали отдельно от нас, лежали, ждали, когда им дадут прильнуть к электрической титке. Верней, они не ждали, им было пофиг.

Ждали – мы.

Но чем дальше, тем меньше. Неужели зависимость проходит так быстро?

Я пошла в сторону музея, здесь стояли и беседовали Валера и Елена Александровна. Они хорошо смотрелись рядом, рослые, крупные...

– Не дали? – крикнула я издалека. – Здрасьте, Валер! – охранник осталютовал мне ответно и двинулся навстречу, в сторону своей будки.

– Не-не, раньше шести не дадут, – уверила меня Елена Александровна, и я опять отметила радость в ее голосе. – Надеюсь, сегодня уже никто не приедет, я ж с самого утра без связи. Не должны... Уже пятый час. Ну а вы как без электричества, справляетесь? – спросила библиотекарша.

– Отлично! – я потрясла пленэрным рюкзаком. – Собралась вот порисовать.

Мы шли с ней в сторону Ротонды. Меня вдруг осенило.

– Елена Александровна! Я хотела порисовать там, внутри. В верхнем храме. Стены, купол, с натуры. Можно? Сегодня день такой яркий, свет хороший. Пустите меня, а?

Библиотекарша стала как вкопанная, я чуть не врезалась в нее плечом.

– Это не положено. Запрещено.

– Я понимаю. Но от меня-то какой ущерб? Ууу? – я заглянула ей в глаза, изображая голодную собачку.

Несмотря на очевидную мою безобидность, библиотекарша мялась и явно не хотела идти навстречу. Будто я предлагала что-то по-настоящему противозаконное... Что?

– Ну пожаааалуйста! – не сдавалась, канючила я. – Никто и не узнает... Кроме нас двоих и... – я посмотрела вверх, а потом снова на библиотекаршу.

Острое желание проникнуть в Ротонду и побыть там в одиночестве, в сущности, внезапный каприз, вызванный странностями и непредсказуемостями бестелефонного дня, заставило меня давить на хорошего, законопослушного человека...

Было идеально безлюдно, но Елена Александровна оглянулась по сторонам, будто за деревьями мог скрываться государственный проверяющий. С величайшей неохотой женщина сунула мне тяжелую теплую связку.

– Большой желтый ключ – от верхнего храма. Только не афишируйте, прошу. Я ответственное лицо, а это памятник федерального значения. Ключи занесете.

– Елена Александровна, вы... вы – человек! Муза! Покровительница искусств...

Я ткнулась библиотекарше лицом куда-то в область грудино-ключично-сосцевидной мышцы.

Елена Александровна закатила глаза:

– Такие чувствительные все, кто Львовым занимается. Только вы там поаккуратней! Все, я пошла. Надо пользоваться... пока свет не дали...

– Тук-тук? – крикнула я, входя в калитку. – Тук-тук-тук! Есть кто живой? Еле-на Александров-на!

Дом, хозяйственные постройки, большой огород и небольшая беседка подтаивали в сумерках. Уже растворились верхушки яблонь и слив. Без электричества, желтых вечерних окон, уличных фонарей естественное освещение показывало себя во всех тонкостях и нюансах.

Библиотекарша помахала мне с дальнего края участка. Я смотрела на нее новыми глазами. Высокая, крупная, статная, без возрастной сутуловатости. Яркие глаза, живые и веселые. Морщины по возрасту. Гусиные лапки подчеркнуты деревенским загаром. Пигментное пятно на скуле, а у кого их нет. Без затей короткая стрижка на выющихся волосах. Грубоватые серьги из желтого золота. Бесформенная футболка, синие трико – непритязательный прикид для работы на огороде.

Разогнулся и стал виден Петр Витальевич, ее муж.

– Таня, заходите! Все успели? Мы уже заканчиваем... Будем чай пить.

– О, электричество дали?

– Нет-нет. Что-то они сегодня бьют все рекорды... Разожжем самовар, раз такое дело. Пили когда-нибудь чай из самовара? У нас и печка есть, вообще-то. У вас, кстати, тоже. Только я пойду переоденусь, две минуты.

Мы пили чай из самовара в начинающихся сумерках, при свете керосиновой лампы, словно оказались в мультике Норштейна. Елена Александровна зажгла и расставила несколько свечек в разномастных подсвечниках, чувствовалась хорошая подготовленность к происшествиям такого рода. Получилось атмосферно и почти элегантно.

Молчаливый Петр Витальевич пил из чашки в виде головы Путина, держа его за левое ухо. Перед тем как пить, он разболтал в чае ложек десять сахара, или мне показалось с перепугу.

Муж библиотекарши неверно истолковал мой взгляд:

– Смутил я вас? Покоробил? – Он поднял чашку повыше, подкрутил ее Путиным ко мне. – Дочка привезла из Крыма. Сувенир. Размерчик хороший. Почти пол-литра.

– Не-не! – успокоила я его. – Мне-то что... Все нормально. Главное, чтоб функционировало...

Хозяева угощали меня вареньями из смородины и негуса, черного крыжовника, и белопенным зефиром.

– Ключи я вам сдала! – напредила я. – Ключ сдал, ключ принял. Спасибо огромное. Это... непередаваемо. Не было подобного опыта... В общем, я узнала почти все что хотела. И порисовала, да.

Елена Александровна посмотрела на меня внимательно. Петр Витальевич поставил Путина на стол, кинул в него еще ложку сахара, забрякал ложечкой.

– Это уже второй раз, – промолвила библиотекарша задумчиво, – когда я дала ключи от Ротонды. Постороннему лицу. Был такой грех. Недавно... Петь, когда они приезжали? В прошлом году? Или два года? Группа, большая, с экскурсоводом. Меня их главная, девушка... ну как девушка, сейчас все девушки, до пятидесяти... упростила пустить. Сказала,

она ученый, историк. Специалист по Львову. Такая рослая, выше моего Пети. Привлекательная, – отвлеклась Елена Александровна. – Ну что, я пустила, раз надо человеку хорошему. Ученая тем более. Хотя я и не имела права. Правда, знала ее, экскурсовода этого. Они иногда приезжают, компания Культ-Тур. Причем вся группа уехала в Торжок с водителем, представляете, а она осталась. Видимо, потом ее забрали, не знаю, как она добиралась в город... Но это уже не моя забота. Просто вернула ключ, попрощалась. Деньги давала, но я не взяла. У нас в музее есть коробка для денег, вы видели, все туда кладут, сколько захотят. Хоть сто, хоть тысячу.

– Из Москвы? – спросила я, подкладывая себе еще варенья и делая в голове зарубочку, что нужно будет отблагодарить Елену Александровну как-то, но не деньгами. – Экскурсовод эта из Москвы?

– А откуда еще? – засмеялась библиотекарьша. – Таня, кстати! Раз такое дело... Хотите вишневой наливки? Петя делает, очень вкусная.

Митя с Галкой вышагнули к нам из темноты. Как ежик, как месяц из тумана.

– Здесь твоя! Пьет... – объявила Галка саркастически. – Простите, что вломились. Мы стучали, просто вы не слышали. Потеряли нашу писательницу.

– Тань. Ты вообще ох...ренела? – спросил Митя тихим криком. – Мы ее ищем, волнуемся. Ночь скоро. А она тут... чай гоняет. – Он повернулся к Елене Александровне, виновато пожал плечами – Совершенно разучились жить без телефона... Какой-то коллапс на ровном месте.

Поморгав, зажегся ближайший уличный фонарь. Вспыхнули окна соседнего дома. Забубнило радио. Пространство ожило возбужденными выкриками.

– Чаю? Наливки? – спросила я, пододвигаясь. – Петр Витальевич сам делает, обалденная! А вот, кстати, и электричество.

– ...Я правда не понимаю, что с тобой творится. Как можно уйти на целый день – и ни разу не дать о себе знать. Не зайти, не предупредить... Ася говорит, показалась в начале пятого, а потом как сквозь землю провалилась.

Я обрывала малину с ближайшей ветки, крупную, в полпальца.

– Это что вообще? Инфантилизм, внезапно? Что я должен думать? Где тебя носило? Мы с ума сходим, а она чай гоняет у соседей...

Для «важного разговора» Митя отвел меня на зады большого участка. Как герои картины «Деревенская любовь» Жана Бастьена Лепаже, мы стояли с ним у забора. Хотя не было нужды бояться, что нас услышат из глубины малинника.

Негромкий Митя в состоянии бешенства переходит на металлический скрежет.

А я... а мне нечего было сказать.

– Ладно, Мить. Послезавтра уезжаем уже. Жизнь войдет обратно... в эту, в колею. Электричество больше никуда не денется. От телефона, сам знаешь, меня будет не оторвать.

– Где. Ты. Была? Можно ответить на простой вопрос, а не разводить эссеистику?

– Б...! В будке у Валеры, где-где! – взорвалась я. – Не могу сказать. Это тайна. Причем не моя. Могут у меня быть тайны? Или все уже?..

Митя смотрел на меня со смесью жалости и отвращения.

– Ты сходишь с ума! Помешалась на всей этой... архитектуре! – казалось, его сейчас стошнит.

Какой огромный, нескончаемый день. Я почувствовала усталость. Поняла, что усну сейчас прямо здесь, в малиннике.

– Мить, нет! Как раз наоборот. Я совершенно выздоровела... Пойдем уже спать?

После вулканической паузы, сверкнув глазами, Митя ушел через заднюю калитку в неизвестном направлении. В темноту. Этого еще не хватало...

Он вернулся часа через три, когда я уже немного поседела. Не проронив ни слова, лег спать. Сбросил мою руку, как дохлую ворону, откатился на край кровати, затих.

Я разложила на каменных плитах пола свое (Галкино) акварельное хозяйство и только потом сообразила, что выпила всю воду. До капли, утолив в полях жажду и заметно облегчив рюкзачок.

Таким образом, акварель отменялась. В кои-то веки соберешься порисовать, и вот...

Я вспомнила про купель, надежный источник влаги, но жара сделала свое дело, здесь было идеально сухо.

...Вдруг ужасно захотелось залезть в нее, пользуясь сходством с корытом, с ванной, подремать-понежиться. Но память, цензор и жандарм, немедленно показала мне картину «Смерть Марата». Написанную Жаном Луи Давидом, кстати, или некстати, примерно в те же годы, когда строился храм Воскресения в Черенчицах, и я отказалась от непристойной затеи...

Устроилась на сидухе под колонной. Раскрыла твердый блокнот, взяла карандаш пожирней и помягче, для быстрых темпераментных зарисовок. Запечатлею-ка я внутренности купола! Какая-то же должна быть практическая польза от сегодняшнего дня...

Я подняла глаза к каменным розеткам, упорядоченным под куполом. Неподвижный свет, льющий внутрь ротонды, мельтешил пылинками. Я решила для начала сосчитать розетки, но они двинулись рядами, всеми шестью, каждый в своем темпе, по кругу. Потом

розетки образовали пары, завальсировали. Разлепились, перестроились, снова завальсировали, потом задвигались странным тетрисом, взбесившимися шашками.

– ...а что до зодчества, строительства из дерева и камня, матушка, то и на этой ниве нет ничего вечного и прочного, – сказал приятный мужской голос. – Все ветшает, рушится, приходит в негодность. Слезы выступают на глазах у меня, когда вижу я останки дома, в который столько вложено труда, душевного и умственного огня. Все тлен... Не придавайте, голубушка, чрезмерного значения никаким художественным прожекам своим. Не принесет вам сие ни покоя, ни утешения, ни тем более славы. Кто автор и какова цена – известно тебе и Богу, и довольно. Дети – главные создания наши, в них продолжимся. Их следует укреплять.

Я сидела, привалившись к колонне и закаменев вместе с разложенным на коленях блокнотом. Голос звучал громко и внятно, но не оставлял эха.

– ...Занимаясь искусствами с жаром и упованием, должно понимать и предвидеть опасности пути сего. Наветы, равнодушие, присвоение плодов ума и настойчивости нашей иными людьми становятся печальным итогом деятельности чаще, чем могло бы нам представиться. Безвестность и забвение – вот кто будет верен нам по гроб жизни нашей, – в голосе явственно слышалась горькая усмешка.

А посмотрела вверх. Розетки стояли неподвижно. Даже пылинки в столбе света замерли и никак себя не проявляли.

– Но вас-то... вон как любят! Ценят... – возразила я, дрожа, пугаясь звуков собственного голоса, он плохо слушался, но отбрасывал тень, в смысле хорошее плотное эхо. Несмотря на жару, в Ротонде было прохладно, меня познабливало. – Наследие Львова вызывает огромный, колоссальный интерес! У вас столько фанатов... в смысле, поклонников... Почитателей.

Помолчали. В тишине слова догоняло неторопливое эхо.

– Здесь, осмелюсь заметить, немало путаницы, домыслов, – возразил мой собеседник после заметной паузы. – Скрамному влиянию моему и даже авторству нередко приписывают чужие творения. Среди которых преобладают те, под которыми я едва ли осмелился поставить автограф. Суеты, восторженности, обратная сторона которой равнодушие, в этом много больше, чем почта... Вошел в моду после смерти, такое бывает. Я в свое время почитал и превозносил маэстро Палладио, проповедовал идеи и переводил труды его, публиковал, и, паче чаяния, оказался вдруг на его месте...

Вот тебе и посмертная слава.

– ...Но и обрел преданных друзей. Елена Александровна, землячка моя, из новоторов. Вы знакомы... Ценю каждую минуту нашего общения! Она не мастер словесных фигур, но простота, исполненная благородства, преданность, доброе сердце не требуют слов... С некоторых пор предпочитаю дождливую погоду. Верный знак, что Елена Александровна почитает забытый чертог своим присутствием...

Забытый! Я покосилась на купель, за лежанием в которой гипотетически меня бы могли застать. Встрепенулась. Раз уж я на спиритическом сеансе, нужно использовать сей шанс. Я спросила с напором, глядя прямо перед собой.

– Вопрос! Николай Александрович, ваши московские постройки – это? Дайте наводку! Кроме Тюфилей и проекта реконструкции Кремля?

Мой собеседник ответил после небольшой паузы. Голос стал постепенно стихать, будто убавляли звук. Сквозь учтивость мне послышалось легкое раздражение.

– Матушка, истинно говорю, есть ребусы и поинтересней. Была нужда былое ворошить... Неужто тайна для вас, что покорнейший слуга ваш не был удачлив и успешен в делах своих? Что имя не принесло ему ни славы, ни успеха, и денег чуть. Дав начинанию собственную фамилию, мог быть уверен я, что это остановит успех всякого важного и полезного дела, и чем дальше, тем больше...

Помолчали. Честно говоря, я не думала, что все прям настолько плохо. Или это поэтическое преувеличение?

Или, вообще, кокетство?

– И только создавая проекты для родственников или друзей моих, и здесь, в Никольском, был я волен, приволен и всем доволен... – Мой собеседник вдруг оживился. – Матушка, ты, я вижу, женщина сведущая, сделай милость, назови мне храма сего... (раздался звук, будто кто-то постучал палкой по плитам пола) первообраз и скажи, почему выбран в качестве онаго? Если самая прославленная и важная усыпальница во всем свете для меня источником вдохновения послужила. Название храма (снова раздался каменный звук) укажет путь к истине.

Собеседник мой замолчал, ожидая. Тот еще знаток истории архитектуры, молчала и я, каменно, цементно.

Я еще не знала, что вступаю в период, когда меня постоянно будут экзаменовать...

Тишина, вопиющая о моем невежестве и недогадливости, пульсировала в ушах. Игра в молчанку затягивалась, становилась неприличной.

Голос заговорил первым, опечалено, не скрывая разочарования.

– Признаться, рассчитывал я получить скорый ответ и подтвердить справедливость решения своего. Что ж, знамо, рифмы мои не точны, а символика недостаточна.

– Я... вспомню! Poiщу, найду. Просто я волнуюсь...

(Просто я без телефона.)

– Вы интересовались числом каменных розетт? – спросил голос учтиво и равнодушно. – Их сто шестьдесят восемь, – последние слова растаяли в тишине.

Я подняла глаза. Сумерки затушевали пространство под куполом. Розетки были еще видны. Обрадовавшись моему вниманию, они снова побежали по кругу, все быстрее, иногда ловко меняясь местами и вращаясь вокруг собственной оси. Каменная карусель завертелась всеми шестью рядами.

– Рот. Он. Да. Рот. Он. Да. Рот. Он. Да! – Я очнулась от собственной громкой скороговорки. – Рот. Он. Да. Рот. Он. Да. Да. Да! – что я несу? Какой еще рот? Мой

собственный? Он — понятно. Да... — я с трудом встала, опираясь на колонну. Занемевшие ноги не желали разгибаться. Ныла спина, постреливало в затылке. Черт, сколько времени? Как долго я здесь нахожусь. Где все наши?

За окнами и в кругляше купола лиловело. Еще немного, и в храме сделается темно. Запереть замок без фонарика станет проблематично...

Касаясь стен, я прошла по окружности ротонды. Заглянула за колонны, в купель. Закрывая тяжелую дверь, помедлила. Снаружи таял сладкий и свежий вечерний воздух. Шелестела, вибрировала листва.

Гасло розовое небо.

Микроавтобус ехал в сторону Твери. Супруги-художники зафрахтовали нас на ягодные работы: сбор смородины у них в Боблово. Это была хорошая идея, день передышки перед Москвой. Как пушкинские девушки, крестьянки Лариных, мы будем собирать ягоды и петь песни.

Почему-то меня это волновало, в хорошем смысле слова...

Багажник был доверху набит дорожными сумками, этюдниками, планшетами. Сдержанно пахло маслом и растворителем, родной, приятный запах. Среди багажа выделялся мой ноутбук в ярком чехле, белый-голубой-фуксия, такой не затеряется в траве...

Друзья-художники кто подремывал, кто смотрел окно. Справа от водителя, где обычно сидела я, но Митя до сих пор со мной не разговаривал, возвышалась Галя, видная мне в профиль. Неделя пленэра разгладила строгие черты, смягчила линию рта, не говоря уж о загаре, всяко улучшающем внешний вид. Прямая как сфинкс, Галка безмолвно смотрела на дорогу.

Ася, со всеобщего согласия, растянулась сзади. По ее признанию, в последнюю ночь наша подруга плохо спала. Я сидела между Олей и Марком, он развлекал нас израильскими фото; супруги-художники были там в марте. Марк отлично фотографировал, и я не скучала, как обычно бывает, когда показывают бесконечный отпускный фотоспам.

Места, в ряде случаев, не были абсолютно мне незнакомыми. Я провела на Святой земле пару недель за три года до того, изумляясь зеленой израильской зиме. Мы даже купались вполне безболезненно, причем на севере, — когда были в Галилее, на Кинерете. Правда, не в самом Галилейском море, а в открытых радоновых купальнях православного подворья в Магдале — это в январе! — и рыбки клубились вокруг нас как комары в подмосковном июне...

А вот в Массаде я не была, и на Мертвом море, да и на Красном, и еще много где. Тем приятней было узнавать знакомые места Иерусалима, вспоминать местечки Старого города, фрагменты Виа Делароза, эмоциональные сценки у Стены Плача.

Листая фоторепортаж из Храма гроба Господня, я почувствовала головокружение. Выпила воды. Рассосала барбарисовую карамельку.

Но в голове продолжали лететь по кругу вчерашние розетки...

Нужно было попросить Митю остановить машину, но мы с ним не разговаривали.

Я вернула планшет Марку.

– Чо-т ты бледная, – сказал мой товарищ. – Какая-то серенькая. Э?

– Мить, останови, – слышался Олин голос. – Ей плохо.

Митя снизил скорость, мы свернули с трассы, встали на обочине.

Сзади показалась заспанная, вскоченная Ася:

– Уже приехали? – удивилась подруга. Пока мои товарищи что-то ей объясняли, я выбралась наружу. Головокружение не прекращалось, это было похоже на знаменитые алкогольные «вертолеты», но тошноты не было.

Я села на травку и уставилась в веселое небо в облаках.

– Ты как? – Митя нарушил обет молчания. Он протянул мне бутылку воды. – Что с тобой?

Тут можно было бы чисто по-женски удачно разыграть карту с его вчерашней эскападой и уходом в ночь, разжечь чувство вины, немножко укрепить акции.

– Все нормально, Мить. Просто укачало. И кажется, я все поняла... Мне нужно немножко времени, чтоб переварить. Десять минут, хорошо? Пятнадцать.

Я растянулась на траве. Бег облаков по небу успокаивал, замедлял карусель в голове...

По иронии судьбы, это оказался поворот на Знаменское-Раек, куда мы заворачивали многократно. И где на Васильевой горе обитала еще одна львовская ротонда, часовня Даниила Столпника. В часовне сохранились фрески. Судьба этой ротонды складывалась не самым радужным образом: бесхозность и заброшенность, и только удачно-неудачное расположение до поры спасало ее от вандализма, но, увы, не от разрухи.

Главный анекдот здешних мест был про то, как увязшие машины туристов трактором вытаскивают из гигантской лужи...

Я вернулась к своим.

– Поехали? Все, я в порядке.

Мы снова двигались по Ленинградке, ни шатко ни валко, движение было довольно плотное. Я вернулась к Марковым фото, перелистывала, рассматривала их.

– Марк. Тупой вопрос. А ведь Храм Гроба Господня – это ротонда?

– Совершенно верно. Гигантская ротонда. Циклопическая.

– И, строго говоря, это храм-усыпальница?

Марк посмотрел на меня внимательно, кивнул.

– Некрополь?

– Да.

– Мавзолее?

– Э, ну, можно конечно и так сказать. Хотя это слово сильно себя дискредитировало...

У меня зачесалось в горле, я припала к бутылке тверской минералки, местный бренд.

– Как всем хорошо известно, – заговорила я, рассуждая вслух, – прах Христа в храме отсутствует. Смотри-ка, все сходится... Тоже распинали его мало не покажется. Тоже, считай, воскрес. И храм в Черенчицах – в честь Воскресения Господня... Ах, как-кой же шутник наш Николай Александрович! Хотя разграбление собственного захоронения он, конечно, предвидеть не мог...

Я вспомнила вчерашний вечер. Себя, сидящую под колонной в беспомощном стыдном молчании. Физически ощутимое разочарование невидимого собеседника. Меня накрыло горечью, сожалением. Правильный ответ подоспел всего через сутки, а назад уже ходу нет.

– Хочешь сказать, – протянул Марк после основательной паузы, – что Львов, планируя собственную усыпальницу, взял прототипом Храм Гроба Господня? Замахнувшись, так сказать, на Ииуса нашего Христа... И проводя некоторые параллели? Смелая гипотеза, Тань... И, конечно, оч-чень литературная.

Я повернулась и посмотрела своему товарищу прямо в умные серые глаза.

– Марк, это не гипотеза. И не предположение. И тем более не писательская догадка. Это так оно и есть. Не спрашивай! – и, без пауз, водителю, поймав его взгляд в зеркале заднего вида. – Ми-ить! А пообедать-то мы остановимся?

Обочины Ленинградки в этой ее части пестрели вывесками. «Кафе», «Столовая», «Горячие обеды», «Копченая рыба», «Свежая рыба», «Ягоды».

– Все, выздоровела? – спросил водитель, усмехнувшись. – Полегшало? Ну вот и хорошо. Я не против, ищите место.

L-project так и не вылился во что-то более материальное, чем все что я описала выше. Не был создан сайт, ни, тем более, портал. Не состоялась выставка. Соответственно, не осуществилась самая амбициозная задумка проекта – создание макетов избранных сооружений Львова, в том числе нереализованных, вырезанных из пенополистирола.

Таким образом, неосуществленные проекты Н.А. были не реализованы дважды. Концептуализм поневоле.

Вот Львов повеселился, там, у себя...

Никакого злого умысла! Просто с октября 2019 года выставка по независящим от нас причинам была перенесена на апрель 2020-го, а в апреле следующего года наступило известно что, а также в мае, июне и вплоть до конца этого чудовищного года. Весь мир немного умер и слегка воскрес, и процесс пока не закончен. Вирусологи с политологами упражняются в меткости прогнозов. Страх, горечь и равнодушие впитались в нас, вросли намертво маски и перчатки, и этот венецианский карнавал смерти все еще продолжается, волнообразно...

Таким образом, «Ротонда» и стала единственным материальным воплощением того, что пышно и нелепо называлось L-project. Тщательно ошлифованная, повесть получилась, по правде говоря, совсем неплоха.

«Ротонда» вышла – за авторством Евгения Рождествина. Вокруг публикации возник некоторый шум, весьма для меня досадный, и появилось целых три рецензии, включая мной уже упоминавшийся текст под названием «Ро-Ре», но довольно скоро все стихло, и мне оставалось только радоваться, что это не моя повесть, так ярко воссияв, быстро и без следа ушла в песок забвения.

Но я не унываю, другой герой из восемнадцатого века совершенно разбередил мою душу.

К счастью, он (герой) никакого, ни малейшего отношения не имел к искусствам, ни к каким.

Конец

Моя благодарность специалисту по наследию Львова Ирине Бочкаревой – за общение, доброжелательность и прекрасную экскурсию по Торжку. За бесценные консультации – историку моды Татьяне Нагорских. Сергею Белорусцу – за то, что читал текст на всех стадиях производства и высказывал свое мнение. Дорогому другу Владимиру Тучкову, ушедшему от нас в сентябре, – за внимательное чтение и важные советы. Владимиру Пимонову – за бережное чтение и подробнейшую корректуру. Анне Аркатовой – за чтение махины текста и доброжелательный отзыв. Анне Толстиковой – за читательское терпение и за компанию в части исследований. Марии Смирновой – за то, что обеспечивала автора редкими книгами и материалами, благодаря чему многие источники удалось прочесть на бумаге.

Литература:

1. Андреев А.К. Дом Разумовского в Москве – последнее произведение архитектора Н.А. Львова // Сб.: Проблема синтеза искусств в архитектуре. Л., 1975. Вып. 5.
2. Андреев А.К. Бывший дом Разумовского в Москве и некоторые вопросы истории русской архитектуры начала XIX в. Л., 1975.
3. Архитектор Николай Львов. Храмы, дома, усадьбы эпохи классицизма. Кучково поле, 2019.

4. Ирина Бочкарева. Н.А. Львов. Очерки жизни. Венок новоторжских усадеб. Торжок, 2008.
5. Алексей Гарин. Архитектор Николай Львов: автор дворцов, соборов и... «каменного картона» (<https://rcmm.ru/kto-est-who/33736-arhitektor-nikolay-lvov-avtor-dvorcov-soborov-i-kamennogo-kartona.html>)
6. Гений вкуса. Н.А.Львов. Сборник статей Министерства образования Российской Федерации. Тверской государственный университет, 2001.
7. А.Н. Глумов. Н.А. Львов. М.: Искусство, 1980.
8. Т. Григорьева. Землебит. Забытая архитектура. (<http://www.history-gatchina.ru/article/zemlebit2.htm>)
8. Дзюбанов С.Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) // Г.Д. Державин и его время. Вып. 4. СПб., 2008.
9. Гавриил Державин. Стихотворения. Петрозаводск: «Карелия», 1984.
10. Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Составитель В.Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998.
11. Егоров Николай: Архитекторы Санкт-Петербурга (Николай Александрович Львов (1753–1803 гг.) (<http://lvov.lit-info.ru/lvov/articles/egorov-arhitektory-lvov.htm>)
12. Елена Иванова. «Проект парка Безбородко в Москве Н. А. Львова – уникальный памятник истории русского садово-паркового искусства // Пейзажный парк в Европе и России: от Просвещения к романтизму. «Кучково поле», 2017.
13. Алексей Каверау. О строительстве Приоратского дворца и дальнейшем судьбе землебитного строительства и дальнейшей судьбе школы землебитного строительства, а также о секрете прочности землебитных стен. (<http://www.dkd.ru/design/book/920/>)
14. Коплан Б.И. К истории жизни и творчества Н.А. Львова. 1927 (http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=im&paperid=5490&option_lang=rus)
15. С.О. Кузнецов. Адам Менелас // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Составитель В.Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998.
16. Лаппо-Данилевский К. Ю. Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796 г.) // Литературный факт. 2017. № 3.
17. К.Ю. Лаппо-Данилевский. О тайной женитьбе Львова // НЛО. 1997. № 23.
18. Николай Львов «Воспой, любезна лира!» Из поэтического наследия / Составитель Ирина Бочкарева. Торжок, 2014.
19. Елена Милюгина. Н.А.Львов. Художественный эксперимент в русской культуре последней трети XVIII века (<https://davaiknam.ru/text/n-a-levov-hudojestvennij-eksperiment-v-russkoj-kulture-posled>)
20. Е. Г. Милюгина М. В. Строганов. Гений вкуса: Н.А. Львов. Итоги и проблемы изучения. Тверской гос. ун-т, 2008.
21. Муравьев М.Н. Краткое сведение о жизни господина тайного советник Н.А.Львова (https://rvb.ru/18vek/lvov/05addenda/annex1_1.htm)
22. Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена: Бёлау-Ферлаг; СПб.: Пушкинский Дом; Рус. христиан. гум. ин-т; Изд-во «Акрополь», 1994.
23. Н. И. Никулина Николай Львов. Л.: Лениздат, 1971.
24. И. Е. Путятин «Николай Львов. Итальянский дневник. Путешествие 1781 года. 2019.
25. Лилия Романенко Николай Львов – первый зодчий Горячих Вод // Памятники Отечества. 200. Вып. 49 (Вся Россия. Кавказские минеральные воды).
26. Л. Ю. Сапрыкина. Исчезающий Петербург // История Петербурга. 2009. № 1.
27. Тверецкий (Р.И. Матюнин). Тайна женитьбы Львова // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. № 4.
28. В. Ф. Ходасевич. Державин. М.: Мысль, 1988.